Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Балтийский федеральный университет
имени Иммануила Канта»

На правах рукописи

Абдуллаев Абас Абдулахович

ВНУТРЕННЯЯ МИГРАЦИЯ КАК ФАКТОР РЕГИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН

Специальность 23.00.05 – Политическая регионалистика. Этнополитика

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор политических наук, профессор
Тарасов Илья Николаевич

Калининград – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение……...…3

Глава I. Теоретико-методологические подходы к территориальности регионального политического процесса и внутренней миграции населения ……..18
Параграф 1.1. Региональный политический процесс: основополагающие понятие и методология исследования ……18
Параграф 1.2. Политологическая специфика изучения внутренней миграции населения ……...48

Глава II. Влияние внутренней миграции населения на политический процесс в Республике Дагестан ……74
Параграф 2.1. Особенности динамики политического процесса в Дагестане 74
Параграф 2.2. Внутренняя миграция населения в республике как фактор политических изменений ……...104

Заключение……...128

Список источников и использованной литературы……132

Приложения……155

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Трансформация качественных характеристик современного миграционного процесса привела к тому, что он всё чаще рассматривается как один из значимых факторов политических изменений, как в масштабе национальных государств, так и на уровне их регионов. В силу чего внутренняя миграция выступает устойчивым компонентом исследовательского поля современной политической науки.

Дагестан является одним из наиболее сложных по своему демографическому, этническому и конфессиональному составу регионов в России, структура которого представлена практически всеми видами и типами миграционных перемещений. В последние десятилетия за Дагестаном устойчиво закрепилась репутация экономически депрессивного, перманентно воспроизводящего напряжённую социально-политическую динамику региона Российской Федерации. Одно из оснований такого сценария его развития — последствия многократных и масштабных миграционных волн принудительного характера, инициированных в советский период. Они получили стихийное продолжение в новых социально-экономических условиях, которые во многом обусловили развитие наиболее серьёзных, с точки зрения этнополитической безопасности, территориальных противоречий. Сегодня региональная политическая динамика продолжает испытывать на себе территориальные последствия внутренней миграции. Очевидно, существует потребность всестороннего изучения и объяснения социально-политических причин этого влияния.

Сохраняется необходимость в теоретическом осмыслении характера и сущности феномена. В силу того обстоятельства, что Дагестан является географически крайне неоднородным государственным образованием на его примере можно продемонстрировать преимущества и недостатки того или

иного сценария влияния миграционного процесса на территориальный аспект политики в целом. На базе исследования воздействия внутренней миграции на территориальность политического процесса в Дагестане, возможны теоретические построения как в рамках политической регионалистики, так и этнополитологии, расширяя, таким образом, существующие представления о природе этого социально-политического и экономического феномена.

Степень научной разработанности проблемы. В современной научной литературе, как в отечественной, так и зарубежной, существует значительное количество работ, затрагивающих общие вопросы влияния миграции на политический процесс. Немало исследований посвящено проблемам общественно-политического развития Дагестана. Однако в большинстве своём эти работы носят экономический или социокультурный характер. В то время как проблеме влияния внутренней миграции на территориальный аспект политического процесса в Дагестане уделено, с нашей точки зрения, недостаточное внимание.

В целом литературу по теме диссертации можно разделить на четыре условные группы:

1. Работы, отражающие теоретическую специфику изучения регионов как территориально-политических образований, а также проблемам их квалификации и классификации.

2. Труды, посвящённые общетеоретическому анализу политического процесса и его региональной специфике, а также освещению природы территориальности и её проявлениям в современном обществе.

3. Исследования, определяющие теоретико-методологические границы изучения внутренней миграции, а также масштабу и вариациям её влияния на политический процесс.

4. Изыскания, посвящённые характеру воздействия внутренней миграции на различные стороны общественной жизни Дагестана, и работы, рассматривающие внутреннюю миграцию в качестве самостоятельного фактора политической динамики в регионе.

Первая группа работ посвящена рассмотрению региона как феномена объективной реальности. Здесь важное место занимают труды Э.Б. Алаева, Ю.Н. Гладкого, А.П. Клемешева, Н.М. Межевича, Б.Б. Родомана, Г.М. Федорова, А.И. Чистобаева, и др.[1]. Экономическая сторона, являясь наиболее проработанной как в российской, так и зарубежном регионоведении представлена работами А.И. Гаврилова, Е.Г. Коваленко, Н.Н. Колосовского, Н.Н. Некрасова, Л.С. Шеховцевой и др.[2].

Функционалистская школа регионоведения западной политической науки представлена исследованиями У. Айзарда, Д. Гриффитса, К. Ланигана, К. Штольца[3]; в отечественном сегменте этого направления можно отметить труды И.М. Бусыгиной, В.Г. Игнатова, А.К. Магомедова, А.С. Макарычева, В.Р. Чагилова[4].

---

[1] *Алаев Э.Б.* Социально-экономическая география: понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1983. 350 с.; *Гладкий Ю.Н., Чистобаев А.И.* Основы региональной политики. СПб: Издательство Михайлова В.А., 1998. 659 с.; *Межевич Н.М., Кретинин Г.В., Федоров Г.М.* К вопросу об экономико-географической структуризации Балтийского региона // Балтийский регион. 2016. № 3. С. 15-29.

[2] *Гаврилов А.И.* Региональная экономика и управление. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. 239 с.; *Коваленко Е.Г.* Региональная экономика и управление. СПб.: Питер, 2005. 288 с.; *Колосовский Н.Н.* Теория экономического районирования. М.: Мысль, 1969. 335 с.; *Некрасов Н.Н.* Региональная экономика: теория, проблемы, методы. М.: Экономика, 1975. 317 с.; *Шеховцева Л.С.* Управляемое развитие региона: стратегическое целеполагание. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. 353 с.

[3] *Изард У.* Методы регионального анализа: введение в науку о регионах / пер. с англ. В.М. Гохмана, Ю.Г. Липеца, С.Н. Тагера. М.: Прогресс, 1966. 660 с.; *Бикметов Р.М.* Методологические проблемы регионализации. – URL: http://mirznanii.com/a/181783 /metodologicheskie-problemy-regionalizatsii (дата обращения: 02.05.2019); *Griffiths D., Lanigan C.* The Strategic Uses of Regionalism: Regionalist Rhetoric in the North East of England and Wales // Paper presented to the ECPR Workshop: 'Regionalism Revisited Territorial Politics in the Age of Globalisation' ECPR Joint Sessions. Mannheim, 26-31 March 1999; ECPR Standing Group on Regionalism. – URL: http://www.essex.ac.uk/ecpr/index.html (дата обращения: 07.06.2019); *Stolz K.* Minority Nations in Multinational Federations // Scottish Affairs. 2017. № 3(26). pp.75-379; *Stolz K.* The Political Class and Regional Institution-Building: Conceptual Framework, Methodological Problems and (some) Ideas for Empirical Applications. – URL: https://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/dce26dac-39eb-48e6-9e65-0962adf46aa2.pdf (дата обращения: 03.05.2019).

[4] *Бусыгина И.М.* Политическая регионалистика. М.: МГИМО (У); РОССПЭН, 2006. 280 с; *Макарычев А.С.* Российские регионы и глобализация. Нижний Новгород: Нижегор. гос. лингв, ун-т, 2001. – URL: http://www.policy.hu/ makarychev/rus21.htm (дата обращения: 07.06.2019); *Игнатов В.Г., Бутов В.И.* Южная Россия и ее регионы. М.: ИКЦ «МарТ», 2006. 304 с.; *Магомедов А.К.* Мистерия регионализма. Москва: МОНФ (Научные доклады № 114), 2000. 224 с.; *Чагилов В.Р.* Глобализация и нациестротельство в современной Рос-

Понимание региона, как неотъемлемой части национальной территориально-политической системы государства наиболее полно представлено в работах Р.М. Бикметова, И.Н. Барыгина, А.П. Клемешева, С.М. Маркедонова, Л.Г. Олеха, А.В. Полосина, Р.Ф.Туровского[5]. Необходимо отметить разработки Энн Маркузен, дополняющие представление об административном регионе как о субстанциальной политической единице[6].

Вторая группа работ включает труды по общей теории политического процесса, представленные в рамках системного (К. Дойч, Д. Истон, Т. Парсонс[7]) и неоинституционального (Дж. Коулман, Дж. Мейер, Д. Норд, Б. Роуэн, С. Хантингтон[8]) подходов.

сии: Pro et Contra? // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 12. С. 138-140; *Чагилов В.Р., Зинковская Д.Э.* Массмедийное конструирование этнических стереотипов в российском политическом процессе // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 12. С. 42-46.

[5] *Барыгин И.Н.* Регионоведение. М.: Аспект Пресс, 2007. 398 с.; *Бикметов Р.М.* Методологические проблемы регионализации. – URL: http://mirznanii.com/a/181783/metodologicheskie-problemy-regionalizatsii (дата обращения: 07.06.2019); *Туровский Р.Ф.* Центр и регионы: проблемы политических отношений. М.: Издательство ГУ-ВШЭ, 2006. 399 с.; *Олех Л.Г.* Философия регионализма. Новосибирск: Сибирское соглашение, 1997. 129 с.; *Полосин А.В.* Политический регион: опыт операционализации и концептуализации понятия. М.: Издательство МГУ, 2010. 200 с.; *Клемешев А.П.* Проблема эксклавности в контексте глобализации. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. 143 с.; *Маркедонов С.М.* Северный Кавказ: «ахиллесова пята» или политический ресурс? // Россия в глобальной политике. 2017. Т. 15. № 5. С. 175-185.; *Маркедонов С.М.* О чем молчит Северный Кавказ? // Обзор НЦПТИ. 2015. № 7. С. 14-19.; *Симонян Р.Х.* Концепция мезоуровня применительно к региону. – URL: http://naukarus.com/kontseptsiya-mezourovnya-primenitelno-k-regionu (дата обращения: 07.06.2019).

[6] *Markusen A.R.* Studying Regions by Studying Firms. Piscataway, N.J.: Center for Urban Policy Research; Rutgers the State University of New Jersey, 1994. 33 p.; *Markusen A.R.* Regional Planning and Policy: An Essay on the American Exception. Piscataway, N.J.: Center for Urban Policy Research; Rutgers the State University, 1990. 21 p.; *Markusen A.R.* Regions: The Economics and Politics of Territory. Totowa, N.J.: Rowman & Littlefield, 1990. 304 p.; *Markusen A.R.* Region Building: The Political and Economic Origins of Regionalism. Totowa, N.J.: Rowman & Littlefield, 1987.

[7] *Deutsch K.W.* The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control; with a New Introduction. N.Y.: Free Press, 1969. 316 p.; *Easton D.* The Analysis of Political Structure. N.Y.: Routledge, 1990. 336 p.; *Parsons T.* Social Structure and Personality. N.Y.: Free Press of Glencoe, 1964. 376 p.

[8] *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко. М.: Начала, 1997. 180 с.; Классика новой экономической социологии / сост. В.В. Радаев, Г.Б. Юдин; пер. с англ. и с фр.; под науч. ред. В.В. Радаева, Г.Б. Юдина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 381 с.; *Зазнаев О.И.* Вторая молодость «долгожителя»: концепт «политический институт» в современной науке //

К третьей группе, стоит отнести теоретико-методологические исследования регионального политического процесса, отражённые в работах отечественных учёных: В.А. Ачкасова, А.В. Баранова, С.И. Барзилова, А.А. Вартумяна, А.В. Дахина, Н.П. Распопова, Р.Ф. Туровского, А.Г. Чернышова, Н.И. Шестова[9]. Общим вопросам, раскрывающим природу восприятия территориальности, посвящена монография С.К. Нартовой-Бочавер[10], когнитивные аспекты территориального поведения исследуются в работах М.А. Слюсарянского[11], изучению форм проявления территориального поведения социальных общностей посвящены работы А.Ю. Завалишина[12].

Проблемы политической науки / Науч. ред. М.Х. Фарукшин. Казань: Центр инновац. технологий, 2005. С. 3-29; *Нуреев Р.М.* Джеймс Бьюкенен и теория общественного выбора. М.: Таурус альфа, 1997. 531 с.

[9] *Ачкасов В.А.* Российская «национальная политика» как политика «дружбы народов» // Политика развития, государство и мировой порядок. Материалы VIII Всероссийского конгресса политологов / Под общ. ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. М.: РАПН, 2018. С. 47-48.; *Ачкасов В.А.* Роль «образа врага» в процессах этнополитической мобилизации // Политическая экспертиза. 2016. Т. 12. № 1. С. 106-128; *Ачкасов В.А.* Этническая ксенофобия и миграционные процессы в современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2008. № 1. С. 45-51; *Баранов А.В.* Акторы региональных политических процессов в постсоветской России: система взаимодействий: дис. ... докт. полит. наук. Волгоград, 2007. 555 с.; *Барзилов С.И., Чернышов А.Г.* Политическая структура современной российской провинции. М.: Магистр, 1997. 31 с.; *Вартумян А.А.* Региональный политический процесс: динамика, особенности, проблемы: Монография. М.: РГСУ. 179 с.; *Дахин А.В.* Региональная стратификация политического пространства России: новые подходы и тенденции // Политическая наука. 2003. № 3. С. 86-120; *Дахин А.В., Распопов Н.П.* Проблема региональной стратификации в современ-ной России // Полис. Политические исследования. 1998. № 4. С. 132-144; *Туровский Р.Ф.* Центр и регионы: проблемы политических отношений. М.: Издательство ГУ-ВШЭ, 2006. 399 с.; *Шестов Н.И.* Выбор дискурса региональных политического процесса // Регион как субъект политики и общественных отношений. М., 2000. 183 с.; *Чернышов А.Г.* Центр – провинция в региональном самосознании // Полис. Политические исследования. 1999. № 3. С. 100-104.

[10] *Нартова-Бочавер С.К.* Психологическое пространство личности: монография. М.: ФЛИНТА, 2016. 288 с.

[11] *Слюсарянский М.А.* Территориальное поведение: методологические предпосылки социологического исследования // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2011. № 12. С. 22-29.

[12] *Завалишин А.Ю.* Территориальное поведение социально-территориальной общности (на примере региональных общностей России): автореф. дис. … докт. соц. наук. Хабаровск, 2009. 38 с.

Демографическому аспекту изучения миграции посвящены работы В.А. Ионцева, А.Я. Кваши, Л.Л. Рыбаковского[13]. Экономические последствия миграции исследованы в трудах Е.С. Мальцевой, И.С. Масловой, В.А. Соловьева[14], детерминанты и экономические результаты внутренней миграции раскрываются в работах И.А. Алешковского и М.Б. Денисенко[15]. Социологической стороне изучения миграции посвящены работы В.И. Дятлова, В.С. Малахова, И.С. Метелева, Т.Н. Юдиной[16]. Изучению социальной структуры мигрирующих групп посвящены труды И.Б. Бритвиной, Н.М. Лебедевой, В.И. Переведенцева, В.Н. Петрова[17]. Экономико-демографический аспект миграции отражён в работах Д.И. Валентея, А.Г. Вишневского, А.А. Сагратова, С.Г. Струмилина[18].

---

[13] *Ионцев В.А* Международная миграция населения: теория и история изучения. М.: Диалог МГУ. 1999. 370 с.; *Кваша А.Я.* Что такое демография? М.: Мысль, 1985. 126 с.; Демографический понятийный словарь / под ред. Л.Л. Рыбаковского. М.: Центр социального прогнозирования, 2003. С. 173-176.

[14] *Мальцева Е.С.* Региональная трудовая миграция: современное состояние и проблемы регулирования: Монография. Орёл: Изд-во ОФ РАНХиГС, 2013. 256 с.; *Маслова И.С.* Экономические функции и факторы миграции населения // Миграция населения и перспективы демографического развития. М.: ГУ ИМЭИ, 2003. 224 с.; *Соловьев В.А.* О связи доходов населения миграционного прироста в субъектах РФ // Прибалтийские исследования в России: материалы международной научной конференции / под. ред. А.П. Клемешева, Н.М. Межевич, Г.М. Федорова. Калининград: Изд. БФУ им. Канта, 2016. С. 77-82.

[15] *Алешковский И.А* Внутренняя миграция в современной России: тенденции, детерминанты, политика. М.: ТЕИС, 2007. 112 с.; *Денисенко М.Б.* Детерминанты межрегиональной миграции в России // Новейшие изменения во внутренней и внешней миграции населения в России и их экономическое значение. М.-СПб.: Гуманитарное знание, 1994. 90 с.

[16] *Дятлов В.И.* Мигранты и принимающее общество: стратегии и практики адаптации (на примере Иркутска) // Байкальский регион в глобальном мире. Экспертные семинары 2005–2007 гг. Иркутск, 2007. С.65-70; *Малахов В.С.* Интеграция мигрантов: концепции и практики М.: Либеральная Миссия, 2015. 272 с.; *Метелев И.С.* Миграция цивилизация адаптация (концептуальная связь понятий): монография. Омск: ИП Скорнякова Е.В., 2012. 165 с.; *Юдина Т.Н.* Социология миграции. М.: Академический Проект, 2006. 272 с.

[17] *Бритвина И.Б.* Гендерная детерминация адаптации вынужденных мигрантов: социологический анализ: дис ... докт. соц. наук. Екатеринбург, 2006. 353 с.; *Лебедева Н.М.* Социальная психология этнических миграций. М.: ИЭА РАН, 1993. 195 с.; Молодежь и социально-демографические проблемы СССР / отв. ред. В.Н. Шубкин. М.: Наука, 1990. 152 с.; *Петров В.Н.* Этнические миграции в современной России: детерминанты и типология // Социологические исследования. 2009. № 10 (306). С. 48-56.

[18] Демография / под ред. Д.И. Валентея. М.: Высшая школа, 1997. 272 с.; *Вишневский А.Г.* Избранные демографические труды: в 2 т. Том 2. Экономическая демография. Анализ демографических процессов М.: Наука, 2005. 381 с.; *Саградов А.А.* Экономическая демография. М.: ИНФРА-М, 2012, 254 с.; *Струмилин С. Г.* Проблемы экономики труда. М.: Наука, 1982. 471 с.

Особую теоретическую ценность для исследования представляют разработки Ю.Г. Ефимова, впервые предложившего концептуальный подход к изучению влияния внутренней миграции на региональный политический процесс в рамках нового междисциплинарного направления «политическая миграциология»[19].

Работы, отнесённые нами к четвёртой группе, посещены географическим, демографическим, экономическим, аспектам влияния внутренней миграции на общественные процессы в регионе и принадлежат П.Г. Абдулманапову, М.Х. Абидову, Н.М. Агасиеву, Д.У. Ахмедову, Ш.М. Гимбатову, Ш.С. Мудуеву, Д.И. Раджабдибировой, М.Ш. Шейхову и др.[20]. Межэтнической напряжённости и конфликтности как последствиям внутренней миграции на Юге России и Северном Кавказе посвящены работы М.Е. Авдеева, В.С. Белозерова, Э.А. Зелетдиновой, А.М. Ерохина, В.С. Ишигеева, Ю.В. Костенко[21]. Вопросам когнитивного и идеологического аспектов влияния тер-

---

[19] *Ефимов Ю.Г.* Миграция на Северном Кавказе в постсоветский период и ее влияние на социально-политическую составляющую политического процесса // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 8. С. 53-57.

[20] *Абидов М.Х., Абдулманапов П.Г.* Современная миграционная картина Республики Дагестан // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-1. С. 259-268; *Абидов М.Х.* Миграция населения и миграционная политика Дагестана // Center-Bereg. 2017. 8 декабря. – URL: http://center-bereg.ru/n2323.html (дата обращения: 07.06.2019); *Агасиева Н.М.* Миграционные процессы народов Южного Дагестана во второй половине XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2004. 30 с.; *Ахмедова Д.У.* Миграционные процессы в Дагестане в XIX – начале XX вв.: историко-демографический аспект: автореф. дис. … канд. ист. наук. Владикавказ, 2012. 22 с.; *Гимбатов Ш.М.* Миграционные процессы в республике Дагестан и их этнорегиональные особенности: автореф. дис. … канд. экон. наук. М., 2005. 24 с.; *Мудуев Ш.С.* Особенности миграционных процессов в Дагестане // Центр миграционных исследований. – URL: http://www.migrocenter.ru/conferences-kavkaz-m_kavkaz040 (дата обращения: 07.06.2019); *Мудуев Ш.С.* Географические особенности трансформации расселения и хозяйства Дагестана в 1990-е гг.: автореф. дис. ... докт. геогр. наук. М., 2004. 46 с.; *Раджабдибирова Л.И.* Миграционные процессы в регионе и основные направления их регулирования: автореф. дис. … канд. экон. наук. М., 2009. 25 с.; *Шейхов М.Ш.* Влияние чеченских событий на миграционные процессы в Дагестане // Rusnauka. 2009. – URL: http://www.rusnauka.com/5_NITSB_2009/Geographia/40632.htm (дата обращения: 07.06.2019).

[21] *Белозеров В.С.* Трансформация этнодемографических и миграционных процессов на Северном Кавказе // Демоскоп. 2015. 16-29 ноября. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0663/nauka07.php (дата обращения: 07.06.2019); *Зелетдинова Э.А.* Трансформация этноструктуры Астраханской области // Полис. Политические исследования. 2015. № 6. С. 144-156; *Ерохин А.М.* Социальные последствия миграционных процессов и

риториальности на динамику политических процессов на Северном Кавказе затронуты в монографии Г.С. Денисовой[22]. Последствиям влияния миграции русских из региона посвящено значительное количество работ таких авторов как А. Азиханов, С. Болотникова, Ю. Лысенко, Ю. Сошина[23].

Вопросу социокультурной трансформации дагестанского общества, вызванных спецификой внутренней миграции, посвящены исследования М.-Р.А. Ибрагимова, Е.Л. Капустиной, Ю.Ю. Карпова, М.Ю. Рощина, Д.В. Соколова[24]. Социологический анализ внутренней миграции как одного из факторов религиозной радикализации на Северном Кавказе и, в частности, в Дагестане, а также её институциональных последствий отражён в работах

изменение этноструктуры Ставропольского края // Вестник Ставропольского государственного университета. 2004. № 36. С.157-162; *Ишигеев В.С., Авдеев М.Е.* Миграция и национальная безопасность России // Вестник восточно-сибирского института МВД России. 2015. № 4. С. 40-42; *Костенко Ю.В.* Конфликты миграций в Южном федеральном округе как угроза национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Южного научного центра. 2013. Том 9. № 3. С. 76-81.

[22] *Денисова Г.С., Уланов В.П.* Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов-н/Д: Из-во РГПУ, 2003. 352 с.

[23] *Азизханов А.* Почему русские уезжают из Дагестана // Литературная Россия. 2015. 28 мая. – URL: https://litrossia.ru/item/7862-pochemu-russkie-uezzhayut-iz-dagestana (дата обращения: 07.06.2019); *Болотникова С.* Хинкальные отношения, или почему русские бегут из Дагестана // Большой Кавказ. 2012. 23 ноября. – URL: https://rythei.livejournal.com/107055.html (дата обращения: 07.06.2019); *Кадимагомедов А.* Больше не русский. Кизляр // Кавполит. 2018. 25 февраля. – URL: http://kavpolit.com/blogs /arslan07/36329/ (дата обращения: 07.06.2019); *Лысенко Ю.М.* Отток русского населения из Северного Дагестана во второй половине XX века: причины, последствия – URL: http://kumukia.ru/?id=1259 (дата обращения: 07.06.2019); *Сошин Ю.* Русские в Дагестане. Состояние критическое // Правдинформ. 2018. 25 августа. – URL: https://www.apn.ru/ index.php?newsid=36820 (дата обращения: 07.06.2019).

[24] *Карпов Ю.Ю., Капустина Е.Л.* Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX - начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. СПб.: Петербургское востоковедение, 2011. 438 с.; *Капустина Е.Л.* Сельские этюды к городскому пейзажу: трансформация городского пространства в контексте миграционных процессов в Дагестане и сельские землячества в Махачкале начала XXI в. // Кавказский город: потенциал этнокультурных связей в урбанистической среде. СПб.: МАЭ РАН, 2013. С. 111-175; *Рощин М.Ю.* Махачкала в этнокультурном пространстве Дагестана // Город в этнокультурном пространстве народов Кавказа. Материалы X Конгресса этнографов и антропологов России. М.: ИЭА РАН, 2014. 234 с.; *Ибрагимов М.-Р.А.* Этнокультурные последствия миграционных процессов в Дагестане во второй половине XX - начале XXI в. // Вестник института ИАЭ. 2011. № 3. С. 83-95; *Ибрагимов М.-Р.А.* Этнокультурные ландшафты на постсоветском пространстве: проб-лемы и особенности формирования дагестанского компонента (к 90-летию ИИАЭ ДНЦ РАН): монография. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2014. 236 с.

К.И. Казенина, Д.В. Соколова, И.В. Стародубровской[25]. Проблеме роста конфликтности и актуализации её политической компоненты в сфере поземельных отношений, детерминируемых внутренней миграцией в регионе, посвящены работы А.З. Адиева, Д.А. Гусеновой, А.А. Ярлыкапова[26]. Мониторингу этнополитических конфликтов и религиозного экстремизма в регионе, как значимых следствий внутренней миграции в Дагестане посвящены работы М.К. Абигасанова, М.Р. Курбанова, Н. Крайновой, Э.Ф. Кисриева, Э.Т. Майбороды, Т. Магомаева, М. Шахбанова др.[27].

Религиозный радикализм, межэтнические конфликты различной природы, а также т.н. русский вопрос как элементы современной политической динамики в регионе имеют довольно широкое освещение в литературе, но, на наш взгляд, нигде прежде не предпринималась попытка рассмотрения внутренней миграции как детерминанты складывающихся в регионе территориальных отношений. Практически полностью отсутствуют работы, посвящённые рассмотрению внутренней миграции как способа удовлетворения терри-

---

[25] *Казенин К.И., Стародубровская И.В.* Северокавказские города: территория конфликтов // Общественные науки и современность. 2014. № 6. С. 70-82; *Соколов Д.В.* Северокавказский фронтир: Гагатль в образах современной миграции // Этнокультурные ландшафты на постсоветском пространстве: проблемы и особенности формирования дагестанского компонента. Коллективная монография. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2014. 236 с.; *Стародубровская И.В.* Истоки конфликтов на Северном Кавказе: монография. М.: Дело; РАНХиГС, 2013. 277 с.

[26] *Адиев А.З.* Земельный вопрос и этнополитические конфликты Монография. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2010. 144 с.; *Гусенова Д.А.* Социальное пространство этнополитических процессов: дис. … канд. филос. наук. Махачкала, 2006. 146 с.; *Ибрагимов М.-Р.А.* Влияние миграций населения на этнополитическую ситуацию в Дагестане (конец XX – начало XXI в.): сборник научных статей Института социальных исследований ИнгГУ / Отв. ред. Сампиев И.М. Назрань: ООО «КЕП», 2016. 346 с.; *Ярлыкапов А.А.* Современный Дагестан: актуальные этнополитические и этноконфессио-нальные проблемы // Социодинамика. 2012. № 3. С. 130-153.

[27] *Курбанов М.Р.* Миграция и урбанизация в Дагестане – стихийное бедствие // Народы Дагестана. 2017. 11 апреля. – URL: http://narodidagestana.ru/vipusk/54/stat/migraciya_i_urbanizaciya_v_dagestane_%E2%80%93_stihiynoe_bedstvie/ (дата обращения: 07.06.2019); *Магомаев Т.* Из села в город, и обратно // Кавполит. 2014. 21 июля. – URL: http://kavpolit.com/articles/iz_sela_v_gorod_i_obratno-7489/ (дата обращения: 07.06.2019); *Шахбанов М.* География земельных конфликтов // Черновик. 2007. 21 сентября. – URL: https://chernovik.net/content/respublika/geografiya-zemelnyh-konfliktov (дата обращения: 07.06.2019); *Крайнова Н.* Кисриев: процесс перераспределения земель в Дагестане идет по коррупционным схемам. // Кавказский узел 2013. 17 февраля. – URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/220226/ (дата обращения: 07.06.2019).

ториальных интересов этнических групп и в этом контексте оказывающей влияние на политический процесс в регионе.

Изучаемым **объектом** выступает региональный политический процесс в Дагестане.

Предмет исследования – влияние внутренней миграции на территориальность регионального политического процесса в республике.

Цель работы состоит в раскрытии механизмов влияния внутренней миграции на территориальность регионального политического процесса в Республике Дагестан.

Для достижения указанной цели были поставлены и решены следующие **задачи**:

1. Конкретизировать теоретико-методологические подходы к определениям рабочих понятий, обосновать выбор в пользу синтеза системного и неоинституционального подходов для целей исследования регионального политического процесса.

2. Рассмотреть существующие в политической демографии теоретико-методологические подходы к анализу миграционных процессов. Выявить теоретико-методологическую специфику изучения внутренней миграции.

3. Исследовать социальное окружение политической структуры, и определить характер их взаимодействия с позиции устойчивости политических отношений в регионе.

4. На основе анализа динамики этнической структуры внутренней миграции в Дагестане, уточнить её роль в социально-территориальных сдвигах, и определить характер её влияния на изменения форм удовлетворения территориальных интересов.

Теоретико-методологическая база исследования. Для проведения исследования была применена совокупность общенаучных приёмов и логических процедур, как и специальных методов.

Теоретическим фундаментом диссертационного исследования, лежащим в основе конкретизации и операционализации базовых аналитических единиц, выступает сопряжённость системного подхода и социологического неоинституционализма. Системный подход (в частности, Т. Парсонс) рассматривает политическую динамику в её сложной совокупности, включающей как институциональные, так и внеинституциональные компоненты. Социологический неоинституционализм (П. Ди Маджио, Дж. Марч, Й. Ольсен, У. Пауэлл, отчасти Ю. Эльстер[28] и др.) трактует политический процесс как механизм внедрения в институциональные структуры правил, норм, ожиданий, традиций как учреждение институтов или как приобретение ими определённого статуса в общественном сознании.

Масштаб и характер влияния внутренней миграции на политические изменения в регионе за его постсоветскую историю обусловили теоретико-методологический выбор в пользу этнокультурной концепции «миграциологии» в интерпретации Роберта Редфилда (1897–1958) и Эверетт Сперджена Ли (1917–2007)[29]. Мониторинг взаимодействия акторов регионального политического процесса, соответственно, проводился нами, как в контексте этносоциального окружения (среды), так и в отношении этно-элитной структуры, а также в соотнесении их между собой.

Эмпирическая часть исследования потребовала применения ряда аналитических практик. Посредством качественного нечастотного контент-анализа нормативно-правовых актов, публикаций в периодической печати, постов и комментариев в социальных сетях и на профильных Интернет-ресур-

---

[28] *March J.G., Olsen J.P.* Rediscovering Institutions: The Organizational Basis of Politics. N.Y.: Free Press. 1989. 227 p.; *DiMaggio P., Powell W.W.* Introduction. The new institutionalism in organizational analysis. Ch.; L. 1991. 478 p.; *Elster J.* The cements of society: A Study of social order. N.Y., 1989. 311 p.

[29] *Redfield R.* The Little Community and Peasant Society and Culture. Ch.: University of Chicago Press, 1973. 92 p.; *Redfield R.* Human Nature and the Study of Society ... / ed. by Margaret Park Redfield. Papers of Robert Redfield. Ann Arbor (Mich.): UMI Out of print Books on demand, 1992. 507 p.; *Lee E.S.* A Theory of Migration // Demography. 1966. № 1. Vol. 3. pp. 47-57; *Lee E.S., Goldsmith H.F.* Population Estimates: Methods for Small Area Analysis. Beverly Hills: Sage, 1982. 248 p.

сах был сформирован информационный массив, отражающий социодинамику внутрирегиональных миграционных процессов.

Выявление динамических характеристик миграционной ситуации в регионе потребовало обращения к методу вторичного анализа количественных и структурных данных, почерпнутых из официально опубликованных сборников и докладов Дагстата и Росстата. С сожалением констатируем, что располагаемые данные не могут быть признаны исчерпывающими, а применяемые к ним методы выполненными совершенно. Поэтому, для уяснения механизмов влияния внутренней миграции на изменение форм удовлетворения территориальных интересов в регионе применялись процедуры структурного анализа социокультурных факторов.

Научная новизна исследования. В диссертационном исследовании предложена новая периодизация регионального политического процесса в Дагестане на протяжении постсоветского времени его истории.

Доказано, что сохранению механизма этнического квотирования при распределении политической власти в регионе способствуют накопленные к настоящему моменту территориальные противоречия и проблемы, детерминированные миграционными волнами советского и постсоветского периодов.

На основании анализа актуальных данных о структуре и динамике внутренней миграции, определён комплекс особенностей её влияния, лежащий в основе территориальных противоречий; установлена степень её воздействия на региональный политический процесс.

С учётом научной значимости и новизны результатов исследования на защиту выносятся следующие **основные положения**:

На основе всестороннего анализа политического процесса в регионе на протяжении его постсоветской истории установлено, что федеральная власть по-прежнему выступает определяющим фактором сохранения его территориальной целостности.

Территориальные противоречия стали нормой политической динамики региона в период массовой миграции неавтохтонного населения за пределы

ареала его этногенеза. Этнические русские так и некоторые малочисленные неавтохтоны в регионе выполняли (и отчасти, реализуют ныне) функцию референтного культурно-цивилизационного ориентира для полноценного политического развития региона.

Одним из главных результатов функционирования т. н. полусепаратистского этнономенклатурного политического режима практически на протяжении всего постсоветского периода истории региона явилась необратимая утрата модернизационных начал в развитии Дагестана, накопленных в советский период.

На уровне социального окружения (среды) региона, прежде всего, в его молодёжном сегменте, зафиксировано относительно устойчивое воспроизводство тренда на дистанцированнность от российской политической идентичности. Поэтому массовое и интенсивное перераспределение социального окружения (среды), прежде всего, в равнинной части региона детерминировало рост числа территориальных конфликтов, которые, отнюдь не сводимы к поземельным противоречиям.

Невозможность в нынешних условиях разрешить большинство территориальных проблем, как в бытовой, так и экономической плоскости сохраняет за ними потенциальный статус факторов трансформации этих противоречий в оформленные политические конфликты.

Одним из главных условий реализации накопленного к настоящему моменту территориальными противоречиями своего конфликтного потенциала выступают сложившиеся под влиянием внутреннего миграционного процесса этнические диспропорции в территориальном расселении.

В силу того, что повысился уровень конгруэнтности границ социального окружения (среды) региона с его властно-административными контурами, эта проблема перестаёт быть сугубо внутренней, и в условиях институционального кризиса может активизировать рост локального территориального отчуждения, как в самой республике, так и в сопредельных регионах.

Сохранение, пусть и в усечённом виде на официальном уровне, а в рамках неформальных отношений – повсеместно, механизма этнического квотирования обусловлено воспроизводством в нынешней структуре расселения региона этнических диспропорций, вызванных внутренними миграционными волнами прошлых лет.

Удержание территориального статус-кво в регионе, предопределяемое как миграционными, так и культурно-историческими особенностями его развития, по-прежнему выступает одним из важных факторов относительной социально-экономической и политической стабильности.

Теоретическая значимость диссертационного исследования определяется возможностью использования полученных теоретических и методологических результатов для системного изучения современного политического процесса и проблем Северного Кавказа в целом. Комплексный анализ факторов, влияющих на миграционный процесс в Дагестане и сопредельных локациях, позволяет использовать примененную в настоящей работе методологию в рамках регионоведческих изысканий.

Практическая значимость исследования состоит в том, что материалы диссертации могут быть использованы с целью совершенствования управленческой деятельности в Республике Дагестан по регламентации миграции и решения социально-политических проблем, связанных с переселёнными этносами. Результаты исследования могут быть использованы в преподавательской деятельности, в том числе, в учебных курсах по политической регионалистике. Сформулированные предложения и выводы применимы для решения прикладных задач службами аналитического и информационного обеспечения деятельности аппаратов федеральных и региональных органов власти.

Апробация результатов исследования. Содержание диссертационной работы отражено в 11 научных публикациях автора общим объёмом 3,9 п. л., в том числе 3 – в ведущих рецензируемых журналах Перечня ВАК РФ. Промежуточные результаты исследования были представлены на вузовских, все-

российских и международных научных и научно-практических конференциях в Москве («Научный форум», 2017 г.), Казани («Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации», 2018 г.) и Калининграде («Дни науки БФУ», 2019). Диссертация обсуждена на заседании экспертной комиссии по политическим и социологическим наукам института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта и рекомендована к защите по специальности 23.00.05 – Политическая регионалистика. Этнополитика.

Структура и объём диссертации. Диссертационная работа состоит из введения, двух глав, содержащих 4 параграфа, заключения, списка источников и использованной литературы, приложений.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ТЕРРИТОРИАЛЬНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА И ВНУТРЕННЕЙ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ

Параграф 1.1. Региональный политический процесс: основополагающие понятие и методология исследования

Изучение проблемы влияния внутренней миграции на политический процесс в Дагестане следует начать с теоретической основы. Несомненно, что отправной точкой исследования должен стать анализ существующих на сегодняшний день представлений о значимых для исследования единицах анализа – категорий «политический регион», «региональный политический процесс».

В большинстве своём как российские, так и зарубежные исследователи склоняются к мысли что регион – это категория общественных наук, имеющая универсальный характер. Так И.Н. Барыгин определяет регион как «прерывную неоднородную территорию, в пределах которой имеется набор однородных характеристик политического экономического культурного социологического, экологического, географического языкового и другого ландшафта»[30].

Тем не менее, несмотря на многообразие определений естественно, что не все они будут способствовать выявлению влияния внутренней миграции на региональный политический процесс. Однако их все сближает одно общее для определений феномена. Если регион это, прежде всего, территория, то основополагающим признаком квалификации понятия выступает его терри-

[30] *Барыгин И.Н.* Актуальные проблемы международного регионоведения. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2010. С. 31.

ториальность. И лишь по мере роста организационной сложности анализа региона как сложной системы пропорционально увеличивается число уточняющих его свойств и признаков как многомерного явления.

Так И.Е. Никулина и И.В. Хоменко, определяют его как часть территории государства, на которой развивается сложный комплекс социально-экономических взаимоотношений между хозяйствующими субъектами, населением и органами власти[31]. Недостатком этого определения является, несмотря на его несомненную динамичность то, что представляется для нас немаловажным – функциональная дифференциация большинства регионообразующих уровней, отсутствие исчерпывающей конкретности, что лишь отчасти приблизит нас к пониманию его политической природы.

Надо отметить, что системные определения понятия регион достаточно широко представлены, как в физической географии, так и в общественных науках. Сложность формулирования универсального определения сводиться к тому, что каждая дисциплина отдает предпочтение тому или иному регионообразующему фактору[32].

Для нас же важным является предельно исчерпывающее сочетание ряда признаков и свойств феномена, способных наиболее полно отразить его системную природу. Так, Б.Б. Родоман определяет регион как множество предметов, обладающих различными географическими координатами и связанных между собой потоками вещества, энергии и информации, которое в отношениях с внешним миром выступает как единое целое[33].

В контексте системных представлений понятия, которые нам представляются оптимальными для исследования его политической динамики, необходимо акцентировать внимание на следующей закономерности – когда каж-

---

[31] *Никулина И.Е., Хоменко И.В.* Системообразующие факторы в развитии регионального социально-экономического климата // Региональная экономика: теория и практика, 2009. № 20. С. 20-25.

[32] *Полосин А.В.* Политический регион: опыт операционализации и концептуализации понятия. М.: Издательство Московского университета, 2010. С. 39.

дое последующее по сложности определение начинает включать в себя свойства и элементы функции предыдущего организационного уровня исследуемой категории.

На наш взгляд, фиксируемый множеством определений эффект поглощения, в полной мере отражает существующие закономерные связи между иерархическими уровнями этого явления, когда «особенностям климата соответствует строго определенные виды растительности и животного мира, специфика распределение элементов рельефа определяет возможности размещения хозяйственных объектов, наличию полезных ископаемых – размещение добывающей промышленности и т. д.»[34].

Хотелось бы отметить важность «экономических» трактовок понятия, так как наряду с акцентом на функциональную природу региона они указывают на его генетическую определенность. В частности, для Н.Н. Некрасова это крупная территория страны с более или менее однородными природными условиями, а главным образом — характерной направленностью развития производительных сил на основе сочетания комплекса природных ресурсов с соответствующей сложившейся и перспективной социальной структурой[35].

Синтетические определения, сочетающие как упоминание естественно сложившихся структур, так и образующих его функциональных связей, представляют для нашего исследования большую ценность. Именно в них, на наш взгляд, отражается социальная природа региона. А включение субъекта в формулировки определений феномена наполняет его социальным смыслом, и добавляет таким определениям большую системность. Дополнительные характеристики позволяют рассматривать организационные уровни как среды для более сложных социальных систем.

---

[33] Цит по: *Казаченко Л.Д.* Регион как объект научного исследования URL: https://cyberleninka.ru/article/n/region-kak-obekt-nauchnogo-issledovaniya (дата обращения: 06.06.2019).

[34] *Федоров Г.М.* Регион как территориальная система // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Сер. 7. География. 2010. № 1. С.23.

[35] *Некрасов Н.Н.* Региональная экономика. Теория, проблемы, методы. М.: Экономика, 1978. 340 с.

Напрмер, Л.Г. Олех рассматривает регион как самодостаточный социальный организм, находящийся в единстве со средой[36]. Значимым, для получения оптимального представления об исследуемом объекте является вопрос об абсолютности (естественности) границ региона и существующих критериях их идентификации. Многие исследователи рассматривают регион как территорию, среднего уровня: «территориальная единица, имеющая промежуточный характер»[37], понимаемая менее строго «…на один порядок меньше рассматриваемой целостности…»[38]. Или более определенно – находящаяся «…между городом и нацией»[39].

Однако в большинстве своем исследователи склоняются к мысли об их искусственности, конструируемости в целях удовлетворения исследовательского интереса к границам региона, когда он предстаёт как безразмерная территория[40], ограниченная рамками существующего проблемного поля[41].

Достаточно много определений, как у отечественных, так и у зарубежных исследователей включающих ценные для нашего исследования элементы. Так, мы солидарны с мнением о том, что границы региона это не волоски[42], а, как правило, плавные переходы, как снижение интенсивности (частоты) проявления одного или сочетания признаков и возрастание их присутствия на соседней территории.

Поэтому нам кажутся ценными формулировки, где фиксируется эта специфика пограничных переходов: «целостный участок территории, отли-

---

[36] *Олех Л.Г.* Философия регионализма // Гуманитарные науки в Сибири. СО РАН, 1997. № 1. – URL: http://www.sibran.ru/journals/gnvsib (дата обращения: 06.06.2019).

[37] *Schmitt-Egner P.* The Concept of 'Region': Theoretical and Methodological Notes on its Reconstruction // Journal of European Integration. 2002. № 3.Vol. 24. PP. 179-200.

[38] *Барыгин И.Н.* Актуальные проблемы международного регионоведения. С-Пб.: Издательский дом С-ПбГУ, 2010. С.31.

[39] *Markusen A.R.* The Economics of Politics of Territory by Review by: David F. Weiman Source: Agricultural History. 1989. No. 3. Vol. 63. pp. 98-100.

[40] *Туровский Р.Ф.* Политическая регионалистика. М.: ГУ ВШЭ, 2006. 792 с.

[41] *Барыгин И.Н.* Актуальные проблемы международного регионоведения. Издательский дом С-Пбгу, 2010. 303 с.

[42] *Бусыгина И.М.* Политическая регионалистика. М.: МГИМО (Университет); «Российская международная энциклопедия» (РОССПЭН). 2006. 280 с.

чающийся некоторой однородностью в своей основе, но не обладающий четкими границами[43].

Существующая проблема идентификации границ отражается в одностороннем ограниченном характере формулировок определений региона, нивелирующих системную природу его существования, когда за основу идентификации региона берутся естественные (генетические) условия или/и функциональные (исторические, экономические, социальные, экологические) его взаимосвязи.

В запанной функционалистской школе регионоведения такой односторонний подход отражен в классификации регионов по наличию признаков гомогенности (однородности), с одной стороны, и когерентности (внутреннего единства, системности) – с другой. Сочетание этих признаков определяется их авторами как район. На наш взгляд, вычленение тех или иных системных свойств региона имеет смысл в чисто аналитических целях. А при его интерпретации необходимо их рассматривать во взаимосвязи как сложное целое, «…так как бывает, что на однородной территории размещаются различные регионы, а разнородные территории входят в состав одного»[44]. Поэтому мы согласны с А.П. Клемешевым, причисляющим все эти три составляющих к признакам региона[45].

В отечественном регионоведении функционалистская абсолютизация в определениях понятия характерна для этатистских трактовок[46]. Где он понимается предельно конкретно как администативно-территориальная единица среднего уровня, субъект Российской Федерации. Понимание региона как некой нормативной (государственной) данности, как объект управления позволяет очертить границы и функции региона как подсистемы для целей госу-

---

[43] *Джеймс Л., Мартин Д.* Все возможные миры. М.: Наука, 1988. С. 517-518.

[44] *Полосин А.В.* Политический регион: опыт операционализации и концептуализации понятия. М.: Издательство Московского университета, 2010. С. 60.

[45] *Клемешев А.П.* Регион в условиях глобализации // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. 2005. № 2. С. 22.

дарственного управления, однако, этой функцией регион не исчерпывается. Поэтому он «должен рассматриваться одновременно и как элемент территориальной организации национального хозяйства, и как элемент системы расселения, и как элемент социальной организации общества — места всех сфер жизнеобеспечения и жизнедеятельности человека»[47].

Не вызывает сомнений, что политическую определенность регион приобретает именно в рамках административных границ. Этот подход к демаркации политического региона выглядит вполне закономерным, если учитывать тот факт, что главным актором политического процесса в регионе выступает государственная власть.

Нашему исследованию близки определения, в которых явление чаще рассматривается не столько как всеобъемлющий территориальный комплекс, сколько как административное образование, т. е. область, объединенная по управленческому принципу и обладающая едиными полномочиями как субъект и объект управления одновременно[48].

Некоторые исследователи вообще выводят политическую природу феномена из сложной семантики его наименования, по их мнению, указывающий не только на его территориальное происхождение, но его суверенный статус: регион от «regere» – вести, направлять, управлять[49].

Такая особенность политического понимания явления для нас выглядит достаточно важной, так как общеизвестно, что на практике регионы юридически считающееся равными в действительности могут сильно различаться по степени сложности и многообразию структур, наличию или отсутствию тех или иных функциональных компонентов. Некоторые исследователи, беря

---

[46] *Игнатов В.Г.* Южная Россия и ее регионы / В.Г. Игнатов, В.И. Бутов. М.: ИКЦ «МарТ», 2006. 304 с.; *Магомедов А.К.* Мистерия регионализма. Научные доклады № 114. Москва: МОНФ, 2000.

[47] *Коваленко Е.Г.* Региональная экономика и управление. СПб.: Питер, 2008. С. 24.

[48] *Костенко Ю.В.* Специфика региональной системы политического управления. – URL: upload/iblock/dbd/uch_2008_xiii_00020.pdf (дата обращения: 07.06.2019).

[49] *Щипков В.А.* Регионализм как идеология глобализма: монография. М.: МГИМО-Университет, 2017. С. 17.

за основу это качество политического региона, рассматривают его на шкале, в динамике в сторону роста его политической субъектности[50].

Мы солидарны с А.В. Барановым в том, что регион складывается на основе и вследствие взаимодействия ряда факторов: географических условий, общности истории и культуры, демографических и социальных показателей; экономической, политической и правовой систем территориального сообщества[51].

Определения политического региона по нашему мнению могут быть классифицированы следующим образом:

1) политическая определенность как свойство регионов определенного типа;

2) политическая определенность как одна из возможных его характеристик;

3) политическая определенность как атрибутивное свойство[52].

Первое определение исключает из исследовательского поля политической регионалистики значительное число территорий, якобы существующих вне политической жизни. Возможно, речь идет о необитаемых безлюдных регионах, однако «даже выражение «безлюдный регион» означает территорию, на которой проживали или могли проживать люди, предстает как объект пользования и/или притязаний людей»[53].

Второе представляет регион как многоаспектный феномен, имеющий в своей структуре политическую потенцию, которая может быть актуализирована под влиянием различных обстоятельств, или может оставаться в режиме «stand by».

---

[50] *Туровский Р.Ф.* Политическая регионалистика. М.: ГУ ВШЭ, 2006. 792 с.

[51] *Баранов А.В.* Акторы региональных политических процессов в постсоветской России: система взаимодействий. автореф. дис. … д-ра полит. наук: 23.00.02 / Баранов Андрей Владимирович. Волгоград , 2007. 40 с.

[52] *Полосин А.В.* Политический регион: опыт операционализации и концептуализации понятия. М.: Издательство Московского университета, 2010. С. 43-44.

[53] *Полосин А.В.* Региональное измерение национальной безопасности российской федерации // Вестник Военного университета. 2009. № 4. С. 42-47.

На наш взгляд, вторая и третья группа определений наибольшим образом приближают нас к полноценному пониманию термина политический регион.

Подводя итог проведенному обзору определений понятия регион необходимо отметить, что под этой категорией числиться не менее 4 территориальных единиц: микрорегион, трансграничный регион, субрегион, и макрорегион[54]. Под политическим регионом мы будем понимать такой его тип, который выступает наиболее крупной единицей административно-территориального деления государства. А.В. Полосин определяет его как «отграниченное определенной территорией население, основная масса которого сложилась (складывается) в общность, организованную в политико-административную единицу в составе государства и в этом качестве выступающую как относительно самостоятельный субъект в политическом пространстве страны»[55].

С учетом вышеизложенного, возможно предложить синтетическое определение понятия «региона» как естественно сложившийся территории проживания тех или иных этнических общностей, оформленной рамками административных границ и в таком качестве воспринимаемой, как относительно автономный субъект политики.

Без детального изучения властно-управленческого уровня региона понимание его политической природы будет невозможным. Следовательно, логически верной стадией анализа политического региона будет рассмотрение его в качестве части целого – политической системы.

Надо отметить, что первоначально категория «региональная политическая система» закрепился в рамках региональных исследований политиче-

---

[54] *Кулматов К.Н., Митрофанова А.В., Панов А.Н.* Региональные аспекты международных отношений. М.: Восток – Запад. 2010. 536 с.

[55] *Полосин А.В.* Политический регион: опыт операционализации и концептуализации понятия. М.: Издательство Московского университета, 2010. С. 46.

ских культур в США[56]. В свое время в некоторых отечественных исследованиях термин «региональная политическая система» активно применяли такие учёные как В.Д. Нечаев, А.Ю. Сунгуров и др.[57].

Всё же в российской политической науке утвердился подход предполагающий рассмотрение региональной политической системы исключительно в формате центро-периферийных отношений[58]. В этом случае регион предстает как неотъемлемой часть национальной политической системы. Поэтому использование сочетания «региональная политическая система» отечественной политической науке представляется достаточно спорным. В.А. Качкин в своей работе «Этническая мобилизация и процесс регионализации: формы и механизмы» (2000 г.) указывая на эту идеологическую установку, так пишет об этом: «Создается впечатление, что активность всех акторов, проживающих в России вне Москвы, заключается в том, чтобы «обесстоличить» центр и глобализовать провинцию до значения, сравнимого со значением столицы»[59].

Считаем необходимым отметить, что региональное политическое пространство объективно представлено структурами различной функциональной направленности и сложности, которые невозможно исследовать, не обращаясь к системному подходу, который, как известно, предполагает готовность рассмотрения одних и тех же элементов, компонентов и как систем, подсистем или их окружения одновременно.

То есть, исследуя исключительно вертикальные взаимоотношения невозможно получить полноценную картину политических процессов разворачивающихся в регионах. Поэтому изучая региональную политическую жизнь, выделяют два уровня его функционирования: когда они рассматрива-

---

[56] *Patterson S.C.* The Political Cultures of the American States // The Journal of Politics. 1968. № 1. Vol. 30. PP. 187-209.

[57] Политический процесс в регионах России (Заочный «круглый стол») // Полис. 1998. № 2. С.95; *Нечаев В.Д.* Региональные политические системы в постсоветской России // Pro et Contra. 2000. Т.5. № 1. С. 80-95.

[58] *Качкин А.В.* Этническая мобилизация и процесс регионализации: формы и механизмы // Мир России. № 2000. № 4. С. 135-148.

[59] Там же. С. 136.

ется как составной компонент государственной (национальной) политической системы, имеющий доминантно вертикальную структуру властных отношений. Этот аспект рассмотрения региональной политической системы требует относить его к «развивающейся системе, которая в отличие от саморазвивающейся системы не полностью самостоятельна, а в рамках отведенных федеральным центром полномочий вырабатывает цели развития и критерии их достижения, изменяет институты, инфраструктуру и условия функционирования других элементов»[60].

Во втором случае, последняя предстает как условно самостоятельная политическая единица, с доминированием в структуре совокупной динамики объективно сложившегося многообразия горизонтальных связей и отношений, воспроизводимых в рамках регионального политического пространства.

В данной работе мы предлагаем способ исследования, когда логика отношений «центр-периферия» не то чтобы не учитывается в анализе, это представляется невозможным в принципе с оглядкой на отечественную политическую культуру и практику. Она не является основным методологическим подходом для выявления механизма влияния внутрирегиональной миграции на политическую специфику в нем и позволяющим рассмотреть Дагестан как относительно самостоятельную политическую целостность.

А другое схожее понятие с аналогичным смыслом использовали С.И. Барзилов и А.Г. Чернышов – «политическая структура региона»[61]. На наш взгляд, это не совсем корректно, так как понятие «структура» в системологии отражает конкретное свойство системы, то есть эти явления и соответственно отражающие их понятия должны находиться в отношениях соподчинения. Рассмотрение понятие «региональная политическая структура» как синонима понятия «региональная политическая система» запутывает изуче-

---

[60] *Шеховцева Л.С.* Методологические подходы к исследованию региона: формирование стратегических целей // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта 2014. № 3. С. 27.

[61] *Барзилов С.И., Чернышов А.Г.* Политическая структура современной российской провинции. М., 1997. С. 13.

ние и без того сложного многообразия политических отношений на региональном уровне.

В содержательном же плане определения региональной политической системы варьируются от релятивных, открытых, возможно, для включения новых уточняющих свойств, выявляемых в ходе исследования. Так Е.В. Морозова определяет региональную политическую систему как «всё многообразие властных структур, органов местного самоуправления, гражданских инициатив и других горизонтальных образований, а также отношений между ними, соответствующих норм и региональной политической культуры»[62]. Аналогичные определения присутствуют у Н.В. Борисовой, П.В. Панова, Л.А. Фадеевой[63].

А.Д. Кириллов, определяет множество институтов в рамках региональных политических пространств - «политической микросистемой»[64], выводя тем самым, за рамки теоретической схемы другие его уровни, например социальный в лице тех же этнических общностей нередко выступающими активными участниками регионального политического процесса. В этой связи мы солидарны с оценкой таких предельно усеченных, определений как односторонних, которые оценивает А.В. Баранов, считающий, что они «не включают в круг анализа политическую культуру и неформальные взаимодействия акторов»[65].

Из теории систем известно, что по мере роста организационной сложности из их структуры выделяются компоненты, специально отвечающие за

---

[62] *Морозова Е.В.* Региональная политическая культура. Краснодар, 1998. С. 58.

[63] *Панов П.В., Фадеева Л.А.* Региональная полития: институционализация, трансформация, традиции // Мировая политика: проблемы теоретической идентификации и современного развития. М., 2006. С. 321-348; *Борисова Н.В.* Институционализация региональных политических систем: теоретические аспекты // Политический альманах Прикамья. Пермь. 2002. Вып. 2. С. 41-46.

[64] Политический процесс в регионах России (Заочный «круглый стол») С.105

[65] *Баранов А.В.* Акторы региональных политических процессов в постсоветской России: система взаимодействий. автореф. дис. … д-ра полит. наук: 23.00.02 / Баранов Андрей Владимирович. Волгоград, 2007. 40 с.

соответствие планируемых к реализации задач, значимых для той или иной системы, отвечающих целям её развития.

По мнению значительного числа исследователей, региональная политическая система обязательно должна включать такой значимый для её жизни компонент как ценностная подсистема, понимаемая широко и опосредованно – как социокультурная традиция региона[66] или более конкретно – региональная политическая культура[67]. А.В. Дахин и Н.П. Распопов так определяют значимость этого компонента в системе «именно традиция, укорененная в региональном социуме …оставляет после себя приспособленные к определенному порядку институты и учреждения, которые с архитипическими образованиями культуры структурируют политическое пространство региона»[68]. Это тем более обосновано, что «особенно ярко контраст между реальной политической жизнью и ее юридическим оформлением проявляется в России с ее долгосрочными традициями правового нигилизма, самодержавия, сакральности власти, централизма»[69].

Для целей исследования нами привлечены определения, в содержании которых на равных правах, нейтрально, не акцентируя внимание ни на этатистском, ни на институциональном функционале системы, представлены все ее политически значимые компоненты: «…ресурсы и средства, институты и процедуры, нормы и правила, а также цели и результаты»[70].

Региональная политическая система является не статичным образованием, воспроизводиться, изменяется и развивается во времени в рамках регионального политического пространства. Поэтому А.В. Дахин, считает, что региональную политию необходимо рассматривать как подвижный «конти-

---

[66] *Дахин А.В., Распопов Н.П.* Проблема региональной стратификации в современной России // Полис. 1998. № 4. С. 135.

[67] *Вартумян А.А.* Региональный политический процесс: динамика, особенности, проблемы: Монография. С. 18; *Морозова Е.В.* Региональная политическая культура. Краснодар, 1998.

[68] *Дахин А. В., Распопов Н.П.* Ук. соч. С. 66.

[69] *Вартумян А.А.* Ук. соч. С. 20.

[70] *Полосин А.В.* Ук. соч. С. 173.

нуум институтов и процессов, как формализованных, так и неформальных»[71]. Остановимся в этой связи более подробно на понятии «процесс».

В философии процесс характеризуется стадиальностью, в семантике понятия «процесс» акцентируется внимание на моменте направленности изменений состояния объектов и временность их существования в силу изменчивости. В рамках философской науки понятие «процесс» используется для перехода от абстрактных категорий бытия к их учету и исследованию динамики их развития»[72].

Политический же процесс в силу его социальной природы выступает в качестве совокупности политических отношений его субъектов и, следовательно, характеризуется многообразием и множеством единичных событий и действий, обеспечивающих динамику политической системы[73]. В отношении институционального оформления он может быть, осознанно организованным или спонтанным.

Следует также различать две плоскости политического процесса – макроуровень, когда он понимается предельно широко как воспроизводство политической системы, а на микроуровне он предстает как равнодействующая «субпроцессов», которые проявляются в действиях отдельных политических субъектов в рамках достижения их политических целей[74].

Выявление сущности политического процесса, как известно, проявляющего свою динамику в достаточно широких функциональных пределах в методологическом плане представляет немалые сложности. Л. Уайтхед указывает, что теории позитивистской и прогностической природы скорее подойдут для анализа устойчивой демократии, а социокультурный и историче-

---

[71] *Дахин А.В.* Региональная стратификация политического пространства России: новые подходы и тенденции // Политическая наука. 2003. № 3. С. 89-90.

[72] Философский словарь / Под ред. В.Е. Кемерова. М., 2010. 786 с.

[73] *Баранов А.В.* Акторы региональных политических процессов в постсоветской России: система взаимодействий. автореф. дис. … д-ра полит. наук: 23.00.02 / Баранов Андрей Владимирович. Волгоград, 2007. 40 с.

[74] Категории политической науки / Под ред. А.Ю. Мельвиля. М.: Вагриус, 2002. С. 321.

ский анализ – будут полезны для понимания недемократических и (добавим от себя) нестабильных социумов[75].

На наш взгляд, такой подход имеет смысл, если он является дополнительным и не носит нормативного характера. Иначе, анализ переродиться в тенденциозную апологетику, так как применять подходы конгруэнтные уровню модернизации – это значит загонять исследуемое явление в узкие методологические рамки, ставить на нем ярлык, тем самым нивелируя качество сложной «процессуальности» природы высокоорганизованных систем, предполагающей, как известно, многовариантность их развития. Поэтому для полного и глубокого анализа политического процесса, важно на наш взгляд, рассмотреть его в симбиозе двух теоретических подходов – системном и неоинституциональном.

Системный подход рассматривает политическую динамику в ее сложной совокупности включающей как институциональные, так и вне неинституциональные компоненты процесса, а также ценности, нормы, коллективы и роли[76].

Неоинституционалисты же рассматривают институты независимо от их природы как единственно возможные акторы политического процесса. То есть, по их мнению, вне институтов политическая динамика возможна, но она не выполняет значимые для системы функции или вносит искажения в её функционирование. Поэтому для стабильной работы политической системы внеинституциональная деятельность акторов должна носить, по меньшей мере, периферийный характер.

Сторонники системного подхода рассматривают политический процесс как явление, сопровождаемое следующим набором процедур: включение, ге-

---

[75] *Уайтхед Л.* Сравнительная политология: исследования по демократизации // Политическая наука: новые направления. М. 1999. С. 358.

[76] *Парсонс Т.* О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000. 880 с.

нерализация ценностей, дифференциация, повышение адаптивного потенциала[77].

Неоинституционалисты при анализе сущности политической жизни обращаются к тождественным со сторонниками системного подхода элементам ее динамики. Так, Р. Гудин, Ж.Э. Лейн, С. Хантингтон, С. Эрсонн рассматривают политический процесс как механизм внедрения в институциональные структуры правил, норм, ожиданий, традиций[78], как учреждение институтов (У. Пауэлл)[79], или как приобретение определенного статуса в общественном сознании и системе институтов (Дж. Меер, Б. Роуан)[80].

Следовательно, оба подхода на макроуровне рассматривают политическую динамику как детерминированную организационно-интегративными и ценностно-регулятивными функциональными компонентами. К тому же неоинституциональный подход предполагает, что присутствие институциональных структур в политическом процессе выступает значимым критерием его зрелости, акцентируя внимание на производности и подчиненности воспроизводимых функций.

Однако носит ли для неоинстиуционалистов политический институт субстанциональный эмерджентный характер, что является базовым критерием для понимания явления как системного? Есть основания полагать что да. Так, в частности, С. Хантингтон указывает на то, что в неоднородных обществах политические институты должны функционировать «…до некоторой степени независимо от тех общественных сил, которые их создали»[81].

---

[77] Там же.

[78] *Зазнаев О.И.* Вторая молодость «долгожителя»: концепт «политический институт» в современной науке // Проблемы политической науки. Науч. ред. М. Х. Фарукшин. Казань: Центр инновац. технологий, 2005. С. 3-25.

[79] Там же. С. 8.

[80] Классика новой экономической социологии / Сост. В.В. Радаев, Г.Б. Юдин; пер. с англ. и с фр.; под науч. ред. В.В. Радаева, Г.Б. Юдина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 381 с.; *Мейер Дж., Роуэн Б.* Институционализированные организации: формальная структура как миф и церемониал // Экономическая социология. Т.12. 2011. № 1. С. 43-68.

[81] *LaPalombara J.* Review by: Political Order in Changing Societies by Samuel P. Huntington // The Yale Law Journal. 1969. Vol. 78, No. 7. PP. 1253-1275.

Также необходимо отметить, что представление о сущности политической динамики на микроуровне у обоих подходов также могут быть представлены как тождественные.

Представители системного подхода, говоря о сущности политического процесса, указывают, что единичное действие выступает главным объектом анализа[82]. Причем процесс понимается, вполне определенно как «поведенческая система»[83]. Причем Т. Парсонс уточняет, что сложный противоречивый характер индивидуального поведения не является препятствием для интеграции их субъектов в большие сложные социальные системы, направляя свою критику в сторону исследователей, абсолютизирующих значимость индивидуального поведение в исследовании политического процесса[84]. То есть, системный подход рассматривает политический процесс как совокупное поведение индивидов, способных в целях удовлетворения собственных интересов интегрироваться в дифференцированное целое.

Для неоинституционалистов институт (структура) выступает ограничителем, упорядочивающим и делающим более прогнозируемым поведение индивидуального субъекта. Это «правила игры» в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми[85].

Оба подхода рассматривают сущность политического процесса как совокупность политического поведения индивидуальных субъектов в целях эффективной реализации собственных интересов вынужденных ограничивать свою активность институциональными рамками. Для системного и неоинституционального подходов, глубина описания политического процесса ограничивается поведением отдельного индивида, а степень генерализации

---

[82] *Парсонс Т.* О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000. 880 с.

[83] *Easton D.* A systems analysis of political life. Enskede: TPB, 2001.

[84] *Парсонс Т.* О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000. 880 с.

[85] *North D.C.* Institutions, institutional change and economic performance New York: Cambridge University Press, 2017.

завершается такими категориями как «политический процесс» и «политический институт».

Отдельного внимания заслуживает язык (лексика) с помощью которого оба подхода исследуют политическую динамику. Системный подход для этого прибегает к концептам, заимствованным из естественных наук и прикладных дисциплин (структура, функция обратная связь и т.д.). Неоинституционалисты применяют, прежде всего, понятийно-категориальный аппарат экономической науки либо механически перенося его лексику (ресурсы, издержки) либо адаптируя ее с учетом специфики политической сферы (концепт права собственности). В значительной степени заимствуя лексику системного подхода, когда необходимо исследовать политические институты в их динамике.

В системном подходе все аспекты исследования политического процесса соответствуют трех типов описания, используемых при анализе систем любой природы и сложности: морфологическое, функциональное и информационное[86], что, в общем, соответствует трем базовым концептам, применяемым при анализе политической динамики в рамках неоинституционального подхода – организация, норма, ценность. Системный подход, как видим, отличается большей степенью генерализации.

Экономическая сфера в обоих подходах является значимой частью исследовательского поля. Причем если для первых экономика (подсистема) выполняет адаптивную функцию в системе позволяя приспосабливаться к различным негативным воздействиям среды[87], то для вторых – она предстает в качестве эмпирической базы, из которой исследователи черпают основной материал для исследований.

Логика проведения демаркационных линий при вычленении политической сферы из всего потока социального поведения у обоих подходов в целом носит также тождественный характер. Сторонники неоинстиуционально-

---

[86] *Дружинин В.В., Конторов Д.С.* Системотехника. М.: Радио и связь, 1985. 200 с.
[87] *Easton D.* A systems analysis of political life. Enskede: TPB, 2001.

го подхода рассматривают политический сферу как состоящую из политических институтов и их окружения (С. Хантингтон)[88]. Системный подход в силу его универсального характера наряду с историческими и социокультурными аспектами среды выделяет иные уровни и функции системы. Так, Д. Истон указывает, что для политической системы характерно наличие среды, которая включает физическую, биологическую, социальную и психологическую компоненты[89].

У сторонников системного подхода на микроуровне субъекты мотивированы не только материальными стимулами (деньги, власть), но и убежденностью «…объекта воздействия в том, что, то решение, которое внушает ему субъект влияния, означает действие в интересах коллективной системы, с которой оба они солидарны»[90]. Неоинституционалисты также проявляют поливариантность в этом вопросе. Представители теории рационального выбора рассматривают рыночные механизмы в качестве основных для понимания логики поведения политических субъектов. Главным в анализе политического процесса, по их мнению, являются конкурентный рынок за доступ к политическим ресурсам (экономическим, идеологическим, административным), который исследуется в логике т. н. транзакционных издержек[91]. Так как индивиды поодиночке не способны добиться этих целей организационный и нормативно-ценностный возможности института служат инструментами в их достижении[92].

Представители исторического и социологического неоинституционализма предлагают более взвешенный подход, указывая на существующие

---

[88] LaPalombara J. Review by: Political Order in Changing Societies by Samuel P. Huntington // The Yale Law Journal. 1969. Vol. 78, No. 7. PP. 1253-1275.

[89] *Easton D.* A systems analysis of political life. Enskede: TPB, 2001.

[90] *Парсонс Т.* О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000. 880 с.

[91] *Коуз Р.* Фирма, рынок и право / Пер. с англ.М.: Новое издательство, 2007 224 с.

[92] *Нуреев Р.М.* Джеймс Бьюкенен и теория общественного выбора. М.: Таурус альфа, 1997. С. 454.

ограничения в поведении субъектов, обусловленного «траекторией предшествующего развития» и социокультурной спецификой[93].

Таким образом, поведение субъектов с позиции обоих подходов обусловлено сложным сочетанием факторов. Потому что «…институты не формируют поведения акторов полностью: многое зависит от ситуации, в которой действуют правила»[94]. В обоих случаях в целом можно говорить о добровольности вступления субъектов в политический процесс, однако их мотивация истолковывается по-разному.

Так у сторонников системного подхода нет единства по поводу добровольности принятия субъектами процесса ценностной системы. Авторитарный характер внедрения этого компонента, по мнению Д. Истона, является отличительной особенностью именно политической динамики[95]. Т. Парсонс же напротив, считает что «влияние и ценностные приверженности действуют по принципу добровольности, через убеждение и апелляцию к чести и совести»[96]. У неоинституционалистов это уже не только личная выгода, как у их предшественников но и осознание того что поведение субъекта детерминирована сочетанием совокупности факторов[97].

Оба подхода главной целью участия в политической жизни называют её непрерывную модернизацию, понимаемую как усложнение политической системы (дифференциация ее элементов и их функций) при условии сохранения качества её целостности (интегративности). С. Хантингтон видит это не как «…просто «совместное существование», но упорядоченное, стабиль-

---

[93] Historical institutionalism. – URL: https://www.britannica.com/topic/neoinstitutionalism (дата обращения: 07.06.2019).

[94] *Зазнаев О.И.* Вторая молодость «долгожителя»: концепт «политический институт» в современной науке // Проблемы политической науки / Науч. ред. М. Х. Фарукшин. Казань: Центр инновац. технологий, 2005. С. 24.

[95] *Easton D.* A systems analysis of political life. Enskede: TPB, 2001.

[96] *Парсонс Т.* О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000. 880 с.

[97] *Зазнаев О.И.* Вторая молодость «долгожителя»: концепт «политический институт» в современной науке // Проблемы политической науки / Науч. ред. М. Х. Фарукшин. Казань: Центр инновац. технологий, 2005. С. 3-25.

ное и устойчивое совместное существование»[98]. Политическая динамика в этом случае предстает как длительный процесс эволюции или деградации политических институтов.

Если политический институт включает в себя исключительно сферу общественных отношений, то политическая система (процесс) предстает как нечто большее, чем просто определенный тип социальный отношений. А как высшая регулятивная и интегративная подсистема в иерархии высокоорганизованных социальных систем.

С позиции обоих подходов политический процесс – это результирующая политического поведения индивидуальных субъектов направленного на реализацию собственных интересов. Субъекты для эффективного реализации собственных целей институционализируются т. е. становятся частью организационно-функциональной и номативно-ценностной структур (институтов), которые выступают наряду со средой фактором ограничения его поведения в политическом процессе. В акторную структуру политического процесса входят как сложносоставные институциональные субъекты, такие как государство, политические структуры производные от него – партии, общественные организации, так и отдельные индивиды.

Динамической составляющей, «продуктом» политического процесса выступают политические изменения «…как постоянный переход из одного состояния общества в другое…»[99] как имманентное свойство любых политических систем. То есть политические изменения это «преобразования институтов норм и целей типов деятельности людей в политике, которые суще-

---

[98] *Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. Режим доступа: http://litra.pro/politicheskij-poryadok-v-menyayuschihsya-obschestvah/hantington-semyuel/read (дата обращения: 07.06.2019).

[99] *Баранов А.В.* Акторы региональных политических процессов в постсоветской России: система взаимодействий. автореф. дис. … д-ра полит. наук: 23.00.02 / Баранов Андрей Владимирович. Волгоград, 2007. 40 с.

ственно влияют на обновление политической системы или отдельных ее элементов»[100].

В силу того что объектом исследования выступает политический процесс в полиэтничном регионе, анализ его типологий целесообразно начать по социокультурному критерию.

В этом случае, в расчет берутся, например, такие аспекты его функционирования как этноконфессиональное происхождение элит, субъектов оказывающих доминирующее влияние на региональную политику. По этому признаку выделяют идеократический, харизматический и технократический типы политических процессов[101]. Первый мы наблюдаем в традиционных социумах, с однородной социальной структурой. Политический процесс в таких обществах носит простой однонаправленный характер, так как функции принятия важнейших решений берет на себя централизованная власть. То есть государственные институты выступают монопольными акторами политического процесса.

Формирование харизматического политического процесса становиться результатом устойчивых личных связей, лояльности политическому лидеру. Этот тип политической динамики имеет свои преимущества в деле ускоренной мобилизации общественной системы, когда она вынуждена переживать вызовы экзистенциального характера: внешнюю интервенцию, кризис целеполагания при выходе на новый уровень развития. Однако в силу избыточной персонификации властных отношений, процесс сохраняет устойчивость до выхода системы на понятную траекторию развития и, как правило, прекращается со смертью политического лидера.

Технократический политический процесс характерен для стран «золотого миллиарда» (США, Западная Европа, часть стран британского содружества). Этот тип процесса некогда был образчиком законности, авангардом до-

---

[100] *Шутов А.Ю.* Политический процесс (теоретико-методологические аспекты): автореф. дисс. …канд. полит. наук: 23.00.02 / Шутов Андрей Юрьевич. М., 1993. С.15.

[101] Там же.

говорной парадигмы. Однако политическая практика последних лет демонстрирует скатывание политических режимов «коллективного Запада» к некоторым недемократическим практикам и двойным стандартам.

В современной России происходит сочетание трех типов, как на федеральном, так и региональном уровнях, с доминированием харизматической компоненты[102].

Классификация политического процесса по стадиальному критерию имеет следующий вид: процесс, функционирующий в условиях традиционного социума и политический процесс цель которого – модернизация политической системы. Процессы, протекающие в регионах, с традиционными социумами, нацелены на циклический режим функционирования, в то время на других территориях, пребывающие в режиме модернизации пытаются организовать свою жизнь на основе легитимных и легальных форм участия граждан в процессах принятия политических решений[103].

Классифицировать политические процессы можно также и на основе пространственного критерия. Выделяют глобальные, межгосударственные, государственные, региональные и локальные политические процессы.

В крупных по масштабу политических системах внешне наблюдаемая как цельная территориальная организация власти никогда не бывает единообразной, и совмещает в себе принципы административно-территориального, регионального (национального) и смешанного распределения власти на местах. Ее политическая динамика характеризуется как баланс интересов основных субъектов на вертикальном уровне – между межгосударственными, национальными, региональными и субрегиональными субъектами так и в горизонтальном измерении.

---

[102] *Герасименко Л.Н.* Специфика регионального политического процесса в современной России. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2008. № 2.

[103] *Хантингтон С.* Третья волна: Демократизация в конце XX века. — М.: АСТ, 2003. 386 с. См. также: *Шмиттер Ф.* Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии. // Полис. Политические исследования. 1996. № 5. С. 16-27. См. также: *Бойме*

А.Г. Чернышов, определяя границы региональной политической системы, выявляет двухуровневый характер ее структуры: политические сообщества и субъекты власти вышестоящего и низового уровней, а также политические отношения соответствующие им, замкнутые в рамках административно-территориальных единиц региона[104].

То есть сущность регионального политического процесса может представать как результирующая взаимодействия политических структур обладающих властными полномочиями и группами, претендующими на власть либо желающими влиять на нее, а также как их социальное окружение. Однако политический процесс не протекает в вакууме, на него влияет сложная совокупность факторов, условно разделямых на внешние и внутренние.

К внутренним относят категории исключительно индивидуальной и социально-психологической природы: мотивационную компоненту, которой руководствуются акторы политического процесса, их интересы, образ и оценка себя и собственного окружения и т. п. К внешним относят природно-географические, а также социокультурные: этнические, конфессиональные.

Многоуровневый и не всегда формальный характер акторной структуры регионального политического процесса определяет значимую для идентификации границ его протекания, отмечаемую многими экспертами: действительное политическое пространство региона отнюдь не всегда совпадает с его административными границами[105]. Это обусловлено тем, что в структуре региональной политической системы, как было указано выше, присутствует два неравных по своим масштабам и ресурсной обеспеченности функцио-

---

К. Теория трансформации - новая междисциплинарная отрасль знания? // Государство и право. 1994. № 7. С.14-21.

[104] *Чернышов А.Г.* Региональное политическое пространство и вызовы глобализации // Пространство власти: Исторический опыт России и вызовы современности. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. С.55.

[105] *Дахин А.В., Распопов Н.П.* Проблема региональной стратификации в современной России. С. 67 ; *Усягин А.В.* Территориальное управление в политической системе Российской Федерации. автореф. дис. … д-ра полит. наук. Н. Новгород, 2006. С. 11, 20.

нальных уровня: организационный и социальный[106]. Их вычленение, на наш взгляд, носит чисто теоретический характер, так как в действительности оба уровня находятся в системной взаимосвязи друг с другом. Поэтому их теоретическая дифференциация не должна быть поводом для спекуляций рассмотрения их как не просто автономных, а независимых, что по нашему мнению представляется методологически непродуктивным. Когда региональный социум, понимаемый как социально-территориальная система, видится как самодостаточная, не нуждающийся во внешнем стимулировании или ограничении образование[107].

Оба функциональных уровня системы не могут рассматриваться как обособленные, иначе регион утрачивает статус не просто сложной развивающейся системы, к коей мы причисляем его, а системы как таковой, так как её функциональные подсистемы объективно не могут существовать и эффективно развиваться без управленческого воздействия каждой из них. Здесь можно обсуждать вариации дистанцированности и закрытости этих подсистем, которые определяются спецификой и сложностью выполняемых ими функций. Ведь одна из важнейших особенностей политического региона как системы – это его сложная структура управления. Регион является одновременно объектом управления со стороны федеральных (национальных) властей и субъектом управления в лице региональных и муниципальных властей, что требует формирования целей разного уровня[108].

Однако этим изолированность организационной и социальных структур системы не ограничивается, она обусловлена характером их функциональной специализации.

---

[106] *Чернышов А.Г.* Региональное политическое пространство и вызовы глобализации. С. 61-63.

[107] См.: *Чернышов А.Г.* Регион как субъект политики. Саратов, 1999. С. 127; *Зеленко Б.И.* Регион как субъект политики (Взгляд с позиций национальной безопасности) // Безопасность Евразии. 2004. № 1. С. 352; *Косолапов Н.А.* Политико-психологический анализ социально-территориальных систем. Основные теории и методологии (на примере России). М., 1994. С. 30.

[108] *Шеховцева Л.С.* Методологические подходы к исследованию региона: формирование стратегических целей. С.27.

Так, А.Г. Чернышов указывает на зависимость степени непосредственности политические отношений в системе с качеством ее закрытости, что закономерным образом отражается на соответствующем характере ее функционирования: «…непосредственная демократия есть наиболее прямой путь непосредственного отчуждения общества от власти при развитии и нарастании авторитарных тенденций со стороны местной власти»[109].

Такое качество универсальности отношений в ее политической системе может быть обусловлено степенью разнообразия социального окружения. Когда социальная дифференциация в силу усложнения обезличивает политические отношений в системе, требует более строгой функциональной ограниченности политических институтов от остальных ее подсистем[110].

Таким образом, непосредственность и универсальность связей на организационном уровне выступает отражением гомогенности ее структуры на уровне социальном. Впрочем, это крайне значимое положение для нашего исследования не является авторским «ноу хау». Так, А. Тойнби в свое время отмечал эту значимую закономерность в функционирования политических систем когда «… структурная сложность - это атрибут устойчивых систем, тогда как «переход» по самой своей природе означает структурную примитивизацию»[111]. Поэтому в переходные периоды, в условиях кризиса гражданских институтов региональная политическая система для сохранения собственного равновесия в своих функциональных подсистемах вынуждена реагировать на структурные упрощения, гомогенизацию, происходящие в ее социальном окружении.

По мнению А.Ю. Завалишина изучение территориальности в политическом контексте имеет более глубокую историю, нежели остальные формы

---

[109] *Чернышов А.Г.* Региональное политическое пространство и вызовы глобализации. С.55

[110] *LaPalombara J.* Review by: Political Order in Changing Societies by Samuel P. Huntington // The Yale Law Journal. 1969. Vol. 78, No. 7. PP. 1253-1275.

[111] Цит. по: *Магомедов А.К.* Региональные элиты и региональные идеологии в современной России: Сравнительный анализ; на примере республик и областей Поволжья: ав-

проявления этого явления. На рубеже 19–20 вв. произошла рационализация изучения этого явления, когда «произошел переход данной проблемы с сугубо философского уровня осмысления на естественнонаучный и обществоведческий»[112]. Полноценное исследование этого явления началось в период развития такой дисциплины как этология животных и человека. В них оно рассматривалась с сугубо биологических позиций: как среда обитания млекопитающих, приматов и человека. Которые в процессе борьбы за свое существования вынуждены защищать территорию проживания от вторжения конкурентов. Так, В. Барт (W.H. Burt) определял территорию как дружественную часть жилища или область вокруг него, по которой животное может беспрепятственно передвигаться[113].

По мере того как человек все больше воспринимался как естественная и неотъемлемая часть биосферы, характеристики и функции территориальности изученные в рамках этологии стали (естественно с учетом социокультурных особенностей социумов) экстраполироваться и на сферу социальных и политических отношений. Территориальность рассматривалась как деятельность активного субъекта по удержанию определенного участка земной поверхности с первостепенной целью обеспечения физической безопасности и возможности снижения неопределенности в процессе последующей реализации удовлетворения иных потребностей, связанных с хозяйственной и иной общественной деятельностью.

Ф. Ратцель в своей работе «Антропогеография» (1882 г.) так говорит об этом: «человек, как «часть поверхности земли», по сути, мало отличается от других живых существ планеты и в своём территориальном поведении следует общим, универсальным законам: стремится к максимально возможному

тореф. дис. д-ра. …полит. наук: 23.00.02 / Магомедов Арбахан Курбанович. Казань, 1999. 40 с.

[112] *Завалишин А.Ю.* Территориальное поведение социально-территориальной общности (на примере региональных общностей России): автореф. дис. … д-ра соц. наук: 22.00.04 / Завалишин Андрей Юрьевич. Хабаровск. 2009.

[113] Цит. по: *Нартова-Бочавер С.К.* Психологическое пространство личности: монография / С.К. Нартова-Бочавер. М.: ФЛИНТА, 2016. С. 81.

расширению обитаемого (жизненного) пространства, мигрирует в поисках более удобных для жизни мест, вступает в борьбу с другими людьми за территории, обладающие какими-либо преимуществами»[114].

В силу того, что для реализации того или иного набора целей связанных с удержанием территории необходим определенный уровень социальной консолидации, то формулировки территориальности включали элемент мобилизационного начала. С.К. Нартова-Бочавер в своей работе «Психологическое пространство личности» (2005 г.) утверждает, что территория «сплачивает индивидов в группы для защиты участка и побуждает демонстрировать превентивную агрессию для предотвращения нападений на него»[115].

Наличие «своей» территории – деятельностное начало в форме той же мобилизации, а также рефлексия по поводу ее перспектив, по мнению А.Ю. Завалишина, инициирует, появление рамках тех или иных социально-территориальных общностей т. н. территориального интереса[116].

Такое понимание явления обеспечивает оптимальное рассмотрения как элемента общественной динамики в виде системного целого: физической среды, стратегий, а также набора смыслов как обосновывающих формирование территориального интереса, так и реализацию его на практике.

Этот процесс обретения территорией субстанционального начала Р.Ф. Туровский именует политической актуализацией. По его мнению, для адекватного понимания механизма формирования территориального интереса его нужно рассматривать по аналогии с генезисом «обычных» групп интересов включающую всем известные этапы – от артикуляции до агрегирова-

---

[114] *Завалишин А.Ю.* Территориальное поведение социально-территориальной общности (на примере региональных общностей России): автореф. дис. … д-ра соц. наук: 22.00.04 / Завалишин Андрей Юрьевич. Хабаровск. 2009.

[115] *Нартова-Бочавер С.К.* Психологическое пространство личности: монография. М.: ФЛИНТА, 2016. С. 81.

[116] Цит. по: *Завалишин А.Ю.* Территориальное поведение социально-территориальной общности (на примере региональных общностей России): автореф. дис. … д-ра соц. наук: 22.00.04 / Завалишин Андрей Юрьевич. Хабаровск. 2009.

ния»[117]. В отношении же природы территориальности Р.Ф. Туровский отсылает к Р. Саку и его «…пониманию территории как способа воздействия и контроля определенных индивидов и групп над другими путем делимитации и контроля географического пространства»[118]. То есть, территориальность в этом случае понимается как некая технология включающая деятельность по формированию, удержанию и расширению своей власти на определенный участок пространства. Это напрямую связывалось с ростом социальной дифференциации, когда территориальность как непосредственный физический контроль над пространством все больше рассматривалась как атрибут политической динамики традиционного и даже примитивного характера. В обществах, же встававших на путь полноценной модернизации «физические» насильственные формы реализации территориального интереса, замещались социокультурными суррогатами, тем самым сглаживая имманентно присутствующий в природе этого явления конфликтный потенциал. Н.Н. Крадин говоря о вариативности проявлений территориального интереса в современных обществах, так пишет об этом: «Они вышивают вензеля на носовых платках, ставят экслибрис на книги, клеймят тавром домашних животных, ограждают землю забором и прибивают к нему табличку с надписью «Частная собственность» или «Осторожно, злая собака», возводят пограничные столбы между государствами»[119].

То есть, чтобы территориальность как элемент политического процесса приобрела легитимный характер, ей необходимо пройти стадию институционализации. По мнению Р.Ф. Туровского она включает не только официальное определение границ «в этом процессе складываются властные органы, имеющие юрисдикцию на данной территории»[120]. То есть, в настоящий момент

---

[117] *Туровский Р.Ф.* Центр и регионы: проблемы политических отношений. Москва: ГУ ВШЭ, 2006. С. 12.

[118] *Туровский Р.Ф.* Политическая регионалистика. М.:ГУ ВШЭ, 2006. 792 с.

[119] *Крадин Н.Н.* Политическая антропология. М.: Логос, 2004. 272 с.

[120] *Туровский Р.Ф.* Центр и регионы: проблемы политических отношений. Москва: ГУ ВШЭ, 2006. С.12.

территориальность воспринимается не просто как поведенческая система, но и как сложная иерархизированная система территориальных интересов.

По аналогии с известной пирамидой А. Маслоу, механизм реализации территориального интереса включает соблюдение определенного иерархического порядка, когда реализация каждого последующего уровня является невозможной без удовлетворения интересов включенных в предыдущие его уровни. Поэтому в условиях формального регулятивного вакуума, который сопутствует переходному периоду региональные сообщества для сохранения возможности удовлетворения того или иного уровня собственных территориальных интересов обращаются к традиционным, «докризисным» форм их реализации.

Конфликтогенный характер этой тенденции состоит в том, что отсутствие единых правил игры в этом вопросе в случае значительной неоднородности региональных сообществ может приводить к тому, что удовлетворение территориальных интересов одних групп будет сопровождаться ущемлением других. Значимым для нас будет являться вопрос, каков механизм, инициирующий повсеместную «традиционализацию» удовлетворения территориальных интересов, и как это влияет на совокупную политическую динамику в регионе. Это может проявиться в такой тенденции как сокращения их этнического разнообразия. Поэтому важно выяснить как, в таких условиях, на базе каких ценностей и целей в региональные сообщества продолжают обеспечивать соблюдение их территориальных интересов, и что может послужить фактором утраты такой возможностей.

Итак, региональный политический процесс можно представить как пространственно-временное воспроизводство политических институтов на входы, которых подаются сигналы из внешней среды из любой точки регионального политического пространства, и возвращается обратно. Насколько своевременно и качественно была проведена обработка требований среды и совершена обратная транзакция, зависит характер взаимодействия и стабильность регионального политического процесса в целом.

Региональный политическим процесс структурирован деятельностью его акторов, обусловленной историческими, экономическими, социальными, культурными и другими признаками, определяющими особенности состояния и развития регионального социума. Деятельность, являясь системно целостным элементом его структуры, динамической единицей, предстает в качестве источника разноплановых и разновекторных взаимодействий политических субъектов и политических институтов, направленных на качественные и количественные изменения характеристик политического процесса.

В контексте нашего исследования мы понимаем региональный политический процесс как динамическую структуру, которая включает как относительно равновесные компромиссы по соблюдению территориальных интересов большинства социальных (этнических) общностей, так и нарушения этого равновесия.

Параграф 1.2. Внутренняя миграция населения: теоретико-методологическая специфика исследования

Теоретико-методологическое изучение внутренней миграции имеет богатый исторический опыт. Достаточно вспомнить тот факт, что работа Э.Г. Равенштейна «Законы миграции» (1876 г.) имела внутристрановой, национальный характер. Первый опыт глубокого научного осмысления явления миграции связан с изучением именно внутренней миграции[121]. Некоторые сформулированные в этой работе т. н. «законы миграции» закономерности функционирования внутреннего миграционного процесса в последующем легли в основу появления тех или иных концептов, моделей или даже, отдельных направлений изучения феномена как такового.

Несмотря на это само понятие «миграция населения» как объект научного познания по-прежнему вызывает большие дискуссии в научном сообществе. Это, прежде всего антропология, география, демография, экономика, юриспруденция, философия, социология, психология статистика и т. д. Представители каждой из дисциплин стремятся рассмотреть миграцию населения в рамках собственной узкопрофессиональной функциональной области. Отчасти, по этой причине не удается осуществить продуктивную генерализацию данного понятия, которая бы устраивала все без исключения науки.

Миграция населения (от лат.migratio) – переселение, перемещение. Несмотря на все многообразие формулировок понятия «миграция населения» всех их объединяет одно - отражение в их формулировках трех атрибутивных свойств феномена без включения хотя бы одного из них, в содержание определений они утрачивают связь с явлением. Это его структурные компоненты:

[121] *Vullnetari J.* Albania on the Move. Links between Internal and International Migration. Amsterdam University Press. 2012. P. 36.

территория, субъект и динамическая составляющая – акт субъекта перемещения в пространстве и времени. То есть, в самом общем виде структура миграционного процесса включает три функциональных уровня отражающих его субстанциональный статус: территориальный, субъектный и темпоральный. Их дифференциация необходима в теоретико-методологических целях, однако на практике они проявляют себя в функциональной взаимосвязи, то есть носят системный характер, когда темпоральность, выступая в качестве системообразующего фактора, интегрирует территорию с субъектом в рамках определенного временного континуума.

С учетом вышеизложенного, мы сразу должны сделать важное замечание указав на то, что «отраслевое, профессиональное и иное движение, не будучи собственно миграцией, связано с ней лишь в том случае если оно сопровождается территориальным перемещением[122]. Поскольку миграция населения складывается из миграционных потоков, в равной степени используется понятие «миграция», так и во множественном числе – «миграции»[123]. Миграцию необходимо изучать как зафиксированную в пространстве и времени серию миграционных событий[124].

На этом макроуровне миграция субстанционализируется, наполняется не только количественными свойствами, но и обретает специфическую структуру. Поэтому нам кажутся важными определения, в которых фиксируется атрибутивные свойства изучаемого явления.

Так Т.И. Заславская представляет миграцию населения как «процесс, включающий перемену места жительства, т.е. переезд из одних населенных пунктов в другие»[125]. Территории, из которых совершаются миграции, именуются территориями–донорами, а поселения, в которые стремятся попасть

---

[122] *Рыбаковский Л.Л.* Миграция населения // Социальная политика Энциклопедический словарь / под общ. ред. Н.А. Волгина. М.: Издательство «Экзамен», 2003. С.341.

[123] Социальная энциклопедия / Редкол. А.П. Горкин, Г.Н. Карелова, Е.Д. Катульский и др. М.: Большая российская энциклопедия, 2000. С. 251.

[124] Демографический понятийный словарь / под ред. А.А. Рыбаковского. М.: Центр социального прогнозирования, 2003. С. 173-176.

мигранты, обозначаются как территории–реципиенты. Доноры и реципиенты могут находиться на территориях разных государств и тогда говорят о международном миграционном процессе, который может быть в свою очередь разделен на континентальный и межконтинентальный. Если миграция совершается в рамках одного государства, то в этом случае используется термин «внутренняя миграция». То есть, внутренняя миграция – это, прежде всего, «внутригосударственная миграция – процесс перемещения населения внутри одной и той же страны»[126].

Научная литература по демографии, социологии, экономики, по преимуществу, в качестве признака выделяющего внутреннюю миграцию из всего совокупного миграционного процесса указывает на особый политический статус пересекаемых субъектом миграции границ. В миграции участвуют граждане одной страны, то есть она связана с пересечение ее внутренних административных границ, движение между территориальными единицами различного масштаба и удаленности. Субъект, пересекающий государственную границу, не подпадает под определения внутреннего мигранта. Пересечение же административных границ в рамках одного государства будет свидетельствовать о функционировании внутреннего миграционного процесса.

В связи с размыванием государственных границ под воздействием процессов глобальных процессов экономического характера некоторые авторы говорят о возможности приравнивания внутренних мигрантов с иммигрантами в силу того обстоятельства что «…миграция населения как внутри, так и поверх государственных границ элемент глобальной трудовой мобильности»[127].

На наш взгляд, тенденция релятивизации политических границ в современном мире действительно существует. О ее долгосрочном характере

---

[125] Цит. по: *Метелев С.Е.* Международная трудовая миграция и развитие российской экономики: монография. М.: ЮНИТИ ДАНА: закон и право, 2006. С. 8.

[126] *Рыбаковский Л.Л.* Миграция населения. С. 342.

[127] *Малахов В.С.* Интеграция мигрантов: концепции и практики. М., Фонд «Либеральная миссия», 2015 . С. 21.

свидетельствует, постоянная либерализация трудового законодательства, постепенно выравнивающая права внутренних мигрантов с лицами без гражданства и иностранцами в этой и иных разных общественных сферах.

Однако существование разных правовых режимов нахождения на территории страны, а также отсутствие возможности реализовывать иммигрантами специфические доступные исключительно гражданам права сохраняет за внутренней миграцией субстанциональную определенность и самостоятельный статус.

Специфику внутренней миграции, возможно, определить через ряд типизирующих признаков, косвенно отражающие ее функциональные возможности, которые в большом количестве представлены в разнообразных источниках по миграции населения.

Так как государство предстает в качестве территориальной иерархии, внутренний миграционный процесс может функционировать на различных территориально-иерархических уровнях и, следовательно, необходимо вычленение внутренней миграции по критерию пересекаемых мигрантами внутри государства административных границ.

В территориальной структуре внутреннего миграционного процесса присутствуют два основных потока – межрегиональная и внутрирегиональная (межпоселенческая) миграция [128]. Причем надо иметь ввиду, что «…никакие внутрипоселенные перемещения (перемена мест жительства в пределах одного и того же города и сельского поселения не рассматривается как миграция населения»[129]. Территориальная структура внутреннего миграционного процесса разделена на межрегиональный и внутрирегиональный (межпоселенческий) уровни, причем элементарной территориальной единицей внутренней миграции выступает внутрирайонный (муниципальный) уровень, а верхним уровнем выступит межрегиональный.

---

[128] *Рыбаковский Л.Л.* Миграция населения. С. 342.

[129] Социальная энциклопедия / Редкол. А.П. Горкин, Г.Н. Карелова, Е.Д. Катульский и др. М.: Большая российская энциклопедия, 2000. 438 с.

Возвращаясь к обзору определений внутренней миграции, хотелось бы отметить следующую их особенность. Авторы некоторых из них в стремлении максимальной генерализации, в желании «схватить» сущность данного явления, используют минимальный набор лексических средств, при этом допускают исключение из своих формулировок упоминание отдельных атрибутивных свойств, например темпоральность. Так, предложенное В.А. Ионцевым: миграция – совокупность перемещений с целью перенести место пребывания кого-либо[130]. Возможно, это сделано в целях избежание громоздкости формулировки, однако на наш взгляд, такие определения акцентируют внимание на дифференциации миграции населения из всего спектра социальной мобильности. Для нашего исследования они являются недостаточно функциональными.

В этом контексте нам ближе определение, предложенное Л.Л. Рыбаковским, который формулирует его следующим образом: «любое территориальное перемещение, совершающееся между различными населенными пунктами одной или нескольких административно-территориальных единиц независимо от продолжительности регулярности и целевой направленности» [131]. Все же, подобный класс определений, несмотря на значительную методологическую ценность в контексте нашего исследования усложняет процесс интерпретации понятия. При попытке сформулировать универсальное определение исчезает его структурно-функциональная специфика. Так как «мигранты, стремящиеся к знаниям, едут ближе к культурным центрам, а желающие повысить свое материальное благосостояние едут в районы, где больше цениться рабочая сила есть возможность подзаработать»[132]. В этой связи, на наш взгляд, следует начать с качественной характеристики внутреннего

---

[130] *Ионцев В.А.* Международная миграция: молодёжный выпуск: сборник статей. М.: Макс-пресс, 2005. 100 с. См также: *Юдина Т.Н.* Миграция: словарь основных терминов. М.: Издательство РГСУ; Академический Проект, 2007. 472 с.

[131] Миграция населения (вопросы теории). Монография. М.: ИСПИ РАН, 2003. 238 с.

[132] *Денисенко М.Б.* Детерминанты межрегиональной миграции в России // Новейшие изменения во внутренней и внешней миграции населения в России и их экономическое значение. СПб., 1994. С. 7.

миграционного процесса – временного периода, на который перемещается субъект.

По данному признаку внутренний миграционный процесс делиться на возвратный и безвозвратный. Первый, в свою очередь, на маятниковый и сезонный. Значимость данной типологии миграции состоит в том, что одни ее виды могут стать закономерным продолжением других ее видов[133].

Несмотря отмеченную выше тенденцию уменьшения значимости государственных границ: закрепление в большинстве национальных правовых систем возможности свободного перемещения по территории страны, все же во внутреннем законодательстве присутствует, пусть и минимальный, набор нормативных ограничений.

Считаем необходимым отметить в структуре внутренней миграции государственно-правовой компоненту. По этому признаку выделяют законную и незаконную внутреннюю миграцию. Следовательно, последняя будет именоваться таковой в случае, если гражданин государства при пересечении как внутрирегиональной, так и межрегиональной административной границы не встанет на государственный миграционный учет в территории прибытия в указанный законодательством период.

Из совокупного потока внутренних перемещений так же выделяют организованную внутреннюю миграцию, инициаторами которой, могут выступить, политические институты в лице административных, либо партийных структур, так и осуществляемую самостоятельно, за счет собственных сил и средств[134].

Считаем необходимым указать на еще одну важную структурную характеристику внутренней миграции, имеющую некоторую связь с предыдущей. Это добровольный либо насильственный характер перемещений[135]. Эти классы миграционного процесса представляются нам крайне значимыми,

---

[133] *Метелев И.С.* Миграция цивилизация адаптация (концептуальная связь понятий): монография. Омск: ИП Скорнякова Е.В., 2012. 165 с.

[134] *Рыбаковский Л.Л.* Миграция населения. С. 343.

[135] Миграция населения (вопросы теории): монография. М.: ИСПИ РАН, 2003. 238 с.

учитывая относительно недавнюю отечественную политическую практику, связанную с организацией массовых миграций экономического характера, депортаций и т. д.

На сегодняшний день наиболее проработанной в научной литературе классификаций подходов по изучению миграции является классификация В.А. Ионцева[136]. Для целей нашего исследования остановимся на значимых по нашему мнению теоретических подходах.

Как известно, миграция – это массовый в количественном отношении и сложный в структурном отношении социально-демографический процесс[137]. Он детерминирован рядом внешних и внутренних факторов, так и сам подвергается изменению со стороны социальных и природных сил. Методологическая значимость теоретических подходов может оцениваться с позиции существующих в них представлений о степени «свободы» исследуемого явления. Рассматривает ли тот или иной подход миграцию в качестве следствия, результата, либо миграционный процесс предстает в качестве сложного системного явления, выступающего в общественной динамике и как функция и как фактор?

В качестве первого варианта представлений о миграции населения можно выделить демографический подход. Из семантики понятия миграция населения следует его органическая связь с воспроизводством населения. Поэтому большинство определений во всех случаях называют миграцию населения разновидностью демографического процесса. Так, Д.М. Гвишиани определяет миграцию населения как «социально-экономический и демографический процесс, представляющий собой совокупность перемещений совершаемых людьми между странами, районами, поселениями»[138].

---

[136] *Ионцев В.А.* Международная миграция населения: теория и история изучения. М.: Диалог МГУ, 1999.

[137] *Метелев С.Е.* Международная трудовая миграция и развитие российской экономики: монография. М.:ЮНИТИ ДАНА: закон и право, 2006. С. 8.

[138] Миграция населения. Толковый словарь обществоведческих терминов. 1999. – URL: http://www.slovarnik.ru/html_tsot/m/migraci8-naseleni8.html (дата обращения: 07.06.2019)

Демография рассматривает миграцию как одну из функциональных компонент совокупного воспроизводства населения, то есть изучает влияние этого фактора воспроизводства населения с учетом таких демографических явлений как рождаемость, смертность, брачность. Демографический подход предоставляет возможность, в самом общем виде исследовать социальный субстрат, субъектную структуру, населения потенциально способного к участию во внутренней миграции.

Демография понимает миграцию населения как функцию – следствие объективно формирующихся количественных, так и структурных диспропорций вызванных дифференцированным поведением тех или иных социально-демографических групп. Также признается и обратная связь миграции на демографическую ситуацию, однако она не носит абсолютного характера, но для «… отдельных регионов, стран и даже континентов ее роль в их демографическом развитии зачастую является ведущей»[139].

Наращивание количественной массы, так и его структурного своеобразия, естественным образом влияет на качественные характеристики демографических процессов на территориях участвующих в миграционных обменах. Так как мигранты, перемещаясь с одной территории на другую, начинают принимать участие в воспроизводстве населения на новой территории, что позволяет миграции осуществлять так называемую перераспределительную функцию.

Для нашего исследования необходимо понимание наличия существования зависимости количественных, структурных и динамических характеристик внутреннего миграционного процесса от сочетания функционирования тех или иных демографических процессов, так как специфика последних может влиять на рост функциональных возможностей внутренней миграции в общественной динамике.

Внутренняя миграция способна оказывать значительное влияние на характер воспроизводства населения на территориях-реципиентах. Картина бу-

дет зависеть от различных демографических детерминант регионов-доноров: темпов рождаемости, уровня смертности и т. д. Специфика перераспределительной функции внутренней миграции состоит в том, что она может реализовываться уже на самом элементарном уровне функционирования внутреннего миграционного процесса, так как для ее реализации необходимо наличие миграционного взаимодействия как минимум двух поселений. Перераспределительная функция решает задачи оптимального размещения людских ресурсов для различных общественных целей между отдельными регионами страны, разнообразными типами сельских и городских территорий.

В целом, демографический подход позволяет рассматривать миграцию в большей степени в одномерной проекции, как результат изменений в демографической структуре различных территорий. Обратные же связи внутренней миграции с демографической ситуацией «по мере повышения уровня жизни мигрантов выходили за пределы исследовательского интереса демографов»[140]. Поэтому и определения феномена у этой дисциплины носят узкоспециальный характер. Демографические определения миграции в силу их методологической узости позволяют использовать их лишь частично, для раскрытия, безусловно, важного, но не единственного аспекта изучаемого феномена. Как известно, территория – место сосредоточения ресурсов и потенциала, тех или иных возможностей, посредством которых происходит удовлетворение жизненно важных индивидуально-личностных и социально-групповых потребностей[141].

Считаем крайне значимым в ходе исследования теоретико-методологической специфики внутренней миграции населения остановиться

---

[139] *Кваша А.Я.* Что такое демография? М.: Мысль, 1985. 126 с.

[140] *Валентей Д.И., Зверева Н.В.* Система знаний о народонаселении. М.: Высшая школа, 1991. 255 с.

[141] *Терещенко Ж.А.* Факторы миграционных процессов в современной России // Общество: социология, психология, педагогика. 2011. № 1–2. С. 29.

на экономической аспекте этого явления. Ведь еще Э.Г. Равенштейн указывал на значимость в миграционном движении экономической компоненты[142].

Стоит начать рассмотрение экономического подхода к пониманию внутренней миграции с такой теории как меркантилизм. Несмотря на то, что она рассматривала миграцию в межгосударственном аспекте как «… источник процветания и мощи государства, в связи с этим приоритетным считалось привлечение иностранных рабочих (особенно ремесленников) при одновременном запрещении эмиграции собственных граждан»[143].

Все же эта теория впервые в истории продемонстрировала наличие такой значимой функции миграции населения как селективная, позволяющая производить отбор населения с заданными профессиональными характеристиками. Эта идея в дальнейшем будет распространена и на внутреннюю миграцию в таких концептах экономической демографии как теория человеческого капитала[144]. Неоклассическими экономическими теориями внутренняя миграция рассматривается с позиции издержек и выгод, которые ожидает получить мигрант при его переезде на новую территорию. Миграция нередко рассматривалась как своего рода механизм по замене одних компонентов производственного процесса на другие экономически эффективные с точки зрения издержек, которые нес работодатель, таким образом эти экономические теории исходили из того, что трудовые ресурсы в странах въезда и странах выезда абсолютно взаимозаменяемы»[145].

Закономерным укреплением экономоцентризма в миграционных исследованиях стали возникшие представления о территории как сложной неравновесной социальной системе, комплексе, пусть и взаимосвязанных, но по природе функционально различных компонентов, как центр (ядро) и его

---

[142] *Janelle D., Corbett J., Ravenstein E.G.* The Laws of Migration, 1885. CSISS Classics, University of California 2003-01-01

[143] *Юдина Т.Н.* Социология миграции. М.: Академический Проект, 2006 С.118

[144] Human capital WRITTEN BY: Richard Huff https://www.britannica.com/topic/human-capital

[145] *Метелев И.С.* Миграция цивилизация адаптация (концептуальная связь понятий). С.126

окрестности (периферия). Развитие каждого компонента обусловлено его естественной неоднородностью, вызывающей экономические диспропорции и как следствие – развитый центр стягивает к себе все значимые для развития ресурсы, в том числе и демографический, а эксплуатируемая ими периферия деградирует.

Экономикоцентристский подход был представлен в отечественной науке в несколько модифицированном виде, и в силу идеологической обусловленности отводил внутренней миграции несколько иную роль. Утилитарная компонента связанная «…с развитием производительных сил, характером производственных отношений, воспроизводством рабочей силы…»[146] была направлена на реализацию ускорительной функции. Смысл ее заключается в достижении определенного уровня подвижности населения территорий страны, для её планомерной качественной модернизации. Так как «без создания подвижности населения, не может быть и его развития»[147].

В настоящее время в отечественной экономической науке такая позиция достаточно обширно представлена во многих определениях миграции населения. Когда она понимается как объективный процесс перемещения кадров, который неразрывно связан с развитием производительных сил и производственных отношений[148].

Очевидно, что этот класс определений носит узкопрофессиональный односторонний взгляд на миграцию населения и, как следствие, не может охватить всего многообразия, комплексности характеристик современного внутреннего миграционного процесса.

Экономическая сфера, несомненно, значимая часть общественной системы, однако нам в этом контексте близки синтетические определения, от-

---

[146] Миграция населения. Демографический энциклопедический словарь. М.: Энциклопедия. 1985. – URL: http://geography.su/demogr/ (дата обращения: 07.06.2019).

[147] Миграция населения: понятие, сущность, особенности // Миграция населения (вопросы теории) Персональный сайт Рыбаковского Л.Л. – URL: http://rybakovsky.ru/migracia2d.html (дата обращения: 07.06.2019).

[148] *Маслова И.С.* Экономические функции и факторы миграции населения // Миграция населения и перспективы демографического развития. М.: ГУ ИМЭИ, 2003. С. 13-14.

ражающие не только узкопредметную определенность выполняемых миграцией населения функций, но и их разнообразие. Поэтому нам интересны определения, в которых делается акцент не только на макрофункциях, но и учитывается социальная значимость миграции населения. Так В.И. Переведенцев определяет миграцию населения как «одно из условий нормального функционирования общества, с помощью которого может быть достигнуто оптимальное размещения на территории страны, которое способствуют выравниванию уровней социально-экономического развития, преодолению социально-экономических и культурно-бытовых различий между городом и селом»[149]. В этой связи изучению подлежат не только экономическая сторона внутренней миграции. Так как существуют принципиальные отличия между переселенцами, приехавшими на временное место жительства и мигрантами, прибывшими на новые территории с целью там обосноваться, следовательно, нуждающихся в полноценном усвоении культурного поведения социальных норм и ценностей, значимых для территории вселения. В этом случае важным оказывается не только численный состав мигрантов, но и качественные характеристики переселяющихся, причины, побудивших их преодолевать различные расстояния, переселяться на другие территории, а также набор функции исследуемого явления, возникающих при этом.

Данным аспектом изучения внутренней миграции занимается социологический подход. Социология миграции это относительно самостоятельная отрасль социологического знания, объектом которого является миграционный процесс как социальное взаимодействие населения, вовлеченного в социально-географическое перемещение, а предметом – динамика изменений объективных и субъективных аспектов социальных отношений перемещаемых лиц в рамках прежнего и нового социума[150].

---

[149] Цит. по: *Денисова Е.О., Денисова Е.Г., Мищенко Д.В.* Миграция как экономическая категория // Вестник УлГТУ. 2016. № 2. С. 54-57.

[150] *Юдина Т.Н.* Социология миграции. М.: Академический Проект, 2006. 272 с.

Анализ отечественного теоретического материала по социологии миграции свидетельствует о том, что их авторы берут за основу определения феномена, изложенные по большей части в демографических или экономических источниках, при этом они не вдаются в подробный анализ теоретико-методологической специфики изучения внутренней миграции. Критерием выделения внутренней миграции из всего миграционного движения выступает характер пресекаемых субъектом границ. Так, в некоторых социологических словарях и справочниках понятие «внутренняя миграция» не имеет собственного определения, а их авторы просто отсылают к определению «миграция населения» как таковой[151].

Теоретико-методологическая слабость отечественной социологии миграции можно объяснить тем фактом, что она по историческим меркам относительно недавно оформилась как самостоятельная отрасль знаний. По мнению экспертов сейчас осуществляется формирование парадигмального ядра социологического знания о миграции населения. На это указывают в частности И. Бритвина, М. Сафонова, Т. Юдина и др[152].

В целях нашего исследования ценно следующее замечание: для социологов важна не только складывающаяся демографическая ситуация на территориях участвующих в миграционных обменах, а какие структурные срезы мигрирующих групп оказывают влияние на социальные изменения на этих территориях, какова роль ценно-психологической компоненты как индивидуального, так и коллективного поведения мигрантов.

---

[151] Социологический словарь / отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. М.: Норма, 2008. 608 с.; Современный словарь по общественным наукам / Под общ. ред. О.Г. Данильяна. М.: НИЦ Инфра-М, 2013. 314 с.

[152] *Бритвина И.Б.* Гендерная детерминация адаптации вынужденных мигрантов: социологический анализ Екатеринбург, 2006.; *Блантер С., Нагайцева Е.* Социологические подходы к изучению миграции // Методология и методы изучения миграционных процессов / под ред. Ж.А. Зайончковской, И.Н. Молодиковой, В.И. Мукомеля. М.: Центр миграционных исследований, 2007. С. 267-268; *Юдина Т.Н.* О социологическом анализе миграционных процессов. – URL: http://bookfi.net/book/991931 (дата обращения: 07.06.2019).

Исследуя общественную динамику, социологический подход показывает большие теоретико-методологические возможности в раскрытии внутреннего миграционного процесса по сравнению с демографическим.

Выделим два отличия, значимые для нашей работы. Прежде всего, отметим тот факт, что социологический подход исходит из двойственной онтологической природы внутренней миграции в общественной динамике «…так как не только миграционный процесс влияет на социальную ситуацию, как принимающего, так и отдающего населения, но и сама ситуация воздействует на этот процесс»[153]. Миграция населения рассматривается в системном смысле, и как процесс-фактор, и как процесс-функция социальной динамики. Второе важное замечание состоит в том, что социологическая парадигма рассматривает внутренний миграционный процесс на двух теоретических уровнях. На объективированном уровне он представлен как массовый структурно (территориально-, субъектно- и темпорально-) дифференцированный процесс общественного взаимодействия участвующих в территориальном перемещении социальных групп. На другом уровне социология миграции вычленяет субъективную сторону внутренней миграции, которая рассматривается как набор психологических ориентаций групп вовлеченных в миграционное движение, обусловленных половой принадлежностью, возрастными, образовательными, профессиональными, этническими, конфессиональными и иными особенностями.

Таким образом, социологический подход базируется на универсальном постулате, что во внутреннем миграционном процессе участие различных социально-демографических страт носит дифференцированный неравномерный характер, что в итоге приводит к изменению качественных характеристик территорий, участвующих в миграционных взаимодействиях. Например, миграционная практика свидетельствует, что мужской контингент трудоспособных возрастов участвуют во внутренних перемещениях значительно чаще, чем группы, к примеру, пенсионного возраста, а также женский пол. За-

кономерности миграционного поведения различных социальных страт находят отражение в определениях понятие «миграция населения». Так В.И. Переведенцев указывает в своем определении миграции населения структурную специфику внутреннего миграционного процесса: «миграция населения – процесс сугубо молодежный, один из наиболее массовых и важных социальных процессов современности»[154].

В рамках западной социологической мысли можно выделить ряд теорий миграции, пытающихся объяснить причины, в том числе и внутренней миграции, отдельным набором характеристик, не претендующих на универсализм[155]. Так, наиболее развита в части аргументации по отношению к сложной совокупности факторов и детерминант внутренней миграции методика Эверетт С. Ли, так называемая «pull-push»–концепция, выдвинутая ещё в 1966 г. и активно применяемая в «мигрантологии», начиная с 1980-х годов[156]. Профессор Э.С. Ли делает акцент на стоимости транспортных издержек, расходах, связанных с обустройством мигранта на новом месте жительства. Однако, даже эта строго эконометричная концепция не способна объяснить почему одни факторы, «…являясь небольшой помехой для одних мигрантов, могут быть непреодолимыми препятствиями для других»[157]. В конечном итоге, Э. Ли приходит к выводу о необходимости включения в аналитическую модель социо- и этно-культурных факторов.

В этом контексте надо отметить, что миграционная статистика полностью подтверждает вышеизложенный тезис, когда можно наблюдать отличия в характеристиках миграционных перемещений (объем, интенсивность, гео-

---

[153] *Юдина Т.Н.* Социология миграции. М.: Академический Проект, 2006. С. 209.

[154] Молодежь и социально-демографические проблемы СССР / отв.ред. В.Н. Шубкин. М.: Наука,1990. 152 с.

[155] *Сердюков К.Н.* Основные парадигмы социологического подхода к исследованию миграционных процессов // Изв. Сарат. ун-та. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 295-299.

[156] *Lee E.S.* A Theory of Migration // Demography. 1966. № 1. Vol. 3. PP. 47-57; Lee E.S., Goldsmith H.F. Population Estimates: Methods for Small Area Analysis. Beverly Hills: Sage, 1982. 248 p.

[157] *Василенко П.В.* Зарубежные теории миграции населения // Псковский регионологический журнал. 2013. № 16. С. 39.

графия перемещений) у лиц и групп, представляющих различные этнические общности.

Нам близки определения, так или иначе делающие акцент на ценностный аспект, когда миграция населения «представляет собой изменяющейся по своей важности элемент образа жизни, форму деятельности, характеризующий ценности части населения, его групп, связанные с временной или постоянной сменой мест проживания»[158]. В контексте нашего исследования считаем наиболее продуктивным в рамках социологической парадигмы выделить этно-культурный подход. Именно сторонники этого направления, развитого в рамках культурной антропологии Р. Редфилда, исследуя адаптацию сельских мигрантов к городской среде, обратили внимание на то, что на определенной стадии миграционного процесса действует сложная совокупность факторов. Она отнюдь не ограничена рациональным набором, изложенным в работах Чикагской социологической школы (Парк, Берджес и Маккензи), и не ведет к абсолютной ассимиляции мигрантов в новой среде.

Напротив Макс Глюкман анализируя адаптацию мигрантов, вышедших из сельских традиционных общностей в городскую среду, пришел к выводу о том, что для мигранта в новой для него социокультурной среде меняется значение его этнического происхождения. На новом месте «формируются осознанное этническое обособление, представления о конкуренции различных этнокультурных групп и этностереотипы, возникаются общественные объединения на этнической основе»[159].

Социологический подход рассматривает мигрантов как «социальные группы, члены которых осознают себя целостным субъектом поведения на новом месте жительства и обладают чувством групповой солидарности»[160].

---

[158] *Ахизер А.С.* Диалетика урбанизации и миграции в России // Общественные науки и современность. 2000. № 1. С. 18.

[159] *Корякин К.В.* История изучения миграции в социологии и этнологии, проблем социальной адаптации и интеграции иммигрантов. // Иммиграция из России и в Россию. 2013. 27 ноября. – URL: http://www.migracio.ru/istoriya-izucheniya.html (дата обращения: 07.06.2019).

[160] *Юдина Т.Н.* Социология миграции. С. 209.

Несмотря на имеющийся методологический арсенал все же социология миграции в действительности владеет ограниченным набором аутентичных теоретических схем по изучению феномена, что можно объяснить степенью широты предметного поля данной дисциплины. Так социологический подход рассматривает миграцию как «переход индивидов и социальных групп из одних в другие в результате смены ими места жительств»,[161] не сосредотачиваясь на функциональной определенности тех социальных страт и общественных сфер, которые подвергаются изменению, так и сами влияют на миграционный процесс.

На наш взгляд, методологическая односторонность экономоцентристского подхода и «дальнозоркость» собственно социологического по отдельности, не способствуют выявлению всего разнообразия, полноты и природы субъектного состава миграционных перемещений и связей между этим явлением и региональным политическим процессом. Дополняет методологический арсенал исследования дисциплина, находящаяся на стыке демографии, социологии и экономики миграции – экономическая демография. Это обусловлено тем, что по мере эволюции НТР, наряду с усложнением технологических процессов, необходимых для существования в конкурентном рынке, произошло изменение места субъекта в производственном процессе, переосмысление статуса мигранта как «говорящего» орудия. И даже в современной высокотехнологичной роботизированной промышленной среде продолжает сохранять значимость субъект, что позволяет говорить о том что «человеческий фактор остается определяющим в производстве материальных благ»[162]. Поэтому внутренняя миграция как один из факторов воспроизводства населения в определенной степени может влиять на социально-экономическую ситуацию на территориях участвующих в миграционных обменах. Методологическая ценность экономической демографии состоит в

[161] Там же. С. 218.

[162] *Струмилин С.Г.* Проблемы экономики труда. М.: «Наука», 1982. См. также: *Сови А.* Общая теория населения. В 2 т. Т.1. Экономика и рост населения: пер. с франц. М.: «Прогресс», 1977.

том, что она в процессе объективных эволюционных изменений выделилась из собственно демографии и стала концентрироваться на вопросах влияния населения на те, или иные экономические явления[163]. Значимость данного подхода также определяется исключительным вниманием к макроуровню изучения внутренней миграции. Эта дисциплина в рамках теории человеческого капитала исходит из постулата о том что, одни работники, оказываются более производительными, чем другие и объясняется это тем, что первые обладают более крепким здоровьем, высоким образованием или квалификацией, которые рассматриваются как компоненты структуры человеческого капитала. В связи с этим внутреннюю миграцию можно рассматривать как фактор интеграции на одной территории людских ресурсов с заданными профессиональными качествами в сочетании с остальными факторами производственной деятельности. Следовательно, результатом реализации ускорительной функции миграции может стать экономическое развитие на переселяемых территориях «если выгоды от миграции превысят ее издержки»[164].

Таким образом, с позиции экономической демографии внутренняя миграция может рассматриваться как фактор развития, в случае если миграционные потоки, циркулирующие между территориями миграционных обменов, подвергаются ряду количественных и структурных преобразований. Специфика исследования требует рассмотрения функциональной направленности внутренней миграции не только и не сколько на макросубъектном (институциональном) или индивидуальном уровне, но и на таком структурном уровне регионального политического процесса как социально-групповой.

В этом контексте нам близки определения, в формулировках которых присутствуют структурное многообразие субъектов миграционного процесса. Так, В.И. Староверов определяет миграцию населения как изменение положения людей в географическом пространстве в связи с постоянным или вре-

---

[163]Демография / под ред. Д. И. Валентея. М.: Высшая школа, 1997. С. 117.

[164]*Метелев И.С.* Миграция цивилизация адаптация (концептуальная связь понятий). С. 126-127.

менным переходом из одной социально-экономической общности в другую, с возвращением в общность или с изменением пространственного перемещения общности в целом[165]. Г.С. Вечканов рассматривает миграцию как «свободную смену места жительства и места приложения труда в сочетании личных, коллективных и общественных интересов»[166].

В экономически развитых странах структурная трансформация, в целом никак не влияет на выполнение внутренней миграцией значимых для развития их политических систем функций: «способствует более полному использованию трудового потенциала страны и ее регионов, сглаживанию межрегиональной дифференциации уровней развития, содействует устойчивому социально-экономического развитию»[167]. Однако в государствах экономически слабых, относительно недавно вставших на путь индустриального развития (страны Азии и Африки), либо находящихся в переходном состоянии (страны бывшего СССР) внутренние миграции вышли за рамки самоорганизующейся системы[168], в силу снятия институциональных ограничений.

Таким образом, на теоретическом уровне все больше стало осознаваться что «мигранты – это не только жизненно необходимая рабочая сила. Это – иная (иные) культура, язык, образ и стиль жизни»[169]. Переходный характер политического процесса с учетом значительных социокультурных особенностей обуславливающих демографическое разнообразие в различных региональных сообществах, проживающих в стране, повлиял на становление крайне дифференцированной асимметричной структуры внутренней миграции. Это относиться как к территориальной, так и социальной его специфи-

---

[165] *Староверов В.И.* Город или деревня. Наше общество сегодня и завтра. М.: Политиздат, 1972 г. 86 с.

[166] Цит. по: *Мальцева Е.С.* Региональная трудовая миграция: современное состояние и проблемы регулирования: Монография. Орел: Издво ОФ РАНХиГС, 2013. 256 с.

[167] *Алешковский И.А.* Внутренняя миграция в современной России: тенденции, детерминанты, политика. М.: ТЕИС, 2007, 112 с.

[168] *Ефимов Ю.Г.* Миграция в современном политическом процессе. автореф. дис. д-ра. …полит. наук: 23.00.02 / Ефимов Юрий Германович. Ставрополь, 2007. 38 с.

[169] *Дятлов В.И.* Мигранты и принимающее общество: стратегии и практики адаптации (на примере Иркутска) // Байкальский регион в глобальном мире: Экспертные семинары 2005–2007 гг. Иркутск, 2007. С.65-70.

ки[170]. В условиях отказа от государственной идеологии и утратой единых гражданских идентификационных ориентиров произошла дезинтеграция прежней социальной структуры российского общества.

Главным способом адаптации региональных сообществ к новой для них экономической ситуации, то есть нацеленных для решения жизненно важных социальных проблем в той или иной степени стал их возврат к первичным, догосударственным формам социальной организации (языческим, религиозным, этническим). Тогда в условиях идеологического вакуума политических институтов «необходимым условием пользования ресурсами и возможностями становится право на территорию и идентичность с территорией»[171]. Поэтому внутренняя миграция стала рассматриваться как одна из составляющих актуализации территориальности в политическом процессе.

В этом контексте необходимо остановиться на крайне значимой для исследования характеристике внутренней миграции как этническая. По мнению Н.М. Лебедевой этническую миграцию следует рассматривать как случаи массовых перемещений, когда представители того или иного этноса (этнокультурной группы) добровольно или вынуждено покидают территорию мест формирования этноса и переселяющихся в иное географическое или культурное пространство[172].

Территориальная специфика этнической миграции отражена в достаточно развернутой классификации, которую предлагает В.Н. Петров:

1. миграция за пределы этнической родины
2. за пределами этнической родины
3. на этническую родину

---

[170] *Мкртчян Н., Карачурина Л.* Миграция в России: потоки и центры притяжения // Демоскоп. 2014. 21 апреля - 4 мая. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0595/tema03.php (дата обращения: 07.06.2019).

[171] *Терещенко Ж.А.* Факторы миграционных процессов в современной России. С. 29.

[172] *Лебедева Н.М.* Социальная психология этнических миграций. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1993.

4. в пределах этнической родины[173].

Так в 1970-е гг. русские и малочисленные русскоязычные этнические группы стали покидать территории национальных регионов. Однако действительно массовый характер возвратная миграция из этих регионов приобрела в 1990-е годы. Наряду с вышеперечисленными этническими группами эти регионы покидали представители автохтонных этносов, причем если первые выезжали в основном крупные мегаполисы страны, то вторые имели более сложную географию переселения. Наряду с выездом в города-миллионники, этические мигранты-автохтоны мигрировали в Ставропольский и Краснодарский края, в Астраханскую, Волгоградскую, Ростовскую области, то есть, в ближайшие с территориями-донорами регионы. Данная тенденция приобрела в новейший период устойчивый характер[174]. В то время как миграционный поток русских и других неавтохтонов в национальных республиках со временем истощился, в силу этого в настоящий момент переселяться в масштабах 1990-х гг. попросту больше некому[175].

Такой характер протекания внутреннего миграционного процесса закономерно привел к сокращению этнического разнообразия, на некоторых территориях этих регионов, по мнению экспертов, в новых условиях это выступает самостоятельным фактором нарушения этнического баланса на территориях-реципиентах, приводящим к социальной напряженности, следовательно, затрагивает региональную, а в перспективе национальную безопасность[176]. Причем в некоторых регионах ЮФО массовая нерегулируемая миграция северокавказских этносов уже привела к этнической гомогенности,

---

[173] *Петров В.Н.* Этнические миграции в современной России: детерминанты и типология //Социологические исследования. 2009. – URL: http://naukarus.com/etnicheskie-migratsii-v-sovremennoy-rossii-determinanty-i-tipologiya (дата обращения: 07.06.2019).

[174] *Соловьев В.А.* О связи доходов населения миграционного прироста в субъектах РФ Прибалтийские исследования в России: материалы международной научной конференции / под. ред. А.П. Клемешева, Н.М. Межевич, Г.М. Федорова. Калининград: Изд. БФУ им. Канта, 2016. С. 77-82.

[175] *Арифмезова Г.* Русские больше не идут // Руская планета.2016. 16 января. – URL: http://rusplt.ru/society/russkie-bolshe-ne-idut-15178.html (дата обращения: 07.06.2019).

[176] *Ефимов Ю.Г.* Миграция в современном политическом процессе. автореф. дис. д-ра. …полит. наук:23.00.02 / Ефимов Юрий Германович. Ставрополь, 2007.

если не каждого в отдельности взятого региона, то некоторых их локалитетов. Приблизилась к пороговым для региональной безопасности значениям[177].

Таким образом, наряду с положительным эффектом, связанным с восполнением дефицита трудовых ресурсов в нуждающихся в этом отраслях региональной экономики присутствует не имеющий аналогов в новейшей отечественной истории функциональный набор. Когда «оборотной стороной этнической эрозии локальных социумов, становиться возникающее напряжение между местным населением и мигрантами, которые по этническим, расовым, конфессиональным, социальным, культурным параметрам могут отличаться от аборигенов»[178]. В настоящий момент в экспертном сообществе к демографическим, экономическим и социологическим определениям внутренней миграции добавилась её политологическая формулировка. Так, внутренняя миграция в политологическом аспекте, несмотря на большое внимание к этой проблеме, представлена всего лишь единичным определением ставропольского миграциолога Ю.Г. Ефимова: «территориальное перемещение социальных групп, идентифицирующих себя как коллективного субъекта, с целью реализации своих политических интересов, отличных от политических интересов принимающего социума»[179].

Практика свидетельствует, что внутренние мигранты, если не на региональном, то на локальном уровнях, уже давно влияют на политические процессы в регионах. Вариации степеней и функций влияния которых достаточно широки. В некоторых случаях «миграционные потоки в различной степе-

---

[177] *Зелетдинова Э.А.* Трансформация этноструктуры Астраханской области. // Полис. Политические исследования. 2015. № 6. С. 144-156.; *Ерохин А.М.* Социальные последствия миграционных процессов и изменение этноструктуры Ставропольского края. // Вестник государственного ставропольского университета. Социологические науки. С.157-162.; *Ишигеев В.С. Авдеев М.Е.* Миграция и национальная безопасность России // Вестник восточно-сибирского института МВД России. 2015. № 4 С.40-42

[178] *Мукомель В.И.* Грани интолерантности (мигрантофобии, этнофобии) // Социологические исследования. 2005. № 2. С.91

[179] *Ефимов Ю.Г.* Миграция в современном политическом процессе. автореф. дис. д-ра. …полит. наук:23.00.02 / Ефимов Юрий Германович. Ставрополь, 2007.

ни влияют на социально-экономическое положение и отдельные элементы социальной инфраструктуры»[180]. Так, не один год подряд статистика фиксирует значительные объемы образовательной и медицинской миграции из регионов СКФО, прежде всего в ЮФО[181], а также в другие регионы страны. Причем проблема, судя по информации в некоторых регионах СКФО, давно вышла за рамки простых кадровых перестановок[182]. Однако социальной напряженностью влияния внутренней миграции на региональную безопасность не исчерпывается.

Статистика демонстрирует устойчивую закономерность в восприятии этнических мигрантов со стороны местных сообществ. Когда характер и глубина взаимодействия коррелирует со степенью ментальной близости либо дистанцированости групп приезжих и местных, причем фиксируется «даже детское расслоение по группировкам мигранты – не мигранты, что создает параметры социальной дистанции в дихотомии «свои-чужие»[183]. Чем более выражены эти отличия, тем вероятнее возникновение и рост социальной напряженности между этими группами. Так, если мигранты из Сибири или Дальнего Востока, характер перемещений, которых, также является безвозвратным, воспринимаются, в крайнем случае, как возможные конкуренты на

---

[180] *Рязанцев С.В.* Влияние миграционных процессов на социально-экономическое развитие региона (На материале Ставропол. края): автореф. дис. …канд. экон. наук: 08.00.18 / Рязанцев Сергей Васильевич. Ставрополь, 1998 .

[181] *Вагабова С.* Что скрывает Минздрав Дагестана? // Черновик. 2017. 29 сентября. – URL: https://chernovik.net/content/respublika/chto-skryvaet-minzdrav-dagestana (дата обращения: 07.06.2019).

[182] *Уразаев Э.* Разгром команды Абдулатипова // ONTV. 2018. 18 июля. – URL: https://ontv.su/articles/4950-razgrom-komandy-abdulatipova-i-vozvraschenie-suleimana-kerimova-kakova-rasstanovka-politicheski.html; См. также: С ТФОМС по РД требуют более полумиллиарда рублей // Дагестан. 2018. 14 ноября. – URL: https://dagjournal.ru/novosti/344-s-tfoms-po-rd-trebujut-bolee-polumilliarda-rublej.html (дата обращения: 07.06.2019).

[183] *Метелев С.* Миграция цивилизация адаптация (концептуальная связь понятий) С. 110.

региональном рынке труда, то, мигранты из национальных регионов – помимо вышеуказанного, как нарушители общественного порядка[184].

В одних регионах все ограничивается психологическим неприятием и раздражительностью в отношении инокультурных мигрантов. Это, прежде всего, относиться к экономически развитым регионам-реципиентам, где потенциал социальной конфликтности не реализуется в полной мере, в силу достаточно развитой экономики, которая в большинстве случаев сглаживает социальные противоречия межу контактирующими группами. Однако если политические институты не предпринимают превентивных мер, не выполняют возложенные на них функции обеспечения безопасности граждан независимо от их социального положения, скрывают от общественности, существующие социальные противоречия между сообществами, тогда конфликт выходит за пределы институциональных рамок. К нему подключаются СМИ и политическая система в этом случае все равно вынуждена реагировать на проблему, но уже в «пожарном» режиме. Последствия событий в Карелии (Кондопога) в 2006 г. и в Москве в 2010 г. демонстрируют, что региональные власти закрывали глаза на существующие противоречия между местными и мигрантами, тогда отсутствие реакции на совершенные тяжкие преступления со стороны мигрантов послужило поводом для массовых беспорядков[185].

По мере приближения к регионам-донорам отношения местных и мигрантов все больше приобретают открытый конфликтный характер[186]. Наибольший же градус конфликтности фиксируется в самих национальных республиках Северного Кавказа[187]. В силу того, что все эти регионы пребы-

---

[184] *Ефимова И.А.* Влияние этнических миграций на политические процессы в российских регионах: На материалах Приволжского федерального округа: автореф. канд. полит. наук: 23.00.02 / Ефимова Ирина Александровна. Саратов, 2006.

[185] Беспорядки на Манежной площади // Информационно-аналитический центр. 2010. 13 декабря. – URL: https://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/racism-nationalism/2010/12/d20481 (дата обращения: 07.06.2019).

[186] *Костенко Ю.В.* Конфликты миграций в южном федеральном округе как угроза национальной безопасности Российской федерации // Вестник южного научного центра. 2013. № 3. С. 76-81.

[187] *Стародубровская И.В., Казенин К.И.* Северокавказские города: территория конфликтов // Общественные науки и современность. 2014. № 6. С.70-82.

вают не одно десятилетие в состоянии экономической несостоятельности (стремительная деиндустриализация, изменение прежней экономической структуры в значительной степени обеспечивавшей политическую стабильность) в настоящий момент они не имеют перспектив самостоятельного развития. В этой связи, актуализируется значимый, для выживания локальных этнических сообществ в рыночных условиях, дискурс этнической определенности тех или иных территорий этих регионов.

Стихийный, нерегулируемый должным образом характер этнических миграций, может рассматриваться «как изменение этой территориальной определенности»[188], что закономерно приводит к межэтническим конфликтам на территориях-реципиентах. Конфликтный характер территориальных отношений в этих регионах обусловлен не только текущей миграционной ситуацией, но и уже накопленным конфликтным потенциалом, сформированным предыдущими волнами миграции: депортациями целых этносов или этнических групп с передачей их территорий другим переселенцам. А к «территориям», осознаваемых как «свои», у жителей Кавказа отношение трепетное[189]. Недавние события в Ингушетии как нельзя лучше иллюстрируют значимость фактора сохранения этнической определенности той или иной территории на Северном Кавказе для целей поддержания политической стабильности.

Таким образом, можно определить внутреннюю миграцию как территориальное перемещение тех или иных представителей этнических общностей с целью смены ими места жительства, то есть носящее, как правило, безвозвратный характер. Изучение внутренней миграции может осуществляться на демографическом, экономическом, социологическом уровнях, что значительно сужает возможности формирования объединяющего определе-

---

[188] *Терещенко Ж.А.* Факторы миграционных процессов в современной России // Общество: социология, психология, педагогика. 2011. № 1-2. С. 28-30.

[189] *Карпов Ю.Ю.* Этносоциальные трансформации в условиях миграционных процессов (на примере Дагестана) // Северный Кавказ в национальной стратегии России. М., 2008. С. 100.

ния. Применение же синтетических подходов вбирающих элементы каждого по отдельности позволяет сформировать более адекватную исследуемому феномену методологию, примером которого может выступать экономико-демографический подход. При изучении, внутренней миграции, как правило, фокус внимания длительное время был смещен в сторону экономических, политических и других факторов её формирования и развития, обратное же влияние на общественную динамику только сейчас получает широкое распространение.

ГЛАВА II. ВЛИЯНИЕ ВНУТРЕННЕЙ МИГРАЦИИ НА ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН

Параграф 2.1. Особенности динамики политического процесса в Дагестане

Дагестан в географическом отношении, один из самых дифференцированных по разнообразию природно-климатических зон регионов страны. Он имеет весьма сложный рельеф, разделён на три орографические зоны: горную, предгорную и равнинную. Равнина располагается в его центральной и северной частях и составляет более 58% территории. Горная зона представлена северным склоном Большого Кавказского хребта и охватывает 31% территории региона. Наименьшая часть орографической структуры – предгорная, на нее приходиться 11 %[190]. С востока на запад регион растянулся на 200 км, и представлен, как песками прикаспийской низменности, так и заснеженными вершинами Большого Кавказа. С севера на юг Дагестан растянувшись на 400 км, включая полупустынные степи Терско-Кумской низменности, плавно переходящие в субтропические лианные леса на юге региона. Такая геоклиматическая деференцированность отразилась на разнообразии этнической структуры республики.

Дагестан является одним из самых полиэтничных регионов в стране. Его этническая структура представлена не только сочетанием самых многочисленных т. н. титульных народов, представители которых, обязательно присутствовали во властных структурах, что выступало одним из основных условий поддержания политической стабильности. Это аварцы, агулы, азер-

[190] Физическая география Дагестана. – URL: http://geo.1september.ru/article.php?id=200401607 (дата обращения: 07.06.2019).

байджанцы, даргинцы, кумыки, лакцы, лезгины, ногайцы, рутульцы, табасаранцы, цахуры, чеченцы. Но и остальными малочисленными этническими общностями андо-цезские этносы, кайтагцы, кубачинцы, в совокупности, формирующие пёструю этническую картину региона[191]. Большинство этносов, проживающих в Дагестане, являются для него автохтонными. Они, как правило, компактно проживают на «своих» территориях этногенеза, которые по масштабам и экономической развитости являются достаточно неравнозначными образованиями. Их социальный уклад сохранял традиционное постоянство практически до начала процесса индустриальной модернизации региона на рубеже 19-20 веков. В этом период аграрный профиль региона в значительной степени был изменён в сторону более сбалансированной хозяйственно-отраслевой структуры[192]. Однако, несмотря на повсеместную включенность местного населения в модернизацию региона, он так и не смог преодолеть традиционной этнической доминанты социального структурирования, а «распад СССР застал Дагестан как раз на пути от «общинного» к более современному укладу, который, по сути, не успел сформироваться»[193].

Таким образом, системные преобразования, осуществленные при активном привлечении всех без исключения автохтонных этносов, в той или иной степени способствовали их повсеместной интеграции в российское политическое пространство. Удалось снизить межэтническую напряженность в дагестанском обществе, преодолеть его территориальную раздробленность, существовавшую в прежние годы.

Дагестанское общество, как и любой другой региональный социум в советский период было сбалансировано в отношении его социально-стратификационой структуры. Остальные характеристики – демографические, этнические, расселенческие, хотя и подвергались модификации, все же сохраняли асимметричный характер. Так, серьезные сдвиги в последней ха-

---

[191] Народы Дагестана / отв. ред. С.А. Арутюнов и др. М.: «Наука», 2002.

[192] Экономика Дагестана. Махачкала: Даг. кн. Изд-во, 1983. С. 61.

[193] Что даст Абдулатипов Дагестану? // REGNUM. 2013. 28 января. – URL: https://regnum.ru/news/1618258.html (дата обращения: 07.06.2019).

рактеристике коренным образом изменили прежний сугубо аграрный характер расселения дагестанских этносов, когда почти половина населения региона стала проживать в городах[194]. Соотношение городского и сельского населения уже в советский период закономерно приобрело неравномерный, этнический дифференцированный характер.

По мнению Г.С. Денисовой и М.Р. Радовеля, положение терского казачества в Дагестане всегда обуславливалось, как в прочем и на всем Кавказе, исторической спецификой присоединения этих территорий к России. В силу чего масштаб и география расселения русских в регионе значительную часть его истории имели политическое обоснование. А индустриальное освоение Дагестана на советском историческом витке «никоим образом не могло компенсировать утраты русскими ряда своих статусных позиций как одного из аграрных и в силу этого фактически автохтонного этноса Северного Кавказа»[195]. Ведь именно преимущественно городская география расселения определила характер их демографического воспроизводства не только в регионе, но и по всему постсоветскому пространству[196]. Аналогичные процессы, но в меньших масштабах наблюдались и у некоторых автохтонных этносов, локализованных на равнине региона – у кумыков, ногайцев и др. Однако были и исключения. Так к наиболее урбанизированному горскому этносу в регионе, на сегодняшний день, можно отнести лакцев.

По мнению, историков, истоки такого несвойственного большинству горских этносов характеру расселения и воспроизводства лакцев следует искать в специфике их этногенеза. Лакское сообщество, развиваясь на относительно малой по сравнению с другими горскими этносами территории, вырабатывало элементы рационализма, как неотъемлемого качества повседневной

---

[194] Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность населения СССР, РСФСР и ее территориальных единиц по полу // Демоскоп. 2019. 11 - 24 февраля. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php (дата обращения: 07.06.2019).

[195] *Денисова Г.С., Уланов В.П.* Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов-н/Д: Из-во РГПУ, 2003. 352 с.

[196] Региональные особенности воспроизводства и миграции населения в СССР. М., 1981. С. 259.

жизни. Находясь «как бы в «изоляции», изнутри, но в окружении больших народов, мировых цивилизаций, испытывая их воздействие, рождая острые потребности учиться у своих и у чужих – с главной целью выжить»[197].

Остальные же горские этносы только в новейший период смогли сформировать достаточно многочисленные общины в городах региона. Так, процент этих этнических групп в городах дагестанской равнины был мизерным еще перед Великой Отечественной войной[198]. Их полноценная интеграция в экономическую и политическую жизнь страны началась лишь в 1950-1960-х гг., на фоне массовой миграции на равнинные территории, то есть позже остальных наиболее многочисленных этносов в регионе. Сегодня значительная часть их населения продолжает проживать на территориях своего этногенеза[199]. В то же время наиболее многочисленные этнические общности контролируют большее число территорий, что в земельно-дефицитном регионе служит основным псевдо-идеологическим обоснованием претензий на политическую власть.

По степени интенсивности центро-периферийных связей и характеру этнополитических отношений в процессе политического структурирования Дагестана можно выделить несколько основных периодов:

1991-1994 гг. – период неопределённости и латентной этнической конфронтации;

1994-1999 гг. – период «свободного плавания» и открытой конфронтации;

1999-2006 гг. – период договорной «демократии» и этнического компромисса;

---

[197] *Джандарова А.И.* Духовная культура лакцев во второй половине XIX - начале XX в.: автореф. дисс. …канд. ист.наук: 07.00.02 / Джандарова Аида иса Кызы. Махачкала, 2006.

[198] Что даст Абдулатипов Дагестану? // REGNUM. 2013. 28 января. – URL: https://regnum.ru/news/1618258.html (дата обращения: 07.06.2019).

[199] О некоторых итогах Всероссийской переписи населения 2010 года в Республике Дагестан // Статистический сборник. Махачкала: Дагестанстандарт РД, 2012. 45 с.

2006-2010 гг. – период моноэтничной централизации и спонтанной активации конфликтности;

2010-2013 гг. – период договорной централизации и попыток этнополитического диалога;

2013-2017 гг. – период перестройки политических отношений и свёртывания этнополитического диалога;

с 2017 г. – период бюрократического централизма и поиска этнополитического равновесия.

Экономико-политические трансформации вызванные распадом СССР послужили факторами раскола политической структуры региона на различные группы интересов, их стремительной активизации на всех общественных уровнях. Точками кристаллизации, как только формировавшихся, так и сменивших прежнюю идеологическую основу политических сил в регионе выступили властные институты административно-хозяйственного и идеологического происхождения. В силу того, что ключевые позиции в позднесоветской властной структуре региона занимали представители даргинской этнической общности, то в новых политических условиях они имели наиболее развитую в отношении этнотерриториальной представленности структуру групп интересов. Политические институты вокруг которых консолидировались территориальные группы - Госсовет, Правительство, а также хозяйственный структуры, такие как Дагпотребсоюз[200].

Надо отметить, что остальные этнополитические группы не имели самостоятельного статуса и были интегрированы во властные структуры региона на полуавтономных началах. Это можно отнести к группам как апеллировавшим к наиболее многочисленным этническим общностям в регионе (М.Г. Алиев, А.М. Мирзабеков, Б. Гаджиев), так и менее многочисленным (С.М. Ильясов). Демократические преобразование в стране выступили внешним фактором усиления своих позиций уже представленных во властных

[200] Кто есть кто в Дагестане. Информационно-телефонный справочник. Махачкала: Редакционно-издательское предприятие Мининформпечати РД, 1994. 56 с.

структурах, так и только актуализировавшихся в новой институциональной среде групп.

В силу отсутствия у «новичков» в своем арсенале широкого набора политических средств, конкуренция ими велась с использование наиболее доступного и эффективного в деле мобилизации больших масс населения этнического ресурса. Поэтому активизация массовых внеинституциональных форм политического участия в стране в регионе проявилась в деятельности так называемых национальных движений. Так, наряду с достаточно широким представительством в институтах власти кумыкские группы получили дополнительный ресурс влияния на своё этническое окружение в лице таких организаций как «Тенглик» и «Тюзлюк». В то время как для периферийных, не имевших устойчивой структуры аварских, лакских, лезгинских групп – это был их единственно значимый на тот момент инструмент политической актуализации в регионе: «Фронт им. Шамиля», «Кази-Кумух», «Садвал», соответственно[201].

В условиях утраты общих для страны политических «правил игры» объектом политической противоборства в регионе стали экономические отрасли, которые в условиях рыночных преобразований, если не демонстрировали активный рост, то, по меньшей мере, не снижали собственной капитализации[202]. Предпосылки этнического характера политического противоборства в регионе следует искать не только в естественных этнических диспропорциях социального окружения, к интересам которых постоянно апеллировали политики, но и то, что эта асимметрия была институционализирована в качестве основополагающего принципа организации власти.

Произошло это еще в советский период и заключалось в идеологической установке центральных властей по искусственному воспроизводству эт-

---

[201] *Осмаев А.Д., Лысенко Ю.М., Халилова А.С.* Национальные партии и движения в социально-политическом развитии Дагестана. 1989–1992 гг. // Фундаментальные исследования. 2015. № 2-27. С. 734-738.

нических пропорций во властных структурах региона, и именовалось этническим квотированием.

На наш взгляд, институт этнического квотирования, пусть и в нынешнем усеченном виде играет по большей части психологическую роль, нежели утилитарную. Так как большинство до сих пор убеждено что «наличие их представителей в высших и местных органах государственной и муниципальной власти самоценно, поскольку, по их представлениям, тем самым признается статус их этноса и гарантируется учет их национальных интересов»[203]. Поэтому этот механизм распределения власти в регионе и в советский период не выполнял декларируемых целей, а «был именно иллюстрацией, внешней картинкой политического процесса, той фабрикацией, назначением которой было имитировать и контролировать некоторое содержание – “гармоничные национальные отношения»[204].

В условиях же упразднения внешних партийно-идеологических ограничений, он стал источником повышенной межэтнической и межэлитной конкуренции, привел к воспроизводству открыто конфликтной политической динамики в регионе. В отношениях же с Центром властные группы, занимали умеренную позицию. Сохранение лояльности прежней, сначала союзной, а после и республиканской политической элите сочеталось с необходимостью подчинения директивам новых властей. Так, отказавшись принимать декларацию о государственном суверенитете республики, но, так или иначе, закрепляли институциональные нововведения на региональном уровне.

Новые группы интересов, только стремившиеся легитимироваться во властных институтах, наоборот, апеллировали к этничности и религиозности своего электората. Росту этнического и религиозного дискурса в регионе

---

[202] Энвер Кисриев: «Дагестан возвращается к бюрократической форме правления» // Кавказский узел. 2007. 3 мая. – URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/113289/ (дата обращения: 07.06.2019).

[203] *Егоров В.К., Ибрагимов М.-Р.А.* Этносоциальные и правовые аспекты положения на Северном Кавказе // Труды Института государства и права РАН. 2016. № 1. С.151.

способствовало не только снятие всяких идеологических ограничений, но и значительное ухудшение социально-экономического положения[205]. Сопутствующий экономической рецессии рост безработицы в традиционно трудоизбыточном регионе активизировал рост межэтнической напряженности, и лишь усиливал эксплуатацию дискурса этничности в его политическом процессе. Возвращение большинства дагестанского общества к прежним социальным практикам проявилось не только на росте этнического самосознания, но и возрождении исламского чувства.

Ислам – традиционная конфессия для региона, так как он здесь появился еще в 7 веке н.э., и по праву считается одним из древнейших очагов мусульманской культуры в нашей стране[206]. В силу чего не раз в истории региона становился источником надэтнической мобилизации. И даже советская власть, с её глубоко проработанным концептуальным аппаратом не смогла в полной мере переформатировать религиозный сегмент сознания дагестанских этносов. Поэтому уже в середине 1990-х гг. здесь функционировало «11 исламских центров и благотворительных организаций, численность служителей культа (имамов, кадиев, муэдзинов) составляла около 3,5 тысяч человек»[207].

События же октября 1993 г. в Москве явились, на наш взгляд, значительно усилившим нестабильность и внеинституциональный характер политической динамики, фактором. Радикальный характер экономических реформ, запущенных в стране в этот период (либерализация цен 1992 г., чековая приватизация 1994 г. и экономический дефолт 1998 г.) в значительной

---

[204] *Здравомыслов А., Цуциев А.* Дагестан: социально-политические процессы 1997-1999 гг // Кавказский узел. 2002. 7 мая. – URL: https://amp.kavkaz-uzel.eu/articles/19736/ (дата обращения: 07.06.2019).

[205] Социально-экономическое положение в Республике Дагестан. Махачкала: Комитет РД по государственной статистике, 1997. 287 с.

[206] *Алиев Б.Г.* Горные общества Дагестана в политике России в конце XVШ - первой четверти XIX в. и вступление их в подданство Российской империи. Махачкала, 2017. 256 с.

[207] *Макаров Д.В.* Официальный и неофициальный Ислам в Дагестане. М.: ЦСиПИ, 2000. 84 с.

степени влияли на дальнейший спад в экономике региона, особенно в одной из самых молодых ее отраслей – машиностроении[208].

Вооруженный конфликт в Чеченской Республике наряду с тем, что максимально ослабил хозяйственные связи региона с другими частями страны, имел ещё более значимый политический эффект: он повлиял на радикализацию регионального политического процесса, включив в его структуру компоненту религиозно-экстремистского характера. Отчасти поэтому этнополитические группы, развернувшие активную борьбу за раздел наиболее прибыльных экономических сфер: виноградная и винодельческая, нефтяная, электроэнергетическая, рыбная, в значительной степени вели ее криминальными и насильственными методами[209].

В силу интенсификации и масштабности прежней миграционной динамики в регионе по линии «горы–равнина» активизировалось стихийное воспроизводство исламских практик. К примеру, в некоторых сёлах «была запрещена продажа алкоголя, стали открыто проводиться религиозные праздники и церемонии. Становилась популярной исламская одежда»[210]. Интенсивная эмиграция неавтохтоного сегмента привела к сокращению его этнического многообразия и поглотила гражданскую идентичность этнорелигиозной. Этнизация и исламизация политического процесса отразились на всём спектре его проявлений, в том числе и в сфере партийного строительства.

Партийные институты, и без того крайне слабо представленные в политической структуре региона, на идеологическом уровне испытали существенное давление со стороны этнорелигиозных тенденций, причем независимо от их «правой» или «левой» ориентации[211].

---

[208] Социально-экономическое положение в Республике Дагестан. Махачкала: Комитет РД по государственной статистике, 1997. 287 с.

[209] Почти полная... «висячая» хронология // Черновик. 2008. 29 февраля. – URL: https://chernovik.net/content/respublika/pochti-polnaya-visyachaya-hronologiya (дата обращения: 07.06.2019).

[210] *Макаров Д.В.* Официальный и неофициальный Ислам в Дагестане. М.: ЦСиПИ, 2000. 84 с.

[211] *Кисриев Э.Ф.* Этнополитическая ситуация в Республике Дагестан. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1994.

На наш взгляд, неразвитость партийных организаций в регионе была связана не только с незаинтересованностью властных групп в рационализации и упорядочении политических интересов их оппонентов, что возможно выступило бы первым шагом по выстраиванию цивилизованной конкурентной политического среды и было бы вполне органичным с учетом диференцированности структуры социального окружения. В значительной степени это могло быть продиктовано крайне малым по историческим меркам опытом совместного проживания в рамках единого политического образования, ограниченным советским периодом в формате ДАССР. К тому же в этот период партийные структуры были на периферии политической жизни по всей стране[212].

На законодательном уровне Дагестан в этот период так и не актуализировал партийного законодательства, как это, к примеру, произошло в Республики Башкортостан с принятием 21 июля 1994 г. закона «О политических партиях в Республике Башкортостан»[213]. Общественная энергия в большей степени канализировалась в развитии национальных движений, логика деятельности которых, заключалась в манифестации примордиалистского «базового интереса», который оказывался якобы под угрозой вследствие деятельности официальных властей Дагестана или других этнических движений»[214].

Политический процесс в этот период виделся как компромисс, достигнутый властными этнотериториальными группами с остальными, институционально оформленный Конституцией 1994 года. Нарушение же этнополитического равновесия, предпосылки которого стали проявляться в период отказа от взятых на себя обязательств: переписывание Конституции в 1996 и 1998

---

[212] *Голосов Г.В.* Российская партийная система и региональная политика, 1993–2003. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006. 300 с.

[213]Закон Республики Башкортостан от 21 июня 1994 года № ВС-24/5 «О политических партиях в Республике Башкортостан». – URL: http://base.garant.ru/17750289/ (дата обращения: 07.06.2019).

[214] *Здравомыслов, А., Цуциев, А.* Дагестан: социально-политические процессы 1997-1999 гг // Кавказский узел. 2002. 7 мая. – URL: https://amp.kavkaz-uzel.eu/articles/19736/ (дата обращения: 07.06.2019).

гг., что спровоцировало закономерную череду всплесков внеинституциональной активности оппозиционных сил, на фоне текущей перманентно нестабильной политической ситуации[215]. Попытка изменить ситуацию вооруженным путем в мае 1998 г., лишь усилила позиции властных групп, статус которых в регионе всё больше приобретал несменяемый номенклатурный характер.

На наш взгляд, именно в этот период в регионе стал отчётливо формировать тренд на консервацию политической власти в регионе с параллельным отчуждением дагестанского социума от формально-институциональных механизмов политического участия. Без сомнения, что на снижение активности национальных движений в региональном политическом процессе повлияли последствия вооружённых межэтнических конфликтов по всему Кавказу. Но, на наш взгляд, именно «чеченская гуманитарная катастрофа возымела сильный демонстрационный эффект на дагестанское общество и оттолкнула значительные его массы от радикалистского стиля в презентации друг другу неких политических претензий и целей»[216].

Лишь частичная кооптация лидеров некоторых национальных движений во властные структуры в этот период обезопасила политическую структуру региона от ее полного дефолта. Так как именно с присутствием случайных и неподготовленных к управлению фигур в структурах власти связывалось радикальное снижение профессионализма политического персонала в регионе. Но такая уступка носила вынужденный ситуативный характер. Ведь аккумулированные за это время ресурсы для их сохранения и дальнейшей капитализации на фоне существовавшей политической нестабильности в стране требовали гарантированно номенклатурного политического представительства. И при первой же попытке сепаратистского мятежа большая часть

[215] Хроника криминального террора Дагестан, 1992-2005 годы. 2005. 11 июля. – URL: http://old.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2005/07/m43663.htm (дата обращения: 07.06.2019).

из них была вытеснена на периферию[217]. В выстроенной политической структуре основные автохтоны даже не попытались хотя бы частично закрепить реальное представительство, что соответствовало бы логике происходящих в этот период демократических преобразований по всей стране, что могло послужить фактором стабилизации политической ситуации. Они использовали возможности демократических процедур в качестве технологий для блокирования и/или вытеснения конкурирующих этнополитических групп на периферию[218]. Так, этнополитические группы, во главе с территориальным ядром[219], находившиеся во властных структурах в этот период, не только сохранили, но и значительно нарастили свое влияние на политические институты региона, оставив своих прежних конкурентов в рядах политических аутсайдеров.

Во второй половине 1990-х гг. система этнического квотирования стала воспроизводить прежнюю номенклатурную систему распределения власти, тем самым выражая «преемственность политического режима постсоветского Дагестана в отношении его советской практической матрицы»[220]. Послужившая средством консолидации политической структуры с её социальным окружением на первоначальном этапе постсоветской политической институционализации, позднее она стала фактором формирования конфликтного характера функционирования политического процесса в регионе.

К началу 2000-х гг. политическая структура представляла уже более

---

[216] *Здравомыслов, А., Цуциев, А.* Дагестан: социально-политические процессы 1997-1999 гг // Кавказский узел. 2002. 7 мая. – URL: https://amp.kavkaz-uzel.eu/articles/19736/ (дата обращения: 07.06.2019).

[217] Энвер Кисриев: «Дагестан возвращается к бюрократической форме правления» // Кавказский узел. 2007. 3 мая. – URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/113289/ (дата обращения: 07.06.2019).

[218] Почти полная... «висячая» хронология // Черновик. 2008. 29 февраля. – URL: https://chernovik.net/content/respublika/pochti-polnaya-visyachaya-hronologiya (дата обращения: 07.06.2019).

[219] М.М. Магомедов выходец из горного аграрного муниципалитета – Левашинский район.

[220] *Здравомыслов А., Цуциев А.* Дагестан: социально-политические процессы 1997-1999 гг // Кавказский узел. 2002. 7 мая. – URL: https://amp.kavkaz-uzel.eu/articles/19736/ (дата обращения: 07.06.2019).

устойчивую, и менее диверсифицированную конструкцию. Во властных группах сохранилось влияние лидеров и произошло усиление позиций близких к ним этнотериториальных групп[221]. Этничность в политическом процессе региона в значительной степени утрачивала свое влияние на публичную политику, как за счёт ситуативных факторов, так и за счёт заявившего о себе в начале 2000-х гг. череды установленных Центром институциональных ограничений[222].

Как указывалось выше общественная демократизация 1990-х гг. отразилась не только на возрождении этнического сознания дагестанцев, но и религиозного, «когда общественные проблемы, в том числе земельные споры, решались на основе шариата при участии местных религиозных авторитетов»[223]. Однако, религиозность дагестанского общества не носит абсолютного характера, и имеет свою этническую специфику. Данный факт еще раз подтвердился в ходе проводившегося в начале 2000-х гг. социологического исследования. Наиболее религиозными этническими общностями показали себя аварцы (82%), даргинцы (61%), кумыки и лакцы (47-50%), лезгины, табасаранцы и русские[224]. Значимость религиозного ресурса, прежде всего для политических групп, представляющих самую многочисленную этническую общность в регионе выглядит вполне закономерной. С его эффективным использованием на наш взгляд, можно связать стремительное наращивание ими символических ресурсов власти[225]. Если в административно-хозяйственном

---

[221] *Утенков А.* Когда вдруг прилетит вертолёт // Совершенно секретно. 2016. 18 Января. – URL: https://www.sovsekretno.ru/articles/id/5294/ (дата обращения: 07.06.2019).

[222] Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459/ (дата обращения: 07.06.2019); Конституция Республики Дагестан от 10 июля 2003 г. – URL: http://constitution.garant.ru/region/cons_dagest/ (дата обращения: 07.06.2019).

[223] *Макаров Д.В.* Официальный и неофициальный Ислам в Дагестане. М.: ЦСиПИ, 2000. 84 с.

[224] *Курбанов Г.М.* Религия в зеркале дагестанской социологии // Религия и политика террора. // ВикиЧтение. – URL: https://public.wikireading.ru/130046 (дата обращения: 07.06.2019).

[225] *Алимсолтанов А.* Путеводитель по дагестанским кланам // Черновик. 2014. 28 января. – URL: https://chernovik.net/content/inye-smi/putevoditel-po-dagestanskim-klanam (дата обращения: 07.06.2019).

сегменте их положение определяется как значимое, то в духовно-идеологической сфере представительство аварцев может быть вполне охарактеризовано как монопольное. Наряду с владением массовыми печатными изданиями, как русскоязычными «Новое дело» и «Черновик», так и национальными «Миллат», более значимо для формирования общественного мнения в регионе выступает их доминирование в официальных религиозных институтах, что, по мнению оппозиции, обусловило утрату соблюдения в них реального этнического представительства[226]. На наш взгляд, этот факт подтверждает закрепление за ДУМД репутации не институционального средства в решении проблем полиэтничной мусульманской общины региона, а структуры нацеленной на легитимацию решений властей[227].

Не исключено что, в значительной степени с этим был связан рост насильственных форм религиозного экстремизма в регионе, установившегося по линии суфии–салафиты. Одной из иллюстраций формирующегося в регионе внутрирелигиозного раскола можно считать попытку установления исламского правопорядка в двух сельских муниципалитетах в 1998 году. Один из лидеров умеренного крыла этих сил М. Джангишиев, так в свое время писал об истоках этого явления: «Дагестан превратился в криминальное государство, где ситуация, пострашнее фильмов о сицилийской мафии, где отсутствует идеология и идет духовная деградация общества»[228].

Положительные же сдвиги количественного характера в макроэкономике региона не оказывают значительного влияния на рост благосостояния жителей региона. Набирает обороты технологическое отставание, процессы деиндустриализации, когда структура экономики не ориентирована на глубо-

---

[226] *Муртазалиев Г.* В ДУМД нет представителей народа…» // Черновик. 2007. 28 сентября. – URL: https://chernovik.net/content/monotheos/v-dumd-net-predstaviteley-naroda (дата обращения: 07.06.2019).

[227] *Здравомыслов А., Цуциев А.* Дагестан: социально-политические процессы 1997-1999 гг // Кавказский узел. 2002. 7 мая. – URL: https://amp.kavkaz-uzel.eu/articles/19736/ (дата обращения: 07.06.2019).

[228] *Кисриев Э.* Республика Дагестан в августе – начале октября 1998 года // Этнополитический мониторинг 1999. – URL: http://www.igpi.ru/monitoring/1047645476/1998/0998/5.html (дата обращения: 07.06.2019).

кую переработку добываемого сырья, чрезвычайно зависима от импортируемых извне товаров[229]. Выполнение большинства социальных обязательств, без значительной финансовой помощи из Центра, представляется невозможным. Наступает утрата экономикой региона своих рациональных начал и становление дефектного характера ее функционирования, когда дотационность бюджета в 2001 г. достигла 82,1%[230]. Москва же в этот период занимает сдержанную позицию, истоки логики которой следует искать в совокупной практике рецентрализации, когда законодательные инициативы, институционализировавшие ее, принимались с немалым сопротивлением даже вполне лояльными Центру регионами[231]. В условиях практически воюющей территории, изменившей, после распада СССР свой геополитический статус, что, несомненно, накладывало дополнительные ограничения на возможности Центра по кардинальному вмешательству в региональный политический процесс.

Прежняя, сформировавшаяся еще в эпоху Б.Н. Ельцина политическая структура не подверглась трансформации. Так, несмотря на принятие новой конституции сохранились прежние политические механизмы и институты. Выборы в региональный парламент в 2003 г., которые должны были пройти по новому федеральному законодательству, были реализованы с использованием всё тех же национальных избирательных округов, а реформа власти в регионе была отложена «на потом». Сохранение этнономенклатурного статус-кво получило дополнительное обоснование в связи с возобновившейся второй фазой вооруженного конфликта в Чеченской Республике.

---

[229] Подведены итоги социально-экономического развития Дагестана за 2004 год // Кавказский узел. 2005. 23 апреля. – URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/76041/ (дата обращения: 07.06.2019).

[230] Социально-экономическое положение в РД. Махачкала: Комитет государственной статистики РД, 2003. 205 с.

[231] Третий электоральный цикл в России // Полис. Политические исследования. 2004. № 1. С. 6–50.

Росту авторитарных тенденций способствовало сохранение этнического статус-кво в лице отдельных этнотерриториальных групп[232]. Это входило в противоречие с интересами, как наиболее влиятельных и внушительных по масштабам конкурирующих групп интересов, которые представляли единый с властью этнос, так и политические группы иноэтничного происхождения.

Активность иноэтничных групп интересов в этот период носила преимущественно публично-плебисцитарный и нередко внеинституциональный характер. Политический КПД этих групп имел значимый, но все же локальный эффект. К тому же экспансия во властные структуры осуществлялась на территориях стремительно терявших свой этнический капитал в лице кумыков, ногайцев, русских, не имевших дополнительных возможностей оказать серьезного сопротивления этому[233]. На уровне межэлитных взаимодействий политическая процесс продолжает носить устойчиво конфликтогенный характер, а стабильность политический динамики определялась уровнем закрытости тех или иных политических институтов в рамках номенклатурности распределения власти. Возможности реального этнического представительства были максимально сужены и подменены их имитацией, путем кооптации в структуру своих клиентел представителей «квотного» этноса. Противоречия и конфликты, с близкими по происхождению группами разрешались через механизм кулуарного торга. Подавление или ослабление иноэтничных групп шло с использованием административного ресурса и технологий взаимного ослабления. В целом же дагестанское общество демонстрирует конформизм, свойственный всему российскому обществу в этот период[234].

---

[232] *Барахова А., Эрболатов У.* Дагестанский, 15-летней выдержки // Коммерсантъ Власть. 2002. 25 июня. – URL:https://www.kommersant.ru/doc/329155 (дата обращения: 07.06.2019).

[233] *Алимсолтанов А.* Путеводитель по дагестанским кланам // Черновик. 2014. 28 января. – URL: https://chernovik.net/content/inye-smi/putevoditel-po-dagestanskim-klanam (дата обращения: 07.06.2019).

[234] *Козлов Н.Д.* Политические культуры регионов России: уравнение со многими неизвестными. – URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Kozlov_2008_4.pdf (дата обращения: 07.06.2019).

На уровне же социального окружения дестабилизирующую компоненту политическому процессу задает ослабление прямой коммуникации властей региона со значительным по масштабам сегментом исламизированной молодежи. На фоне сохранения социально-экономической нестабильности это привело к активной реализации этой группой своего конфликтного потенциала, в форме религиозно-политического экстремизма.

По мнению экспертов наиболее масштабному давлению на свою политическую структуру сил религиозно-экстремистского толка регион повергся именно в период 2006-2010 годов. Это связывается с усилением салафитского и псевдосалафитского сегментов ислама в регионе, приобретение ими массового распространения, и проникновением во властные структуры.

Данный факт как нам кажется надо рассматривать в более широком политическом контексте, выходя за рамки исключительно региональных детерминант. Дестабилизацию политического процесса в Дагестане, отбредшую форму противостояния официальных и экстремистских религиозных сил важно, на наш взгляд, рассматривать в контексте продолжавшегося вооруженного конфликта в Чеченской Республике, так и более широком международном контексте[235]. Однако без значительного по масштабу и крайне дифференцированного по структуре угнетаемого социального сегмента реализовавшийся сценарий дестабилизации имел бы меньше шансов эволюционировать в межрелигиозный конфликт и больше перспектив для его рационализации и хотя бы частичного купирования, вызвавших его противоречий. Необходимо отметить, что и федеральный центр никогда не воспринимал религиозный экстремизм в регионе, как сугубо криминальную проблему. Включая в её решение «политическую составляющую — как вернуть на свою сторону нелояльных и как сократить базу поддержки боевиков»[236].

---

[235] Арабская весна // Postnauka. 2016. 10 марта. – URL: https://postnauka.ru/faq/61168 (дата обращения: 07.06.2019).

[236] Северокавказская адаптация // Эксперт. 2012. 9 июля. – URL: http://expert.ru/expert/2012/27/severokavkazskaya-adaptatsiya/ (дата обращения: 07.06.2019).

Преимущественно «договорной» неформальный характер, отношений сложившийся в период властвования даргинских этнотерриториальных групп хотя и выступил фактором активизации религиозного экстремизма, всё же в целом сохранял ситуацию в некоторых рациональных пределах. В немалой степени это связывают с личностью М.М. Магомедова, искавшего «выходы» из сложных ситуаций там, где его оппоненты доводили их до вооружённого противостояния[237].

Пришедшие им на смену однородные в этническом отношении, но дифференцированные по территориям политические группы в 2006 г. стали активно включаться в разрешение межрелигиозных противоречий. Была осуществлена попытка привести весьма разнообразные исламские практики в регионе к их некоему единообразию под началом официальных структур ДУМД. Такая политика естественным образом отвечала общей логике унификации политического пространства региона, что без контроля над неформальными религиозными институтами являлась бы неполноценной.

Проявление активного противодействия значительного сегмента дагестанского общества на попытку вытеснения его из процесса принятий решений, выглядит вполне предсказуемой. Это, на наш взгляд, связано с естественным ходом развития этнических общностей региона, которые к началу 21 века пришли с различным религиозным опытом, который не в последнюю очередь влиял на их политическую культуру[238].

Слабая эффективность политики централизации в регионе в большей степени была вызвана не сколько генетическим неприятием вертикальных схем организации, но и с невозможностью сочетать неформальные договоренности с демократическими практиками, подмену реального этно-религиозного представительства с клиентелистским.

---

[237] Энвер Кисриев: «Дагестан возвращается к бюрократической форме правления» // Кавказский узел. 2007. 3 мая. – URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/113289/ (дата обращения: 07.06.2019).

Процесс централизации связывался с ослаблением властных этнотерриториальных групп, с усилением более лояльных властям конкурентов. Так, приобретший особую значимость после введения соответствующих федеральных инициатив пост спикера региональной легислатуры должен был занять М-С.М. Магомедов, но вместо него был назначен М. Сулейманов. Дополнительно с политического поля вытеснялись и иноэтничные клиентелы, ассоциированные с властными структурами[239].

Вместе с тем, следует отметить, что установление внешних институциональных ограничений, сильно сужавших возможности маневрирования естественным образом отражалось на трудностях сохранения этнополитического баланса регионе. Попытки унификации политического ландшафта, как институциональными средствами, так и с помощью неформальных практик давали временный ситуативный эффект, после чего наступало новое обострение, приводившее к росту внутриэлитной конфликтности. Так, выборы в Народное Собрание в 2007 г., проходившие по новому порядку, предполагавшему формирование половины депутатского корпуса по партийным спискам, который усложнил согласование интересов, закономерно отразился на росте межэлитной напряженности, всплески которой, дестабилизировали регион, как в ходе самого выборного процесса, так и после его завершения[240].

Дополнительным фактором политической нестабильности в регионе в этот период выступили также сложности территориальных конфликтов, связанных, прежде всего, с кумыкскими группами. Убийство влиятельных политических фигур в 2009 г., а также массовое использование силовых структур на выборах мера в г. Дербенте в том же 2009 г. в условиях активной эксплуатации этнического ресурса, по нашему мнению, необратимо ослабила леги-

---

[238] *Курбанов Р.В.* Факторы политической интеграции многоэтнического региона: на примере Республик Северо-Восточного Кавказа: автореф. дис. …канд. полит. наук: 23.00.02 / Курбанов Руслан Вячеславович. СПб, 2003.

[239] Этнодискриминация лезгин и кумыков // ФЛНКА. 2015.14 ноября URL: http://kavpolit.com/blogs/flnca/20747 (дата обращения: 07.06.2019).

[240] Дагестан: выборы и выстрелы // Черновик. 2007. 16 февраля. – URL: https: //chernovik.net/content/nashi-smi/dagestan-vybory-i-vystrely (дата обращения: 07.06.2019).

тимность М.Г. Алиева[241]. Надо отметить, что в годы пореформенного практически автономного существования, политический истеблишмент нередко включал в свои ряды несистемные фигуры, что значительно понижало его управленческий потенциал. В этой связи, уход М. Алиева, надо рассматривать как, безусловно, меру вынужденного характера. Ведь он один из немногих политиков, который владел обширным опытом работы в советских партийных органах, что, на фоне бюрократизма, представлялось одним из его преимуществ. Как отмечают некоторые эксперты, было принято решение сделать ставку не сколько на новые, а скорее на понятные для Москвы политические силы в лице сына М.М. Магомедова – М-С.М. Магомедова[242].

На наш взгляд политика активного вытеснения иноэтничного сегмента из структуры правящими группами в период работы администрации М.Г. Алиева была связана с административными возможностями последнего. Доминантное положением на публичном информационном поле, а также фактор численного преимущества всегда служили для этнических групп идеологическим обоснованием притязаний уже на политическую монополию. Это создавало иллюзию отсутствия необходимости непрерывного согласования интересов со всем спектром этнополитического ландшафта в регионе, что в условиях турбулентности национальной политической динамики, является крайне значимой процедурой. Отчасти поэтому достижение равновесия нередко связывалось с прямой поддержкой одной из конфликтующих сторон, что, несомненно, отражалось на росте политической конфликтности в регионе.

Смена региональной администрации хоть и затронула интересы оппозиционных этнических групп, позиции некоторых из них не только не были ослаблены, но и получили новый импульс развития. Так, возглавлявший с

---

[241] *Алиев М.* Пять лет спустя // Живой журнал. – URL: https://john-rend.livejournal.com/49657.html (дата обращения: 07.06.2019).

[242] Битва Руслана Курбанова и Милрада Фатуллаева с Юлией Латыниной за Дагестан // Ансар. 2013. 6 февраля. – URL: http://www.ansar.ru/analytics/bitva-ruslana-kurbanova-i-milrada-fatullaeva-s-yuliej-latyninoj-za-dagestan (дата обращения: 07.06.2019).

2007 г. Кизлярскую районную администрацию С. Муртузалиев в 2010 г. был назначен главой регионального отделения ПФР.

С позиции, культивируемой в регионе этнической сегрегации такие противоречивые назначения, могут быть объяснены эволюционными изменениями в структурах таких групп, когда по мере роста собственной капитализации, которой сопутствует функциональная специализация в их рядах и возникает, таким образом, необходимость привлечения политического персонала со стороны. Э.Ф. Кисриев так пишет об этом: «Лучше попросить человека, который живет за другой горой, что бы он тебе помог, чем обратится к своим»[243]. На уровне отношений с федеральным центром продолжавшаяся в отношении регионов политика централизации в этот период выразилась в упорядочении определения численности депутатского корпуса в региональных легислатурах, что в Дагестане привело к росту числа депутатов в Народном Собрании. На наш взгляд, реализация этой инициативы позволила хотя бы частично приблизить политическое представительство территорий к их этническому многообразию, что, несомненно, следует рассматривать как меру по стабилизации ситуации.

Администрация Д.А. Медведева демонстрировала значительную поддержку по разрешению накопленных за этот период проблем, что не в последнюю очередь связано с новым электоральным циклом, в который вступает страна, так и с административной реформой, проводившейся в этот период на Серверном Кавказе. С 2010 по 2013 гг. выделяется астрономическая сумма в размере 3 млрд. р. на программу переселения лаского населения[244].

С другой стороны ликвидация Госсовета, установление системы формирования парламента на основе партийных списков на фоне численного сокращение депутатского корпуса с 121 до 70 в середине 2000-х привели к со-

---

[243] Энвер Кисриев: «Дагестан возвращается к бюрократической форме правления» // Кавказский узел. 2007. 3 мая. – URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/113289/ (дата обращения: 07.06.2019).

[244] *Вагабова С.* Закон бесконечности // Черновик. 2017. 6 октября. – URL: https://chernovik.net/content/novosti/zakon-beskonechnosti (дата обращения: 07.06.2019).

кращению политического представительства значительного сегмента дагестанского общества. Предпринятая новой администрацией попытка налаживания коммуникации с конструктивными религиозными силами воспринимается, несомненно, как мера стабилизирующего характера. К тому же эту инициативу можно причислить, несомненно, к революционной, так как многолетнее противоборство «суфийского и салафитского направлений ислама до последнего времени определяло одну из наиболее принципиальных линий раскола в дагестанском обществе, да и на всем Северном Кавказе»[245]. Реализация таких масштабных сверхзадач в рамках все той же глубоко дефектной системы распределения ресурсов в регионе выглядит, по меньшей мере, инфантильной. Выявление же в ходе этих мероприятий в структуре этой политической силы конструктивного сегмента видеться нам наиболее ценным результатом.

Истоки сохранения масштаба и интенсивности религиозно-экстремистской динамики в регионе, в этот период, безусловно, следует искать, прежде всего, в высокой степени социального неблагополучия и духовно-нравственных девиациях, причем в самом активном и массовом его сегменте – молодежной среде[246]. Причины этого видятся в запредельно высоких показателях теневой экономики, а также специфическим для региона непомерно высоким потребительским креном, фиксируемым многими экспертами, когда средства, зарабатываемые в обход официального налогообложения, расходуются на статусное потребление и не инвестируются в модернизацию региона[247].

На уровне социально-властной коммуникации наблюдалась непоследовательность идеологической политики региональных властей не решившихся предложить дагестанской молодежи альтернативную систему гражданской

---

[245] Ирина Стародубровская: Дагестан: непростой процесс урегулирования // REGNUM. 2012. 14 августа. – URL: https://regnum.ru/news/1561268.htm (дата обращения: 07.06.2019).

[246] Регионы России. Социально-экономические показатели 2011. Стат. сб. М.: Росстат, 2011. 990 с.

самореализации. Попытка налаживание диалога с некоторой частью договороспособного сегмента религиозно-экстремистского подполья на фоне нереализованности большинства экономических проектов, лишь усилила раскол в дагестанском обществе.

К тому же рост религиозного экстремизма в регионе в этот период объясняется с позиции эволюции отношений между властными структурами и бандподпольем, которые стали приобретать по большей части кооперативный характер, что позволило экспертам причислить это явление к одному из средств внутриполитической конкуренции[248]. Дополнительным фактором дестабилизации в регионе выступает то, что в этот период в регионе закрепляется тренд на отрытое патронирование региональной власти со стороны крупного бизнеса, что на уровне массового сознания, несомненно, способствует дальнейшему снижению легитимности элит.

Таким образом, политической динамика в регионе в 2010-2013 гг. поддерживается не сколько институциональными взаимодействиями с социальным окружением, сколько патрон-клиентскими отношениями между региональной администрацией и крупным бизнесом[249]. В этих условиях политические отношения в регионе все больше начинают приобретать черты управляемого административного процесса независимо от масштаба и многообразия, представленных на его политическом поле структур.

В 2013 г. расстановка политических сил в Дагестане представляла достаточно неустойчивую конструкцию в условиях легализации и институционализации некоторой части религиозно-экстремистского сегмента дагестан-

---

[247] *Казенин К., Стародубровская И.* Северный Кавказ: Quo vadis? . – URL: http://polit.ru/article/2014/01/14/caucasus/ (дата обращения: 07.06.2019).

[248] *Стародубровская И.В.* Северный Кавказ: модернизационный вызов. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014.

[249] *Шахбанов Р.* Дагестан на грани войны Сулеймана Керимова и Зиявудина Магомедова. И почему Магомедов проиграл…. // ONTV. 2016. 10 июня. – URL: https://ontv.su/news/1063-dagestan-na-grani-voiny-suleimana-kerimova-i-zijavudina-magomedova-i-pochemu-magomedov-proigral.html (дата обращения: 07.06.2019).

ского общества[250]. Наступивший период можно было бы характеризовать, как радикальную трансформацию традиционно-номенклатурной политической структуры, так как из нее были исключены наиболее значимые фигуры и группы, что сопровождалось как уголовным преследованием так и «добровольными» отставками[251]. Сохранение автономных политических групп в Дербенте, Махачкале, Хасавюрте не могло вписываться в один из значимых, завершающих этапов политической централизации. Модификация прежней структуры происходила с наименьшими потерями для лояльных властям политических групп и полной утратой влияния конкурентов. Освобожденная ниша заполнялась клиентелистскими фигурами и группами «проходного» этноса (в целях соблюдения этнического представительства!) при одновременном усилении собственных – территориальных[252]. Перераспределение властных полномочий между группами происходило на фоне прекращения официальных коммуникаций с религиозно-экстемистскими силами начатое в 2010 г., которое сопровождалось усилением политического давления на данный общественный сегмент[253].

Широко анонсированная в региональном информационном поле борьба с коррупцией, на наш взгляд, во-первых, могла иметь целью укрепление, крайне слабых политических позиции в регионе её нового руководителя – Р.Г. Абдулатипова. На это обращают внимание эксперты, ссылаясь на отсутствие обширного управленческого опыта последнего, так как он на момент назначения являлся пусть и федеральной, но все, же в большей степени аппа-

---

[250] Битва Руслана Курбанова и Милрада Фатуллаева с Юлией Латыниной за Дагестан // Ансар. 2013. 6 февраля. – URL: http://www.ansar.ru/analytics/bitva-ruslana-kurbanova-i-milrada-fatullaeva-s-yuliej-latyninoj-za-dagestan (дата обращения: 07.06.2019).

[251] Мэр Хасавюрта ушел в отставку // Ансар. 2015. 23 сентября. – URL: http://www.ansar.ru/rfsng/mer-hasavyurta-ushel-v-otstavku (дата обращения: 07.06.2019).

[252] Диспропорции в национальном составе руководителей органов исполнительной власти Дагестана и объемы контролируемых ими финансовых потоков // ФЛНКА. 2018. 28 июля. – URL: http://flnka.ru/digest-analytics/19150-disproporcii-v-nacionalnom-sostave-rukovoditeley-organov-ispolnitelnoy-vlasti-dagestana-i-obemy-kontroliruemyh-imi-finansovyh-potokov.html (дата обращения: 07.06.2019).

ратной политической фигурой[254]. Его назначение свидетельствовало о том, что даже в условиях существующего кадрового дефицита Кремль, все же намерен, впервые с 2000-х гг. предпринять реальные меры по укреплению властной вертикали в регионе. По мнению экспертов, вторым значимым следствием уголовного преследования независимых политических фигур могла быть контрольная проверка возможностей влияния региональных этнополитических элит на их социальное окружение, и как следствие, оценка возможных рисков дестабилизация ситуации в регионе[255].

На наш взгляд, яркой иллюстрацией становления закрытого характера функционирования политического процесса в регионе стали выборы в региональный парламент в 2016 году. Их результаты свидетельствовали не только об усилении тренда на утрату властными институтами региона функции реального этнического представительства и замену его на клиентелисткую имитацию, но и то, что эта тенденция получила в регионе кастово-династическое выражение[256]. Властные решения реализовывались на фоне попыток выстраивания виртуально-плебисцитарного характера политической коммуникации с обществом. Возобладала тенденция на централизацию власти в регионе. Инициатива по созданию административных округов повторяла опыт федеральных округов, но в масштабе региона[257]. В институциональном плане эффекты её незначительны.

---

[253] *Магомедова А.* Правозащитники заявляют о разочаровании деятельностью Абдулатипова на посту главы Дагестана // Кавказский узел. 2014. 28 января. – URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/237350/ (дата обращения: 07.06.2019).

[254] Битва Руслана Курбанова и Милрада Фатуллаева с Юлией Латыниной за Дагестан // Ансар. 2013. 6 февраля. – URL: http://www.ansar.ru/analytics/bitva-ruslana-kurbanova-i-milrada-fatullaeva-s-yuliej-latyninoj-za-dagestan (дата обращения: 07.06.2019).

[255] Руслан Курбанов: Крах дагестанской элиты. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=hEL6Qs0-JJA (дата обращения: 07.06.2019).

[256] Народное собрание Дагестана заполнят родные Абдулатипова, Гамидова, Шихсаидова и Умаханова //ФЛНКА. 2016. 22 августа. – URL: http://flnka.ru/digest-analytics/14252-narodnoe-sobranie-dagestana-zapolnyat-rodnye-abdulatipova-gamidova-shihsaidova-i-umahanova.html (дата обращения: 07.06.2019).

[257] В Дагестане созданы четыре территориальных округа // Кавказский узел. 2013. 29 ноября. – URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/234310/ (дата обращения: 07.06.2019).

В отношении же взаимодействия с социальным окружением продолжилась практика исключения молодых и активных её сегментов из процесса принятия важных решений, причем впервые за всё время функционирования политическая структура демонстрирует не просто полную автономность принимаемых ею решений, но и пытается “идеологически” обосновать политическую монополию в регионе весьма сомнительными для её стабильности способами[258]. Регион в этот период не ослабил своей зависимости от федеральной финансовой помощи, которая в 2017 г. должна была составить более 59 млрд. руб.[259]. Такой внушительный объем финансирования может быть объяснён планомерным наращиванием размера государственного долга в коммерческом секторе[260].

Региональный политический процесс накапливал межэтническую напряженность. Это связано с обострением отношений по поводу этнических территорий в равнинной и центральной частях региона. По мнению некоторых экспертов за период работы администрации Абдулатипова были вытеснены на политическую периферию как лезгинские, так и без того недостаточно представленные во властных структурах ногайские этнотерриториальные группы[261].

Некоторые эксперты рассматривали определенную часть дагестанской элиты (С.Д. Амиров) в качестве одной из опорных точек, проводников нео-

---

[258] *Разбежкина Ю.* Дагестан: кадровый резерв по генетическим признакам. Чиновников обвиняют в том, что они передают должности по наследству // Живой журнал. 2014. 10 февраля. – URL: https://kavkaz-lona.livejournal.com/35715.html (дата обращения: 07.06.2019).

[259] *Могилевская, А., Копалкина К.* Крупнейшие дотации из бюджета получат Дагестан, Чечня и Камчатка // RBC. 2017. 11 октября URL: https://www.rbc.ru/economics/11/10/2017/59db751d9a794738f67da77e (дата обращения: 07.06.2019).

[260] *Пашаев М.* О состоянии экономики Республики Дагестан за 2013-2016гг // Кавполит. 2017. 26 февраля. – URL: http://kavpolit.com/articles/o_sostojanii_ekonomiki_respubliki_dagestan_za_2013-32113/ (дата обращения: 07.06.2019).

[261] *Адиев А.З.* Национальные движения Ногайцев в Дагестане их деятельность и причины возрождения. Труды политологической школы «Каспий» / под. ред. проф. А.-Н.З. Дибирова. Махачкала: , 2014. 360 с.

либеральной политики[262]. Эта версия, на первый взгляд, хотя и выглядит крайне слабой, более детальное изучение отношений родства и свойства между некоторыми дагестанскими и московскими чиновниками значительно усиливают достоверность такой точки зрения.

Назначение В.А. Васильева может рассматриваться как мера по выстраиванию в регионе сбалансированной политической структуры, предполагающей, в той или иной степени равноудаленность элит. То, что приход первого лица в регион с внешнего элитного контура детерминирует значительные перемены во властных структурах региона не вызывало сомнения, однако системный характер подобных мероприятий на первоначальном этапе работы новой администрации вызывал вполне обоснованный скептицизм. Достаточно вспомнить мероприятия по аварийной корректировке политической структуры в регионе связанные с работой группы В. Колесникова в 1998 году. Тогда большинство фигурантов уголовного преследования (около 20 человек) не утратили своего влияния на политический процесс в регионе. За исключением разве что, совсем одиозных фигур вроде братьев Хачилаевых, которые сильно выделялись даже на фоне тогдашнего, крайне разнообразного в отношении средств реализации своих интересов политического истеблишмента. В настоящий же момент последовательность взятого курса на решение проблемы снижения коррупционных издержек в функционировании властных институтов, на наш взгляд, не вызывает сомнений[263].

Несомненно, что лояльность новому руководству со стороны большинства сохранившихся во властных институтах представителей элит региона носит по большей части имитационный характер. Так как, эта политическая когорта в принципе утратила навыки деятельности, выходящие за пределы личных или корпоративных интересов их групп. Противодействие реализа-

---

[262] М. Шевченко о Саиде Амирове URL: https://youtu.be/Jqz5Mb7aPh4 (дата обращения: 07.06.2019).

[263] *Хатукаева И.* Владимир Васильев надеется на продолжение антикоррупционной кампании в Дагестане // Черновик. 2019. 19 февраля. – URL:

ции решений новой администрации могут оказывать клиентелисткое окружение бывших властных групп, утративших свое влияние на политический процесс в ходе масштабных мероприятий уголовно-правового характера развернувшихся с первых месяцев работы новой администрации[264].

Данная элитная когорта, в достаточном количестве представлена на среднем административном уровне, и в целом, как и вся совокупность этого властного уровня, чувствует экзистенциальную угрозу, исходящую от новой администрации. Прежде всего, это касается практики проведения в регионе публичных конкурсов с целью обновления кадров на всех уровнях политической структуры в регионе. Говорить об открытом противодействии инициативам новой администрации уже не приходиться. Последние громкие задержания, связанные с одной из влиятельных до последнего времени этнотерриториальных групп в регионе (А. Гамидов, М.Сулейманов) и отсутствие хоть какой-нибудь значимой реакции со стороны их этнического окружения. Это позволяет сделать предположение, что легитимность последних, ограничивалась связями с их московскими патронами, о которой со свойственной ему экспрессией поведал Р.Г. Абдулатипов[265].

Данный факт еще раз как нельзя лучше подтверждает тезис о нынешнем имитационном характере механизма этнического квотирования в деле пропорционального и, как следствие, демократического распределения власти между основными этническими общностями в регионе. Заинтересованность в его формальном сохранении по большей части демонстрировали именно местные элиты, нежели население региона, желающее реализации целей с которыми в свое время С.Д. Амиров шел в мэры столицы: «Махачка-

---

https://chernovik.net/content/lenta-novostey/vladimir-vasilev-nadeetsya-na-prodolzhenie-antikorrupcionnoy-kampanii-v (дата обращения: 07.06.2019).

[264] *Уразаев Э.* Разгром команды Абдулатипова // ONTV. 2018. 18 июля. – URL: https://ontv.su/articles/4950-razgrom-komandy-abdulatipova-i-vozvraschenie-suleimana-kerimova-kakova-rasstanovka-politicheski.html (дата обращения: 07.06.2019).

[265] Абдулатипов обвинил в своей отставке «московских покровителей» дагестанских коррупционеров // PASMI.RU. 2018. 11 декабря. – URL: https://pasmi.ru/archive/225230/ (дата обращения: 07.06.2019).

ле – законность, порядок и благополучие», а не неработающее на практике этническое представительство.

Необходимо отметить, что предпосылки политической стабилизации региона наметились еще в период администрации Р.Г. Абдулатипова[266]. С уходом из региональной политики знаковых фигур, влиятельность которых и их клиентелл, как выяснилось позже, значительно превышавшает их формальные полномочия (С.Д. Амиров, С. Муртузалиев) на местах, можно говорить о значительном сужении поля реальной политики в регионе. Диагностировать ослабление воздействия теневых элементов на формально-институциональные политические структуры региона было бы преждевременно. Х. Курбанов, резюмируя деятельность администрации Р.Г. Абдулатипова, отмечал, что неформальная структура власти в регионе хоть и была переформатирована при нем, но ее финансово-экономическая подушка серьезно не пострадала[267].

Ослабление либо полная утрата влияния на политический процесс нелояльных местных элит в регионе связана, не только с применяемыми к ним мерами уголовно-правового характера, но и с масштабной политикой по выведению их финансово-материальных ресурсов в правовое поле[268]. Лозунги оппозиции, апеллирующие к этническому или региональному патриотизму, в Дагестане могут достаточно быстро трансформироваться в политические действия как институционального, так и внеправового характера. Горизонтальные связи в силу их глубокой укоренённости в культуре дагестанских этносов не могут одномоментно утратить своего влияния на общественную

---

[266] *Казенин К.* Внеклановые риски: какие проблемы действительно надо решать в Дагестане // RBC. 2018. 10 сентября. – URL: https://www.rbc.ru/opinions/politics/10/09/2018/5b9255cb9a79473d12de95e0 (дата обращения: 07.06.2019).

[267] Васильев против дагестанских кланов // Компромат. 2017. 5 октября. – URL: https://kompromat1.news/articles/71656-vasiljev_protiv_dagestanskih_klanov (дата обращения: 07.06.2019).

[268] *Сатийаджиева В.* Депутаты Народного собрания Дагестана отклонили законопроект, внесённый Владимиром Васильевым // Черновик. 2018. 25 сентября. – URL: https://chernovik.net/content/lenta-novostey/deputaty-narodnogo-sobraniya-dagestana-otklonili-zakonoproekt-vnesyonnyy (дата обращения: 07.06.2019).

динамику исключительно на основе выстраиваемых институциональных ограничений. По-прежнему будут выступать значимой компонентой определяющей характер ее функционирования. От того насколько адекватно обновленная властная структура будет соответствовать ожиданиям социального окружения с учетом этой его специфики зависит, на наш взгляд, долговременность стабильности политического процесса в регионе.

Анализ политического процесса за весь период постсоветской истории свидетельствует, что в значительной степени ослабление внешних ограничительно-стимулирующих начал со стороны федерального Центра инициирует развитие локально-территориальной конфликтности в регионе. Она проявляется в отношениях, как между основными компонентами её политической структуры, так и внутри каждого из них. Практически полная утрата контроля над политической ситуацией, проявившаяся в 1990-х гг., наиболее демонстрирует критический уровень политической нестабильности в регионе.

Последний пусть и незначительный по времени промежуток деятельности новой региональной администрации еще раз подтверждает тезис, что лишь системный характер принимаемых решений, может трансформировать политическую динамику в Дагестане, коротая по мере укоренения новых практик может приобрести долгосрочный и необратимый и характер.

Параграф 2.2. Внутренняя миграция населения в Дагестане как фактор политических изменений

Для советского периода миграционный процесс представлял результирующую двух встречных потоков, оказывавший определяющее влияние, как на количественные, так и структурные характеристики расселения. Первый поток включал представителей разнообразных этнических общностей бывшего СССР и РСФСР: армяне, евреи, русские, украинцы, татары и др. Статистическим пиком миграции самого крупного этнического сегмента среди этой когорты - русских прошлось на 1959 г., когда их доля в составе населения региона составляла наибольший процент (20%), то есть вторыми после аварцев[269]. Необходимо отметить, что такая значительная численность русских в регионе была связана не только с его интенсивным индустриальным освоением, но с чередой проводимых административно-территориальных изменений, одним из следствий которого стала передача двух территорий Ставропольского края – Кизлярского и Тарумовского районов региону в 1957 году. С экономико-демографических позиций переселенцы, пребывавшие в регион со всей страны, были, как правило, высококвалифицированные специалисты разных профилей, что определяло в основном городскую географию их расселения в регионе[270].

Второй поток миграции шел из региона в остальные регионы СССР и был представлен в большей мере представителями автохтонных этнических общностей региона. С позиции качества человеческого капитала, они имели

---

[269] Итоги всесоюзной переписи населения 1959 года. (РСФСР). Москва: Госстатиздат, 1963. 456 с.

[270] *Шихахмедов Г.Г.* Экономика Дагестана: история, потенциал, перспективы. М.: Дельта-Гранд, 2007. 324 с.; *Шахбанова М.М., Лысенко Ю.М., Мамараев Р.-М.Ш.* Даге-

низкую профессиональную квалификацию. Местное население выезжало из Дагестана с целью получения образования, а также для улучшения собственного материального положения. Причём реализации территориальных интересов в экономической сфере способствовала традиционная для автохтонов сезонная трудовая миграция, проявляющаяся в форме т. н. отходничества. Этот поток в основном характерен для горских мигрантов, занятых в различных видах сезонных работ, совершаемых в регионе ежегодно с конца осени до начала весны, по линии «село–город» и «горы–равнина». Надо отметить, что уже в 1970-1980-е гг. этот тип миграции служил предпосылкой для безвозвратной миграции с территорий их этногенеза. В силу чего происходила демографическая разгрузка от избытка рабочей силы[271].

Безвозвратный, но в целом организованный характер этого вида миграции в регионе способствовал также освоению равнинных территорий региона, росту числа городов и городских поселений.

Таблица 1

Города и городские поселения, возникшие в XX-начале XXI вв.

№ п.п.	населенный пункт	статус	дата образования
1	Альбурикент	ПГТ*	1992
2	Ачи-су	ПГТ	1938
3	Бавтугай	ПГТ	1958
4	Дагестанские Огни	город	1914
5	Дубки	ПГТ	1974
6	Избербаш	город	1932
7	Каспийск	город	1932
8	Кизилюрт	город	1963
9	Комсомольский	ПГТ	1962
10	Кяхулай	ПГТ	1992
11	Ленинкент	ПГТ	1924
12	Манас	ПГТ	2005
13	Н.Сулак	ПГТ	1958
14	Новый Кяхулай	ПГТ	1988
15	Семендер	ПГТ	1999
16	Сулак	ПГТ	1949
17	Тарки	ПГТ	1958
18	Тюбе	ПГТ	1985

станские русские: историко-социологическое исследование. Махачкала: АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2015. 320 с.

[271] *Османов А.И.* Аграрные преобразования в Дагестане и переселение горцев на равнину (20-70-е годы XX в.). Махачкала: , 2000. С.47.

19	Шамилькала	ПГТ	1985
20	Шамхал	ПГТ	1965
21	Ю-Сухокумск	город	1958

*поселок городского типа

Политические последствия советской миграционной политики вполне очевидны: сглаживание межэтнических противоречий, вызванных в первую очередь территориальным дефицитом в горах в условиях естественных демографических диспропорций, наиболее остро проявлявшихся в предыдущие периоды развития[272].

Распад СССР и последующие политические изменения вызвали дезинтеграционные волны и определили кардинальные сдвиги в структуре миграционного процесса в регионе. Существовавший в период СССР латентный этнический сепаратизм, привёл к стремительному росту территориальных противоречий в регионе. Именно в этот период статистика фиксирует формирование новых для региона миграционных потоков, их масштаб, этническую структуру и характер территориальной направленности[273]. Волны миграционной активности в регионе приходились на годы значимых для региона (с позиции его политической стабильности) события.

Так, пиком оттока русских в регионе считается 1995 г. – год эскалации вооруженного конфликта в Чеченской Республике. В год вторжения боевиков с её территории (1999 г.) статистика уже фиксировала критическое снижение их численности в регионе до 6,5%, в последующем оно достигло 3,6 % (2009 г.). Сегодня доля русских в структуре местного населения колеблется в пределах 3%[274]. Ситуация с их оттоком сегодня видится несколько иной нежели в 1990-х гг.: произошло значительное сокращение выбывающего ми-

[272] *Курбанов Р.В.* Факторы политической интеграции многоэтнического региона: на примере Республик Северо-Восточного Кавказа: автореф. дис. …канд. полит. наук: 23.00.02 / Курбанов Руслан Вячеславович. – СПб, 2003.

[273] Социально-экономическое положение в Республике Дагестан. Махачкала: Комитет РД по государственной статистике, 1997. С.160.

[274] Население – URL: http://dagstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/dagstat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 07.06.2019).

грационного потока. Однако данный тренд следует связывать не сколько с позиции ослабления или исчезновения причин их выезда, а как признак истощения этнодемографического ресурса: выезжать «в масштабах 90-х» попросту больше некому[275]. Сегодня в регионе проживают в основном либо глубоко укоренившиеся (межнациональные браки), либо семьи и лица преклонного возраста[276].

Следует отметить, что в межрегиональном миграционном обмене кратковременное положительное сальдо, зафиксированное в 1990-1995 гг. – единственный период в новейшей истории региона, когда эта характеристика имела такое значение, причём отражала она возврат именно автохтонов в регион, которое важно отметить, не всегда, сопровождалось возвращением на территорию этногенеза[277]. В 1996 г. миграционный прирост вновь пошел на спад, сальдо миграции вновь приобрело отрицательное значение. Далее отрицательный тренд миграционного сальдо лишь наращивал объем в результате, по итогам 2017 г. Дагестанстат фиксирует более 50 тыс. жителей покинувших (снявшихся с регистрационного учета) регион[278]. Подобный масштаб миграционных перемещений безвозвратного характера, несомненно, ставший закономерным следствием снятия всяких ограничений на территориальные перемещения, свидетельствует об усилении позиций прежних мотивационных начал миграционной активности автохтонов.

Другим, вполне закономерным, следствием таких трансформаций выступает масштабное заселения представителями автохтонов административ-

---

[275] *Арифмезова Г.* Русские больше не идут // Русская планета. 2016. 16 января. – URL: http://rusplt.ru/society/russkie-bolshe-ne-idut-15178.html (дата обращения: 07.06.2019).

[276] *Юсупов А.* «Дагестан я люблю, но вернуться туда не вижу смысла» // Кавказ. Реалии. 2017. 14 октября. – URL: https://www.kavkazr.com/a/dagestan-ya-lyublyu-no-vernutsya-tuda-ne-vizhu-smysla/28794608.html (дата обращения: 07.06.2019).

[277] *Ибрагимов М.-Р.А.* Миграционные процессы в Дагестане в контексте формирования современного этнокультурного ландшафта // Этнокультурные ландшафты на постсоветском пространстве: проблемы и особенности формирования дагестанского компонента (к 90-летию ИИАЭ ДНЦ РАН). Коллективная монография. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2014. С. 6-30.

но-хозяйственных центров уже в самом регионе, на территориях расположенных вдоль федеральной трассы «Кавказ». К одной из разновидностей последствий изменения характера расселения под влиянием этого миграционного потока можно отнести ситуацию с превращение системы временных населенных пунктов – кутанов в равнинной части региона в постоянные посёлки с необходимой для этой цели инфраструктурой[279]. Истоки его развития следует искать в недавнем прошлом.

До 1920-х гг. этот процесс миграции с гор на равнину хотя и имел стихийный, характер, но, по большей части, был возвратным, с учетом выше упоминавшейся практики отходничества. В советский период переселение приобрело рациональный и организованный характер. В новейшее время этот процесс вновь, как и сто лет назад стал неуправляемым, когда на фоне рыночных реформ, вскрылась экономическая несостоятельность территорий-доноров, тогда переселение приобрело поистине массовый характер.

Уже не отвечавший потребностям развития равнинных территорий этот миграционный поток в позднесоветский период заявил о себе в политическом ключе. Тогда национальные движения, апеллировавшие к интересам местных этнический общностей: кумыков, ногайцев, русских, в качестве главных целей своей деятельности указывали восстановление контроля над территориями этногенеза, способом достижения цели виделась даже федерализация региона[280].

Справедливости ради надо отметить, что предпосылки политической институционализация территориальных интересов мигрантов на равнине появились еще в советское время. Так, территории и проживавшее на них горское население, административно подчинялись советам горных районов, а в

---

[278] Общие итоги миграции населения республики Дагестан в 2017 г. – URL: http://dagstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/dagstat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 07.06.2019).

[279] Мудуев Ш. С. Географические особенности трансформации расселения и хозяйства Дагестана в 1990-е гг.: автореф дис. док-ра ... геогр. наук: 25.00.24 / Мудуев Шахмардан Ситикович. М. 2004.

новейший период произошло «автоматическое» переподчинение их муниципалитетам.

Не менее значимым фактором сохранения территориальных противоречий между местными и мигрантами, на наш взгляд, является устойчивое воспроизводство на территориях заселения традиционного горского жизненного уклада. Многие исследователи региона как прошлого (В.А. Потто) так и современные обращали на этот феномен особое внимание. Так, один из участников проекта «52/52», созданного для ознакомления местных жителей с их регионом в 2013 г. А. Давудов, отмечал в поездке по горному Дахадаевскому району: «Поразило то, что, несмотря на современные условия жизни, там сохранились обычаи, адаты прошлого. Да, современная цивилизация дошла и туда, но древние ценности остались и передаются из поколения в поколение[281].

Традиционный жизненный уклад в горах региона органично сочетается с высокой степенью территориальной мобильности. Когда миграция для горцев порой даже на значительные расстояния от дома, по сути, становилась результатом постоянной нехватки средств к существованию на фоне одновременного избытка рабочих рук. Эта особенность в жизни горцев отразилась на высокой степени интеграции их социальной организации - что давало некоторую гарантию выживаемости в непростой высококонкурентной среде на этих территориях.

В свое время журналист А. Хинштейн обращал внимание на эту особенность дагестанцев, разительно отличавшую их от жителей от других регионов страны – «все здесь друг друга знают…, …будто находишься не в

---

[280] Концепция федерализации Дагестана // Кумыкский мир. 992. 4 ноября. – URL: http://kumukia.ru/?id=820 (дата обращения: 07.06.2019).

[281] В Дагестане проект «52/52», призванный рассказать дагестанцам об их родине, стартовал с поездки в село Кубачи // Кавказский узел. 2013. 21 августа. – URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/228865/ (дата обращения: 07.06.2019).

республике с населением 2,6 миллиона человек, а в коммунальной квартире»[282] .

Таким образом, переселяясь, горские мигранты естественным образом переносили на новые территории свои специфические как хозяйственные, так и духовно-культурные практики. Поэтому большинство экспертов дают не всегда однозначные оценки изменениям, наступившим под влиянием этого процесса. Главный его результат видится в том, что удалось в значительной мере ослабить аграрную перенаселенность гор[283]. С другой стороны, такие масштабы безвозвратной миграции находятся в противоречии с задачей устойчивого развития самих горных районов[284]. По мнению И.В. Стародубровской этот процесс необратимый и объективный, по сути, сопутствующий модернизации любых традиционных обществ[285].

На наш взгляд, эскалация конфликтов в ходе разрешения накопленных за длительный период времени территориальных противоречий в этом контексте обусловлена стихийным и непоследовательным характером модернизации, главным фактором динамики которой, по-прежнему, выступает экономическая турбулентность. К тому же отсутствие неавтохтонного этнического сегмента, в этом процессе делает перспективу полноценной адаптации сельских мигрантов крайне неопределенной, а риски сопутствующие этому процессу вполне очевидными.

Одним из политических последствий этого явления стало ослабление официальных и актуализация общинных, неформальных институтов этно-

---

[282] *Хинштейн А.* Чикаго с кавказским акцентом. Почему в Дагестане невозможно победить терроризм // Московский комсомолец. 2006. 25 апреля. – URL: http://old.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2006/04/m54773.htm (дата обращения: 07.06.2019).

[283] *Османов А.И.* Аграрные преобразования в Дагестане и переселение горцев на равнину (20-70-е годы XX в.). Махачкала, 2000. С.47.

[284] Мудуев Ш.С. Географические особенности трансформации расселения и хозяйства Дагестана в 1990-е гг. дис.. док-ра геогр. наук. М., 2004.

[285] *Казенин К.И., Стародубровская И.В.* Северокавказские города: территория конфликтов Общественные науки и современность 2014. № 6. С.72-73.

религиозной и криминальной природы. Последнее обстоятельство связано с массовым исходом криминала в религиозную сферу в 2000-х гг.[286].

По мнению экспертов в регионе идет становление параллельной официальной альтернативной правовой системы, которая пытается регулировать, в том числе и земельные отношения: «Речь идет о том, что все чаще народ, не имея возможности решить вопросы в госструктурах, обращается в местные мечети за справедливостью – это и есть попытка найти более простую форму урегулирования в обход бюрократической машины»[287]. Явление приобрело не только массовый и самоорганизующий характер, но и в силу активного противодействия, часто выходящего за пределы правового поля со стороны властей, религиозно-экстремистское оформление. По мнению М.Л. Шевченко происходящее в Дагестане, является «трагическим расколом», когда светскому Дагестану, по его мнению, «противостоит Дагестан религиозный, джамаатский, сельский, с шариатскими судами, многоженством»[288]. Социологические исследования по этой проблематике подтверждают формирование тренда девальвации гражданских институтов в регионе. Так, более 60% населения региона обратятся в правоохранительные органы и суд, однако чуть меньше 30% попытаются использовать неформальные связи родственного, этнического и даже криминального характера[289]. Учитывая их простоту, оперативность принимаемых решений, несмотря на возможные риски, в восприятии населения неформальные институты выглядят более надежным инструментом в решении территориальных проблем и противоречий на фоне забюрократизированной и коррумпированной системы государственной институтов в регионе.

---

[286] *Стародубровская И.* Северный Кавказ: истоки нестабильности. – URL: https://youtu.be/Zee8MDjIbLg (дата обращения: 07.06.2019).

[287] Ярлыкапов: земельные конфликты перерастают в политические и усугубляются бездействием чиновников // Кавказский узел. 2011. 20 декабря. – URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/197969/ (дата обращения: 06.06.2019).

[288] Там же.

[289] *Абдулагатов З.М.* Особенности социализации современной молодежи и социальные деформации в молодежной среде (на примере Республики Дагестан): монография. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2011.

Это приводит к тому, что в регионе эффективно не функционирует ни российские законодательство, ни мусульманское, ни уголовные понятия. А в качестве социального регулятора для разрешения территориальных противоречий выступает некий гибрид, сочетающий в той или иной мере элементы вышеперечисленного.

И.В. Стародубровская приводит весьма красноречивое свидетельство того, на каком «правовом» уровне регулируются сегодня территориальные отношения на периферии, приводя фрагмент дискуссии с главой одного из дагестанских сёл:

— Вот эти земли, мы ими владеем по закону. А вот те земли, у соседнего села, — мы ими владеем по шариату.

— А то село не против?

— Высоты, с которых простреливается их территория, тоже за нами. Так что они не против[290].

Этот случай еще раз служит подтверждением того что провести границы между этническим конфликтом и формами нормальной межэтнических коммуникаций и конкуренции в горской этнической среде, по-прежнему, крайне сложно.

Но что более важно, он еще раз доказывает, что весь спектр территориальных интересов в горах, по-прежнему, удовлетворяются в процессе непосредственного физического контроля над территорией.

То есть современная конфликтная политическая динамика черпает энергию не только из миграционных потоков «село–город», но и по линии «село–село». В целом эксперты рассматривают внутреннюю миграцию в негативном демодернизационном и дестабилизирующем общественную динамику ключе[291].

---

[290] *Чаблин А.* Что нам делать с Кавказом? // Голос ислама. 2012. 22 апреля. – URL: https://golosislama.com/news.php?id=7920 (дата обращения: 07.06.2019).

[291] *Карпов Ю.Ю., Капустина Е.Л.* Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX - начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. СПб., 2011.

В этом контексте миграционный процесс стал возвращать себе качества, существовавшее у него в давнем историческом прошлом региона. Тогда когда он являлся одним из значимых факторов изменения ареалов расселения тех ли иных этнических общностей в регионе[292].

Социологические исследования в этом направлении свидетельствуют, что большинство мигрантов ищут, в первую очередь, лучших экономических условий для себя и своих близких. Ведь «при равных трудозатратах в горах производительность труда, рентабельность, урожайность и большинство других показателей всегда существенно ниже, чем на равнине»[293]. К тому же, все земли в горах уже «распределены между членами сельских общин (по шариату, по наследству или по решению муниципальных властей)»[294]. В этом видятся, на наш взгляд, основные причины миграционной активности горцев в направлении равнинных территорий региона. Однако в регионе эти же территории до недавнего времени являлись естественными ареалами компактного проживания автохтонных для региона этносов (кумыки, ногайцы, русские).

Мигранты, переселяясь на эти территории в значительной степени, отказывались от приоритетной в условиях горской местности животноводческой специализации, в пользу выращивания сельскохозяйственных культур, что более органично для экономики равнины. Однако сводить влияние этого вида внутренней миграции к столкновению территориальных интересов исключительно на уровне экономики было бы справедливо, если бы государственные институты проводили бы более активную, взвешенную и последо-

---

[292] *Курбанов Р.В.* Факторы политической интеграции многоэтнического региона: на примере Республик Северо-Восточного Кавказа: автореф. дис. …канд. полит. наук: 23.00.02 / Курбанов Руслан Вячеславович. СПб., 2003.

[293] *Мудуев Ш.С.* Географические особенности трансформации расселения и хозяйства Дагестана в 1990-е гг.: автореф дис. док-ра ... геогр. наук: 25.00.24 / Мудуев Шахмардан Ситикович. М., 2004.

[294] *Соколов Д.В.* Северокавказский фронтир: Гагатль в образах современной миграции // Этнокультурные ландшафты на постсоветском пространстве: проблемы и особенности формирования дагестанского компонента Коллективная монография. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2014. С.71.

вательную политику в разрешении сложивших противоречий. Ведь «на фоне криминогенной ситуации и разгула терроризма на Северном Кавказе земельные конфликты – одна из самых острых тем сегодня в проблемном регионе»[295].

Можно встать на позицию И.В. Стародубровской в том, что этнокультурные и иные последствия миграции горцев на равнину региона в целом носят объективный и необратимый характер, но сглаживать все сложности переходного периода, на наш взгляд, просто обязана региональная власть. Как показывает многолетняя практика разрешения конфликтных ситуаций в этой сфере властные институты, несмотря на владение всей полнотой информации о масштабе существующей проблемы[296], не только не выступают медиаторами таких конфликтов, но и наоборот, регулярно выступают факторами эскалации территориальных споров[297].

Отсутствие прямой коммуникации с реальными акторами территориальных конфликтов на фоне правоприменительной практики, идущей вразрез с федеральным законодательством, детерминирует постоянство межэтнической напряженности, время от времени, нарушаемой вспышками локальных столкновений между конфликтующими группами. Требования местных общностей, опирающееся, как правило, на федеральное законодательство, артикулируются на многочисленных сходах и съездах регулярность которых, как правило, совпадает с законодательной и иной активностью властных институтов[298].

---

[295] Ярлыкапов: земельные конфликты перерастают в политические и усугубляются бездействием чиновников // Кавказский узел. 2011. 20 декабря. – URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/197969/ (дата обращения: 07.06.2019)

[296] 29 декабря 2014 г. Министерство по управлению госимуществом РД сообщило, что на всей территории земель отгонного животноводства насчитывается около 199 населенных пунктов неучтенных в административно-территориальной системе региона с численностью около 78600 человек.

[297] *Гаджиева З.* Проблемы прикутанных земель // МК-Дагестан. 2016. 20 августа. – URL: https://mkala.mk.ru/articles/2016/08/20/problemy-prikutannykh-zemel.html (дата обращения: 07.06.2019).

[298] *Дмитрицкая О.* Ногайский народ Дагестана выйдет протестовать против незаконного отъёма земель. – URL: https://capost.media/news/policy/nogayskiy-narod-dagestana-vyydet-

Длительный характер пребывания на новых территориях сопровождался не только проживанием, но и активным хозяйственным освоением новых пространств, которые, по мнению самих мигрантов не всегда отличались благоустроенностью и развитой инфраструктурой[299]. Сегодня мигранты на равнинных территориях не чувствуют себя чужаками, наоборот, в силу трудоемкого, практически ручного характера их освоения, имеют дополнительную психологическую связь с землей.

Попытки же региональными властями реабилитировать мигрантов, апеллируя к экономической активности последних, а также общей политикой в направлении улучшения инвестиционного климата в условиях сохраняющейся непрозрачности земельных отношений, лишь укрепляют позиции требующих разрешения территориальных противоречий радикальными политическими средствами. Политическая конфликтогенность отношений мигрантов и местных в ходе разрешения их территориальных противоречий не исчерпывается проблемой отгонного животноводства на севере региона. Сходные ситуации складываются и в центральной его части, в частности в пригороде Махачкалы – в поселке Ленинкент, а так же на юге - Карабудахкентском и Каякентском районах, где фиксируется межэтническая напряженность, связанная как с вопросами землепользования, так и косвенно имеющая к ней отношение – нарушение баланса в кадровой политике[300].

Дестабилизирующий характер миграции с гор на равнину проявляет себя не только на каком-то конкретном локальном уровне – север региона (земли отгонного животноводства), а практически по всем территориям смешанного расселения. Надо отметить, что конфликтогенность отношений

---

protestovat-protiv-nezakonnogo-otyema-zemel/; Джалилов Р. Эксперты заявили об угрозе конфликтов в связи с легализацией поселений в Дагестане // Кавказский узел. 2017. 10 июня. – URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/304098/ (дата обращения: 07.06.2019).

[299] *Изудинов Г.* Кумыки хотят земли, аварцы предупреждают их, а лезгины наблюдают // Миллат. 2017. 10 марта. – URL:https://ontv.su/blogs/2020-kumyki-hotjat-zemli-avarcy-preduprezhdayut-ih-a-lezginy-nablyudayut.html (дата обращения: 07.06.2019).

[300] *Маркедонов С.М.* Дагестан: была ли оправдана реформа республиканской власти? // Политком. 2007. 25 апреля. – URL: http://politcom.ru/4485.html (дата обращения: 07.06.2019).

между местными и мигрантам по поводу их территориальных противоречий может быть обусловлено не только следствием стихийных потоков этого процесса, но и результатом формально организованного ресурсопотребления.

Типичный пример директивно-властной организации миграционного процесса в регионе – это государственная программа переселения лакского и чеченского населения с целью образования новых административно-територориальных единиц в регионе – Новолакского и Ауховского районов.

Программа с момента ее принятия в 1991 г. привела к перманентным территориальным противоречиям между представителями мигрантов (аварцами) и местными чеченцами в приграничных с Чеченской республикой территориях – Хасавюртовский и Казбековский районы. Наряду с вооруженным конфликтом в соседнем регионе – это еще одна из причин, почему граница с Чечней в новейший период фактически приобрела особый статус[301].

Недавние события лета 2017 г. свидетельствуют, что даже бытовой спор в условиях уже накопленного конфликтного потенциала способен привести к открытому насильственному конфликту[302]. Объектами территориальных претензий выступают два населенных пункта: Калининаул (чеч. Юрт-Аух), и Ленинаул (чеч. Акташ-Аух). После 1944 г. они были заселены горскими переселенцами (аварцами) и вошли в состав новой административной единицы – Казбековский район. После 1957 г., состоялась возвратная миграция чеченцев, однако эти территории остались в составе Казбековского района. На сегодняшний день территории этих населенных пунктов в своем большинстве заняты аварцами.

Возможно, поэтому программа переселения не предусмотрела восстановления Ауховского района в прежних административных границах. Что

---

[301] *Мудуев Ш.С.* Географические особенности трансформации расселения и хозяйства Дагестана в 1990-е гг.: автореф дис. док-ра ... геогр. наук: 25.00.24 / Мудуев Шахмардан Ситикович. М., 2004.

[302] Как развивался конфликт в Ленинауле // Черновик. 2017. 9 июля. – URL: https://chernovik.net/content/lenta-novostey/kak-razvivalsya-konflikt-v-leninaule (дата обращения: 07.06.2019).

является неприемлемым для чеченцев, требующих включения в состав восстанавливаемого района и спорные территории.

Очередной виток активизации межэтнической напряженности был связан с прошедшим 25 ноября 2018 г. в Хасавюрте X съездом чеченцев Дагестана, на котором было в очередной раз выдвинуто одно важных требований в процессе восстановлении Ауховского района – его моноэтничный характер[303]. Отсутствие перспектив полноценного удовлетворения территориальных интересов связанных с духовно-культурным и хозяйственным развитием чеченского этноса в рамках уже существующих административных практик обуславливает апелляцию к политизации этого процесса. Судя по активной включенности в него представителей власти соседней республики, можно предположить, что удовлетворение территориальных интересов чеченцев восстановлением Ауховского района не ограничиться[304].

Дополнительным фактором напряженности в этом вопросе выступил закрытый характер переговорного процесса по вопросу уточнения административных границ между двумя регионами. На фоне недавних событий в соседней Ингушетии это вызвало дополнительную озабоченность у жителей региона, прежде всего, приграничных территорий в отношении политических перспектив разрешения территориальных противоречий.

Депортация чеченцев в 1944 г. привела к формированию дополнительному территориальному противоречию уже в Новолакском районе. В 1991-1992 гг. региональная власть была вынуждена принять программу переселения лакцев с целью восстановления исторических прав чеченского этноса. О значимости территориального аспекта реабилитации для чеченцев может свидетельствовать тот факт, что их лидеры одними из первых в регионе начали артикулировать это требования на уровне публичной дагестанской

[303] У дагестанских чеченцев новые лидеры и планы для восстановления Ауховского района // Черновик. 2018. 30 ноября. – URL: https://chernovik.net/content/politika/auhnulos (дата обращения: 07.06.2019).

политики[305]. Инициатива переселения лакцев территорию к северо-западу от Махачкалы, закономерно встретило сопротивление со стороны местных автохтонов – кумыкского населения. К тому же практика реализации программы переселения показала и продолжает быть дополнительной иллюстрацией системного характера коррупции в регионе, выступает еще одним маркером осознания властными этноэлитами угроз, исходящих от полноценной реализации этой программы – нарушение нынешнего этнического баланса на этой территории. Очередной перенос программы предусмотрен Постановлением Правительства РД от 29 сентября 2017 г. № 223[306].

Данная проблема, не сходящая с региональной повестки с момента принятия программы в 1991 г., поддерживает перманентную межэтническую конфликтогенность всю постсоветскую историю региона. В ходе тех или иных конъюнктурных колебаний имеет потенциал вовлечение в свою орбиту иных, не участвовавших ранее в конфликте социальных групп.

Так, одно из последних зафиксированных масштабных столкновений между представителями лакского и кумыкского этносов произошло на территории поселка Караман в 2013 г.[307]. Одной из мер по деискалации конфликта было перекрытие трассы Махачкала-Астрахань, конфликт косвенно затронул рядовых дагестанцев не имеющих прямого отношения к проблеме[308].

---

[304] Съезд чеченцев в Хасавюрте встревожил пользователей сети // Bakdar. 2018. 26 ноября. – URL: http://bakdar.org/sezd-chechencev-v-xasavyurte-vstrevozhil-polzovatelej-seti/ (дата обращения: 07.06.2019).

[305] *Осмаев А.Д., Лысенко Ю.М., Халилова А.С.* Национальные партии и движения в социально-политическом развитии Дагестана. 1989–1992 гг. // Фундаментальные исследования. Сер. «Политика и политические науки». 2013. № 2. С. 734-738.

[306] *Вагабова С.* Закон бесконечности // Черновик. 2017. 6 октября. – URL: https://chernovik.net/content/novosti/zakon-beskonechnosti (дата обращения: 07.06.2019)

[307] Причиной конфликта в местности Караман (Черные камни) стал земельный вопрос // Черновик. 2013. 21 августа. – URL: https: //chernovik.net/content/lenta-novostey/prichinoy-konflikta-v-mestnosti-karaman-chernye-kamni-stal-zemelnyy-vopros (дата обращения: 07.06.2019).

[308] Земельные споры грозят Дагестану гражданской войной? // Большой Кавказ. 2013. 23 августа. – URL: http://www.bigcaucasus.com/events/topday/23-08-2013/85730-dagestan_zemli-0/ (дата обращения: 07.06.2019).

Приблизиться к пониманию того, почему территориальные противоречия приводят к регулярной дестабилизации политического процесса практически всю постсоветскую историю региона, на наш взгляд, невозможно не рассмотрев более подробно процесс трансформации этнической структуры властных элит на местах.

Дагестан как уже отмечалось, считается не только одним из самых полиэтничным регионов в стране, но и выступает сегодня самым этнически дисперсным в отношении географии расселения его населения. Трансформация этнической структуры населения на равнинных территориях, приведшая к её значительной полиэтнизации повсеместно отразилась и на её властной структуре.

Этнополитическая асимметрия в муниципалитетах лишь усиливает артикуляцию территориальных претензий, как со стороны численно доминирующих мигрантских этнических общностей, так вызывает охранительную реакцию со стороны местных. Не имея возможности разрешить накопившиеся проблемы на формально-институциональном уровне ущемленные в правах этнические общности (мигрантские или местные) пытаются защитить свои интересы во внеинституциональном порядке.

Так, кумыкские, ногайские и русские этнические общности ослабили свое влияния на процесс принятия политических решений в регионе, ресурсные и организационные возможности которых были значительно сужены в период межэлитных войн 1990-х годов[309]. Не обладая на сегодняшний день достаточной для отстаивания своих интересов ресурсной базой, этнополитические группы вынуждены влиять на ситуацию не сколько через формальные каналы административного либо судебного характера, которые для них в силу отсутствия должного представительства в структурах власти попросту недоступны. Они обращаются к массовым внеинституциональным формам по-

[309] Почти полная... «висячая» хронология // Черновик. 2008. 29 февраля. – URL: https://chernovik.net/content/respublika/pochti-polnaya-visyachaya-hronologiya (дата обращения: 07.06.2019).

литического участия – демонстрациям, сходам, и т. п. Динамика развития тех или иных групп интересов совпадает с различными волнами миграционной динамики, детерминировавшими изменения этнического баланса на территориях смешанного проживания.

Горские мигранты активно заявили о себе на локальном политическом уровне уже в начале 1990-х годов. Этнополитическая элита значительного числа региональных муниципалитетов со смешанным расселением уже не обходилась без присутствия в её структуре представителей горцев – выходцев из моноэтничных территорий Нагорного и Центрального Дагестана.

Предпосылками трансформации этнической структуры власти в Хасавюрте, например, считается появившиеся еще в 1960-х гг. в черте города поселки с компактным проживанием в них горских мигрантов (прежде всего, аварцев) и чеченцев возвратившихся после сталинской депортации и не получивших возможности вселиться в свои дома в Новолакском районе.

К концу 1980-х гг. этно-демографическая ситуация в муниципалитете привела к тому что кумыкская община оказалась в численном меньшинстве на территории района[310]. Мигранты же, будучи длительное время занятые в ресурсоемких и не всегда легальных сегментах экономики, аккумулировали значимые для закрепления и последующего доминирования во властных структурах таких муниципалитетов, ресурсы. Так как данные процессы совпали по времени с общероссийским институциональным кризисом конца 1980-х-начала 1990-х гг., локальный политический процесс носил ярко выраженный внеинституциональный характер[311]. Не случайно все национальные движения, возникавшие в этот период, как правило, увязывали свою активность с территориальными последствиями прежних советских миграций (горскими – экономическими, сталинскими – политическими).

---

[310] Дагестан. Кумыкский этнос. М., 1993. С.30

[311] Почти полная... «висячая» хронология // Черновик. 2008. 29 февраля. – URL: https://chernovik.net/content/respublika/pochti-polnaya-visyachaya-hronologiya (дата обращения: 07.06.2019).

Так произошло как с кумыкским «Тенглик» и ногайским «Бирлик». Как и с национальными движениями горских мигрантов, которые создавались в качестве альтернативных аналогов: «Кази-Кумух» у лакцев или национальный фронт им. Шамиля у аварцев. Максимальное число сторонников и, как следствие, наибольшую поддержку фронт имел на территориях компактного проживания мигрантов в Казбековском, Новолакском, Хасавюртовском, Кизлярском районах, г. Южно-Сухокумск, пос. Кочубей[312].

Одна из первых попыток использование этнического ресурса в политической борьбе на городской территории была зафиксирована со стороны именно аварского национального движения в ходе поддержки Ш. Гаджимуратова на выборах главы администрации Махачкалы в 1998 году. Однако технология, проявившая эффективность на этнически однородных аграрных территориях, в условиях сложносоставной столичной среды имела прямо противоположный эффект. Тогда активная артикуляция этничности, тем более исходящая от имени самой многочисленной группы в регионе, привела в кресло столичного градоначальника С.Д. Амирова, наоборот, сделавшего в ходе избирательной компании упор на интернационализм и гражданские ценности.

Схожая с аграрными муниципалитетами смешанного проживания этнополитическая структура формировалась и в остальных городах региона. Как правило, малые или средних размеров территории, в направлении которых миграционный поток шёл из географически ограниченного числа чётко определенных этнических территорий. В регионе это все города кроме столичной агломерации. К концу 1990-х гг. статистика фиксировала необратимый характер миграции русских из региона, причём не только с городских территории, таких как Дербент, Каспийск, Кизилюрт, Кизляр, Хасавюрт, но и

[312] *Булатов Б.Б., Рамазанова Д.Ш.* Деятельность органов государственной власти Республики Дагестан в области межнациональных отношений (80-90-е гг. XX в.). Махачкала: Издательство Юпитер, 2000. С.66.

из сельских муниципалитетов на севере региона – традиционных мест их проживания[313].

В этот период (1997 г.) Хасавюрт возглавляет аварец, выходец из с. Буртунай Казбековского района С-П.Д. Умаханов. Схожее этапы трансформации властной этнической структуры проходили и другие муниципалитеты, где этническое доминирование представителей горских этносов над местными (кумыками, ногайцами, русскими) становилось практически абсолютным. Однако было бы крайним упрощением полагать, что рассмотренные выше корреляции действуют в регионе с одинаковой силой. На наш взгляд их содержание зависит не только от динамических и количественных характеристик миграции, но и от содержания её этнического субстрата.

В южном Дагестане, динамику политическому процессу задают выходцы из Докузпаринского района – сельской периферии относительно такого локального центра южного Дагестана как Дербент. На этих территориях мы не наблюдаем случаев связанных с конфликтным характером разрешения территориальных противоречий, где хотя бы одной из сторон являлись приезжие с других территорий региона. За исключением регулярных конфликтов местной власти с населением, а также конфликтов разгорающихся в преддверии электоральных мероприятий, характерных для всех территорий региона независимо от их географии и этнической структуры.

Также значимую роль в политических процессах на территории юга региона играют выходцы из Табасаранского района. Что выглядит вполне закономерным, учитывая их демографические характеристики.

Ведь сохранение этнополитической ассиметрии в муниципалитетах со смешанным проживанием, в значительной степени может быть обусловлено постоянством воспроизводства демографического прироста у мигрантов,

---

[313] *Шахбанова М.М., Лысенко Ю.М., Мамараев Р.М.* Дагестанские русские: историко-социологическое исследование. Махачкала: АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2015. 320 с.

причем как подмечают эксперты в некоторых случаях независимо от хозяйственной специализации последних[314].

Не случайно те или иные демографические характеристики, задающие этнические пропорций в социальной структуре не раз в новейшей истории служили объектом манипуляции со стороны властных структур, таким образом, обосновывавших номенклатурный характер распределения власти в регионе. Что нередко становилось поводами для общественной критики, и выводов в пользу крайней политизированности официальной этнической номенклатуры в регионе[315].

Поэтому сохранение по сей день, пусть и в усеченном виде, механизма этнического квотирования при распределении власти в регионе, выступает фактором постоянной актуализации территориальных противоречий в межэтнических отношениях не только на локальном но, и на региональном уровне.

Определяющий характер этнического ресурса для сохранения и расширения контроля над теми или иными территориями региона хорошо осознают и сами властные элиты региона. Ведь не случайно порядок перечисления титульных этносов региона фигурирующих в официальных документах не меняется из года в год и сформирован «не по алфавиту, а по мере уменьшения численности»[316].

Фактически в регионе действуют только те институции, которые так или иначе сохраняют статус-кво в этой проблеме, либо ухудшают ее состояние, приводят к ее эскалации конфликтов вызванных ею.

---

[314] *Казенин К.И.* Миграция дагестанцев внутри региона: некоторые демографические загадки // Этнокультурные ландшафты на постсоветском пространстве: проблемы и особенности формирования дагестанского компонента Коллективная монография. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2014. С. 30-41.

[315] Перепись 2010 года: этнический паритет дороже справедливости // ФЛНКА. 2011. 26 декабря. – URL: http://flnka.ru/analitika/350-perepis-2010-goda-etnicheskiy-paritet-dorozhe-spravedlivosti.html (дата обращения: 07.06.2019).

[316] *Тишков В.А., Кисриев Э.Ф.* Множественные идентичности между теорией и политикой (пример Дагестана) // Этнографическое обозрение. 2007. № 5. С. 96-115.

Другие же даже незначительно способные поколебать территориальное доминирование этнических групп подвергаются максимальному выхолащиванию и практически утрачивают свой первозданный смысл. Так произошло с законом, принятым во исполнение федерального решения в отношении развития коренных малочисленных этносов региона. Когда на уровне регионального законодательства в номенклатуру малочисленных этносов были внесены все без исключения этносы региона, в том числе и самые многочисленные.

Отсутствие адекватной реакции на избирательный характер исполнения федеральных директив, в этом вопросе в условиях уже накопленного значительного конфликтного потенциала против региональных властей может привести к его переключению на федеральный властный уровень. А в период очередной смены политической конъюнктуры в стране может детерминировать всплески локального сепаратизма в регионе. Тем более что идеологических предпосылок для развития ситуации по этому сценарию достаточно. Наиболее многочисленная и ущемленная в политическом плане этническая общность региона – лезгины в 1999 г. создают Федеральную лезгинскую национально-культурную автономию (ФЛНКА).

Данная инициатива может быть рассмотрена как способ компенсации утраты своего политического влияния со стороны национальных движений к тому моменту утрачивавших влияния на общественные настроения в регионе. Властные же этнические группы также как и периферийные активно эксплуатируют дискурс территориальности и его институционализации на разных уровнях причем, активизация этих процессов, как правило, совпадает с теми или иными фазами передела административного рынка в регионе.[317]

На локальном же уровне консервация власти проявляется в постоянной гонке за повышением численности «своего» этноса, а в период проведения

[317] Сайгидпаша Умаханов об аварской автономии и дагестанской власти // ФЛНКА. 2013. 25 марта. – URL: http://flnka.ru/digest-analytics/1740-saygidpasha-umahanov-ob-avarskoy-avtonomii-i-dagestanskoy-vlasti.html (дата обращения: 07.06.2019).

переписи, по мнению некоторых депутатов НС РД, активизируется черный рынок переписных листов регионе[318].

Все это, несомненно, свидетельствуют об актуальности сохранения этнической определенности территорий региона как одного из немногих оставшихся монопольных ресурсов местных политических элит в условиях завершающего этапа централизации власти по всей стране. Что до последнего времени позволяло им, крайне эффективно эксплуатируя этот ресурс в ходе межэлитных конфликтов, сохранять власть в муниципалитетах, а в некоторых случаях ее и после ухода с формальных позиций.

Схожесть политических практик, в отношении реализации территориальных интересов которые демонстрируют большинство муниципалитетов независимо от их статуса, (сельское поселение, города) могут служить дополнительной иллюстрацией крайней значимости данной сферы отношений в совокупной политической динамике региона.

В этих условиях невозможность реализовать свои территориальные интересы в рамках формально-институциональных механизмов в индивидуальном порядке, актуализирует артикуляцию требований в сторону политической институционализации территориальных прав ущемляемых этнических групп, как местного, так и мигрантского происхождения.

Если на севере региона это кумыки, ногайцы, русские. То уже в центральном Дагестане в качестве территориально ущемляемых групп выступают горские мигранты – даргинцы, компактно проживающие с кумыками в Карабудахкентском районе[319].

Ущемлённые в этом вопросе этнические общности обращаются к схожим технологиям. Арсенал политических средств может варьироваться в определенных границах, но, так или иначе, включает набор неких требова-

---

[318] *Агаев М., Вагабова С., Ахмедов М.* Год переформатирования // Черновик. 2013. 27 декабря. – URL: https://chernovik.net/content/novosti/god-pereformatirovaniy (дата обращения: 07.06.2019).

[319] *Шабанов М.* Райсепаратизм // Черновик. 2007. 27 апреля. – URL: https://chernovik.net/content/respublika/rayseparatizm (дата обращения: 07.06.2019).

ний-констант. От расширения этнического представительства во властных структурах (этническая квота) до требований, выполнение которых предполагает нарушение территориальной целостности муниципалитетов[320].

То есть, этнополитическая структура в муниципалитетах смешанного проживания сегодня организована таким образом, что перспектива реализации территориальных интересов индивида и группы коррелирует с его этническим (территориальным) происхождением. На местах как нигде в регионе эта связь ощущается наиболее остро.

Однако было сильным упрощением утверждать о некой монолитности горского этнического лобби на таких территориях. Что горское происхождение гарантия успешной реализации того или иного территориального интереса. Максимальный уровень капитализации достигает пришедшая к власти в муниципалитете этно-территориальная группа. Остальные же представители этноса, проживающие на других территориях-этногенеза, но в культурном и языковом плане близкие к властным структурам, получают конкурентное преимущество в сравнении с иноэтничными группами, проживающими в таких муниципалитетах в части привилегированного положения на локальном этно-административном рынке.

Поэтому ущемленной стороной в ходе территориальных споров может оказаться не, только иноэтничные общины, но конфликт может разгореться уже внутри самих общин мигрантов.

Установление численного доминирования аварцев в том же Хасавюрте, не привело к исчезновению межэтнической напряженности хотя бы на уровне этой группы, так как властная структура в городе была сформирована из представителей исключительно одной этнотерриториальной общности[321].

Таким образом, этническое распределение в муниципалитетах со смешанным расселением таково, что выступает предпосылкой активизации пре-

---

[320] Создание Губденского района путем выделения даргинских сел из Карабудахкентского муниципалитета.

[321] *Утенков А.* Когда вдруг прилетит вертолёт // Совершенно секретно. 2016. 18 января. – URL: https://www.sovsekretno.ru/articles/id/5294/ (дата обращения: 07.06.2019).

имущественно конфликтного характера реализации территориальных интересов этнических групп мигрантов и местных, что естественным образом экстраполируется и на властно-управленческий уровень.

В настоящее время градус территориальных противоречий в таких муниципалитетах несколько снизило напряжение, все же актуальность этой проблемы не исчезла с политической повестки вовсе, так как противоречия, накопленные за последние десятилетия, не имеют краткосрочных и простых решений сугубо административного характера. А в случае изменения политической конъюнктуры в стране может с новой силой быть актуализировать фактор этничности на этих территориях, который в очередной раз приведет к их дестабилизации, так и косвенно повлияет на региональную безопасность в целом.

Таким образом, в настоящий момент в качестве значимых изменений, характеризующих влияние внутренней миграции на активизацию деятельности политических акторов по реализации их территориальных интересов, имеющих потенциал дестабилизации ситуации в регионе, можно назвать:

1. отсутствие эффективных способов (без нулевой суммы) разрешения поземельных конфликтов в аграрных муниципалитетах региона, с чем связана «заморозка» большинства из них.

2. сохранение существующей в регионе неофициальной правовой и судебной системы. Данная проблема имеет перспективу ухода с политической повестки хотя бы частичного восстановления авторитета официальных институтов в регионе.

3. несбалансированное этнополитическое представительство на местах. Данный фактор несет в себе не меньшую опасность в деле воспроизводства конфликтогенности причем на большинстве значимых для обеспечения политической стабильности территорий региона в силу уже известной специфики расселения в нем. Ослабление влияния которого, на наш взгляд, видится в контроле над эффективностью реализации сбалансированной межэтнической политики на местах со стороны партийных структур.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полноценное изучение региона невозможно вне системного единства его географической, природно-климатической, экономической, социокультурной и политической составляющих. Исследуя эти компоненты в качестве среды для каждого организационного уровня региона, мы можем получить относительно полное и глубокое представление об общественных процессах, протекающих в пределах его территории, включая и сферу политики.

Потенциал категории «региональный политический процесс» состоит в возможности всестороннего изучения политического организма в динамическом взаимодействии общественных и государственных структур, обусловленном внешними детерминантами: географией и экономикой, а также внутренними факторами: традициями и общественной психологией. Это касается как социального окружения, так и различных сегментов властно-управленческого уровня. Региональный политический процесс представляет собой стремящейся к универсальности концептуальный инструмент исследования общественных явлений, приближая нас к более объективному пониманию их смыслов.

В современных условиях дискретной глобализации внутренняя миграция трансформировалась в один из ведущих факторов динамики многих общественных процессов, в том числе и на властно-управленческом уровне. В связи с отсутствием в России действенных директивно-административных мер регулирования внутренних перемещений в стране (и невозможностью возврата к массовым репрессивным практикам тоталитаризма), на фоне перманентно ухудшающегося социального положения населения, изучение феномена внутренней миграции в политологическом аспекте сохраняет свою

актуальность в рамках складывающейся субдисциплины – «политической миграциологии».

В нашем исследовании мы предприняли попытку выявить наиболее значимые причины нестабильного характера развёртывания политического процесса в многосоставном, сложноорганизованном регионе – Республике Дагестан. Субъект Федерации, потенциально обладая значительным спектром необходимых для устойчивого развития условий, не имеет внутренних побудительных мотивов для обновления, и лишь внешнее стимулирование и/или ограничение способно изменить ситуацию. Волны модернизации и традиционалистские «откаты», сменявшие друг друга в истории региона, обуславливали миграционную динамику определённого характера на его территории, которая, в свою очередь, актуализировала или нивелировала этническую компоненту в региональном политическом процессе.

Как правило, при каждом кризисе в стране, выступающим триггером прерывания модернизации в регионе, актуализируется этнический фактор, выводя имманентную социальную конфликтогенность на новый виток открытого насилия и, как следствие, дестабилизируя политическую ситуацию на Северном Кавказе в целом.

В связи с этим сохранение большого числа компактно заселённых ареалов этногенеза в рамках административных единиц в регионе остаётся механизмом поддержания политической стабильности. Различные причины, способствующие изменению относительного баланса этнотерриториальных интересов в Дагестане, прежде всего, внутренняя миграция, итогом которой нередко становится расселение различных этнических общностей в рамках устоявшихся политико-административных единиц, активизирует рост межэтнической конкуренции за доступ к ресурсам и статусам.

К одному из значимых миграционных изменений постсоветского периода следует отнести увеличение количественного разрыва между двумя — тремя автохтонными «титульных» этносами (аварцами, даргинцами и кумыками) и остальными малочисленными этническими общностями. При ста-

бильном режиме функционирования политического процесса, такая относительно гомогенная социальная структура, несомненно, отвечает требованиям управляемости и рациональности. Однако сокращение этнического многообразия в условиях регулярной политической турбулентности ведёт к росту этнической напряжённости, актуализирует сепаратистский дискурс со стороны численно растущих этнических общностей, как единственно «титульных» в республике, обоснованно претендующих на распоряжение политической властью и социально-экономическими ресурсами.

В результате проведённого анализа динамики внутреннего миграционного процесса, можно с уверенностью утверждать, что именно его этно-религиозный сегмент – наиболее значимый агент воспроизводства традиционализма в регионе. Религиозный фактор наряду с этническим, по-прежнему выступают сквозными для понимания логики функционирования практически всех общественно-политических процессов Дагестана, в том числе и в сфере удовлетворения территориальных интересов.

Характер развития миграционного процесса в регионе привёл к тому, что ныне акторы прежней (советской) волны модернизации, утратив контроль над значительной частью территории собственного этногенеза, существенно сократили своё влияние и на политический процесс. В то время как мигрантский этно-религиозный субстрат, наоборот, не только не утратил собственные этногенетические ареалы, но и значительно расширили их границы. По нашему мнению, именно в этом видеться актуализация территориальности в межэтнических отношениях – базового компонента политического процесса в регионе, инициируя и поддерживая напряжённость между политическими группами (клиентелами) на протяжении почти всей постсоветской истории Дагестана.

Изменение этнической структуры социального окружения (среды) регионального политического процесса под влиянием внутренней миграции обуславливает появление новых этнических интересов, их дифференциацию, что естественным образом входит в противоречие с псевдодемократическими

номенклатурными практиками распределения власти и символических ресурсов в республике. Система этнополитического управления, унаследованная от советского прошлого, постоянно подвергается верхушечной модификации под влиянием изменчивой политической конъюнктуры.

Сложившаяся в постсоветский период этнополитическая структура в регионе детерминирует диспропорции в ресурсном распределении этнически дифференцированного социального окружения (среды), что закономерным образом отражается на стабильности регионального политического процесса. Длительное игнорирование федеральными властными структурами ситуации, в первую очередь в сфере этно-миграционной политики, обусловило установление крайне фрагментированной этнотерриториальной структуры власти в равнинной части Дагестана. На нынешнем этапе модернизации такая структура расселения в регионе не способствует стабильному развитию, а превращает его в сеть противоборствующих за ресурсы и статусы территориальных анклавов мигрантских и старожильческих этнорелигиозных общин.

Существование в социальном окружении регионального политического процесса значительной по масштабу и активности традиционалистской компоненты, несмотря на формально-институциональные изменения демократического характера, как и постоянные заверения местных этнополитических элит в вечной дружбе с остальной Россией, оставляет открытым вопрос о политическом будущем региона. Как представляется, важнейшей функцией органов власти и управления в Дагестане, по-прежнему остаётся регулирование межэтнических и конфессиональных отношений посредством сохранения баланса территориальных интересов этнических групп.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативно-правовые акты

1. Конституция Республики Дагестан от 10 июля 2003 г. [Электронный ресурс] // Сайт Конституции РФ. М. – URL: http://constitution.garant.ru/region/cons_dagest/

2. Конституция Республики Дагестан от 26 июля 1994 г. [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации. – URL: http://docs.cntd.ru/document/748300070

3. Закон Республики Башкортостан от 21 июня 1994 года № ВС-24/5. – URL: “О политических партиях в Республике Башкортостан” // Гарант. – URL: http://base.garant.ru/17750289/

4. Федеральный закон «О политических партиях» от 11.07.2001 № 95-ФЗ // КонсультантПлюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459/

5. Федеральный закон от 6 октября 1999 г. N 184-ФЗ ”Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” // Российская газета. 1999. 19 октября. – URL: https://rg.ru/1999/10/19/fz-284-dok.html

Электронные ресурсы

1. Абдулатипов обвинил в своей отставке «московских покровителей» дагестанских коррупционеров // PASMI.RU. 2018. 11 декабря. – URL: https://pasmi.ru/archive/225230/

2. Агаев М., Вагабова С., Ахмедов М. Год переформатирования // Черновик. 2013. 27 декабря. – URL: https://chernovik.net/content/novosti/god-pereformatirovaniy

3. Алимсолтанов А. Путеводитель по дагестанским кланам. // Черновик. 2014. 28 января. – URL: https://chernovik.net/content/inye-smi/putevoditel-po-dagestanskim-klanam

4. Арабская весна. // Postnauka. 2016. 10 марта. – URL: https://postnauka.ru/faq/61168

5. Арифмезова Г. Русские больше не идут // Русская планета. 2016. 16 января. – URL: http://rusplt.ru/society/russkie-bolshe-ne-idut-15178.html

6. Барахова А. Эрболатов У. Дагестанский, 15-летней выдержки. // Коммерсантъ Власть. 2002. 25 июня. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/329155

7. Беспорядки на Манежной площади // Информационно-аналитический центр. 2010. 13 декабря. – URL: https://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/racism-nationalism/2010/12/d20481

8. Битва Руслана Курбанова и Милрада Фатуллаева с Юлией Латыниной за Дагестан // Ансар. 2013. 6 февраля. – URL: http://www.ansar.ru/analytics/bitva-ruslana-kurbanova-i-milrada-fatullaeva-s-yuliej-latyninoj-za-dagestan

9. В Дагестане созданы четыре территориальных округа. // Кавказский узел. 2013. 29 ноября. – URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/234310/

10. В Дагестане проект «52/52», призванный рассказать дагестанцам об их родине, стартовал с поездки в село Кубачи // Кавказский узел. 2013. 21 августа. – URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/228865/

11. Вагабова С. Закон бесконечности. // Черновик. 2017. 6 октября. – URL: https://chernovik.net/content/novosti/zakon-beskonechnosti

12. Вагабова С. Что скрывает Минздрав Дагестана? // Черновик. 2017. 29 сентября. – URL: https://chernovik.net/content/respublika/chto-skryvaet-minzdrav-dagestana

13. Васильев против дагестанских кланов. // Компромат. 2017. 5 октября. – URL: https://kompromat1.news/articles/71656-vasiljev_protiv_dagestanskih_klanov

14. Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность населения СССР, РСФСР и ее территориальных единиц по полу // Демоскоп. 2019. 11 - 24 февраля. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php

15. Гаджиева З. Проблемы прикутанных земель URL: // МК-Дагестан. 2016. 20 августа. – URL: https://mkala.mk.ru/articles/2016/08/20/problemy-prikutannykh-zemel.html

16. Герасименко Л.Н. Специфика регионального политического процесса в современной России Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2008. №2. – URL: http://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-regionalnogo-politicheskogo-protsessa-v-sovremennoy-rossii#ixzz35Tsd7kQh

17. Дагестан: выборы и выстрелы. // Черновик. 2007. 16 февраля. – URL: https: //chernovik.net/content/nashi-smi/dagestan-vybory-i-vystrely

18. Демографический энциклопедический словарь. Этнография политическая и экономическая география – URL: http://geography.su/demogr/

19. Джалилов Р. Эксперты заявили об угрозе конфликтов в связи с легализацией поселений в Дагестане. // Кавказский узел. 2017. 10 июня. – URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/304098/

20. Диспропорции в национальном составе руководителей органов исполнительной власти Дагестана и объемы контролируемых ими финансовых потоков // ФЛНКА. 2018. 28 июля. – URL: http://flnka.ru/digest-analytics/19150-disproporcii-v-nacionalnom-sostave-rukovoditeley-organov-ispolnitelnoy-vlasti-dagestana-i-obemy-kontroliruemyh-imi-finansovyh-potokov.html

21. Дмитрицкая О. Ногайский народ Дагестана выйдет протестовать против незаконного отъёма земель. // Кавказ Пост. 2014. 14 июня. – URL:

https://capost.media/news/policy/nogayskiy-narod-dagestana-vyydet-protestovat-protiv-nezakonnogo-otyema-zemel/

22. Закон бесконечности // Черновик. 2017. 6 октября. – URL: https://chernovik.net/content/novosti/zakon-beskonechnosti

23. Здравомыслов А., Цуциев А. Дагестан: социально-политические процессы 1997-1999 гг. // Кавказский узел. 2002. 7 мая. – // https://amp.kavkaz-uzel.eu/articles/19736/

24. Земельные споры грозят Дагестану гражданской войной? // Большой Кавказ. 2013. 23 августа. – URL: http://www.bigcaucasus.com/events/topday/23-08-2013/85730-dagestan_zemli-0/

25. Изудинов Г. Кумыки хотят земли, аварцы предупреждают их, а лезгины наблюдают. // Миллат. 2017. 10 марта. – URL: https://ontv.su/blogs/2020-kumyki-hotjat-zemli-avarcy-preduprezhdayut-ih-a-lezginy-nablyudayut.html

26. Ирина Стародубровская: Дагестан: непростой процесс урегулирования. // REGNUM. 2012. 14 августа. – URL: https://regnum.ru/news/1561268.htm

27. Казаченко Л.Д. Регион как объект научного исследования // Известия Иркутской государственной экономической академии 2012. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/region-kak-obekt-nauchnogo-issledovaniya

28. Казенин К.Внеклановые риски: какие проблемы действительно надо решать в Дагестане. // RBC. 2018. 10 сентября. – URL: https://www.rbc.ru/opinions/politics/10/09/2018/5b9255cb9a79473d12de95e0

29. Казенин К., Стародубровская И. Северный Кавказ: Quo vadis? // Полит.ру. 2014. 14 января. – URL: http://polit.ru/article/2014/01/14/caucasus/

30. Как развивался конфликт в Ленинауле. // Черновик. 2017. 9 июля. – URL: https://chernovik.net/content/lenta-novostey/kak-razvivalsya-konflikt-v-leninaule

31. Кисриев Э. Республика Дагестан в августе – начале октября 1998 года // Этнополитический мониторинг 1999. – URL: http://www.igpi.ru/monitoring/1047645476/1998/0998/5.html

32. Козлов Н.Д. Политические культуры регионов России: уравнение со многими неизвестными. http://www.civisbook.ru/files/File/Kozlov_2008_4.pdf

33. Концепция федерализации Дагестана. // Кумыкский мир. 1992. 4 ноября. – URL: http://kumukia.ru/?id=820

34. Корякин К.В. История изучения миграции в социологии и этнологии, проблем социальной адаптации и интеграции иммигрантов. // Иммиграция из России и в Россию. 2013. 27 ноября. – URL: http://www.migracio.ru/istoriya-izucheniya.html

35. Костенко Ю.В. Специфика региональной системы политического управления URL: upload/iblock/dbd/uch_2008_xiii_00020.pdf

36. Курбанов Г.М. Религия в зеркале дагестанской социологии // Религия и политика террора. ВикиЧтение. – URL: https://public.wikireading.ru/130046

37. Магомедова А. Правозащитники заявляют о разочаровании деятельностью Абдулатипова на посту главы Дагестана. // Кавказский узел. – 2014. – 28 января. – URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/237350/

38. Максим Шевченко о Саиде Амирове. https://youtu.be/Jqz5Mb7aPh4

39. Маркедонов С.М. Дагестан: была ли оправдана реформа республиканской власти? // Политком. 2007. 25 апреля. – http://politcom.ru/4485.html

40. Мкртчян Н. Карачурина, Л. Миграция в России: потоки и центры притяжения // Демоскоп. 2014. 21 апреля – 4 мая. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0595/tema03.php

41. Могилевская А., Копалкина К. Крупнейшие дотации из бюджета получат Дагестан, Чечня и Камчатка. // RBC. – 2017. –11 октября URL: https://www.rbc.ru/economics/11/10/2017/59db751d9a794738f67da77e

42. Муртазалиев, Г. В ДУМД нет представителей народа…» // Черновик. 2007. 28 сентября. – URL: https://chernovik.net/content/monotheos/v-dumd-net-predstaviteley-naroda

43. Муху Алиев. Пять лет спустя // Живой журнал. URL: https://john-rend.livejournal.com/49657.html

44. Мэр Хасавюрта ушел в отставку //Ансар. 2015. 23 сентября. – URL: http://www.ansar.ru/rfsng/mer-hasavyurta-ushel-v-otstavku

45. Народное собрание Дагестана заполнят родные Абдулатипова, Гамидова, Шихсаидова и Умаханова. //ФЛНКА. 2016. 22 августа. – URL: http://flnka.ru/digest-analytics/14252-narodnoe-sobranie-dagestana-zapolnyat-rodnye-abdulatipova-gamidova-shihsaidova-i-umahanova.html

46. Пашаев М. О состоянии экономики Республики Дагестан за 2013-2016гг. // Кавполит. 2017. 26 февраля. – URL: http://kavpolit.com/articles/o_sostojanii_ekonomiki_respubliki_dagestan_za_2013-32113/

47. Перепись 2010 года: этнический паритет дороже справедливости. // ФЛНКА. 2011. 26 декабря. – URL: http://flnka.ru/analitika/350-perepis-2010-goda-etnicheskiy-paritet-dorozhe-spravedlivosti.html

48. Петров В.Н. Этнические миграции в современной России: детерминанты и типология // Социологические исследования. 2009. – URL: http://naukarus.com/etnicheskie-migratsii-v-sovremennoy-rossii-determinanty-i-tipologiya

49. Подведены итоги социально-экономического развития Дагестана за 2004 год // Кавказский узел. 2005. 23 апреля. – URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/76041/

50. Почти полная... «висячая» хронология. // Черновик. 2008. 29 февраля. – URL: https://chernovik.net/content/respublika/pochti-polnaya-visyachaya-hronologiya

51. Причиной конфликта в местности Караман (Черные камни) стал земельный вопрос. // Черновик. 2013. 21 августа. – URL:

https://chernovik.net/content/lenta-novostey/prichinoy-konflikta-v-mestnosti-karaman-chernye-kamni-stal-zemelnyy-vopros

52. Разбежкина Ю. Дагестан: кадровый резерв по генетическим признакам. Чиновников обвиняют в том, что они передают должности по наследству. // Живой журнал. 2014. 10 февраля. – URL: https://kavkaz-lona.livejournal.com/35715.html

53. Рвачи в законе // Дагестан Post. 2014. 12 мая . – URL: http://www.dagestanpost.ru/novosti/52153-rvachi-v-zakone

54. Руслан Курбанов: Крах дагестанской элиты. // заседание политологического клуба “Альтаир”. 2018. 25 января. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=hEL6Qs0-JJA

55. Сатийаджиева В. Депутаты Народного собрания Дагестана отклонили законопроект, внесённый Владимиром Васильевым // Черновик. 2018. 25 сентября. – URL: https: //chernovik.net/content/lenta-novostey/deputaty-narodnogo-sobraniya-dagestana-otklonili-zakonoproekt-vnesyonnyy

56. С ТФОМС по РД требуют более полумиллиарда рублей. // Дагестан. 2018. 14 ноября. – URL: https://dagjournal.ru/novosti/344-s-tfoms-po-rd-trebujut-bolee-polumilliarda-rublej.html

57. Северокавказская адаптация // Эксперт. 2012. 9 июля. – URL: http://expert.ru/expert/2012/27/severokavkazskaya-adaptatsiya/

58. Сайгидпаша Умаханов об аварской автономии и дагестанской власти . // ФЛНКА. 2013. 25 марта. – URL: http://flnka.ru/digest-analytics/1740-saygidpasha-umahanov-ob-avarskoy-avtonomii-i-dagestanskoy-vlasti.html

59. Стародубровская И. ”Северный Кавказ: истоки нестабильности”. // Публичная лекция. 2012. 15 февраля. – URL: https://youtu.be/Zee8MDjIbLg

60. Съезд чеченцев в Хасавюрте встревожил пользователей сети. // Bakdar. 2018. 26 ноября. – URL: http://bakdar.org/sezd-chechencev-v-xasavyurte-vstrevozhil-polzovatelej-seti/

61. Толковый словарь обществоведческих терминов. URL: http://www.slovarnik.ru/html_tsot/m/migraci8-naseleni8.html

62. У дагестанских чеченцев новые лидеры и планы для восстановления Ауховского района. // Черновик. 2018. 30 ноября. – URL: https://chernovik.net/content/politika/auhnulos

63. Уразаев Э. Разгром команды Абдулатипова. // ONTV. 2018. 18 июля. – URL: https://ontv.su/articles/4950-razgrom-komandy-abdulatipova-i-vozvraschenie-suleimana-kerimova-kakova-rasstanovka-politicheski.html

64. Утенков А. Когда вдруг прилетит вертолёт. // Совершенно секретно. 2016. 18 Января. – URL: https://www.sovsekretno.ru/articles/id/5294/

65. Физическая география Дагестана. // Региональный учебник http://geo.1september.ru/article.php?id=200401607

66. Хатукаева И. Владимир Васильев надеется на продолжение антикоррупционной кампании в Дагестане. // Черновик. 2019. 19 февраля. – URL: https://chernovik.net/content/lenta-novostey/vladimir-vasilev-nadeetsya-na-prodolzhenie-antikorrupcionnoy-kampanii-v

67. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. // BOOKLOT.ORG. – URL: https://www.booklot.org/genre/spravochnaya-literatura/spravochniki/book/politologiya-hrestomatiya/content/2580215-s-hantington-politicheskiy-poryadok-v-menyayuschihsya-obschestvah94/

68. Хинштейн А. Чикаго с кавказским акцентом. Почему в Дагестане невозможно победить терроризм. // Московский комсомолец. 2006. 25 апреля. – URL: http://old.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2006/04/m54773.htm

69. Хроника криминального террора Дагестан, 1992-2005 годы. 2005. 11 июля. – URL: http://old.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2005/07/m43663.htm

70. Шабанов М. Райсепаратизм. // Черновик. 2007. 27 апреля. – URL: https://chernovik.net/content/respublika/rayseparatizm

71. Шахбанов Р. Дагестан на грани войны Сулеймана Керимова и Зиявудина Магомедова. И почему Магомедов проиграл… // ONTV. 2016. 10 июня. – URL: https://ontv.su/news/1063-dagestan-na-grani-voiny-suleimana-kerimova-i-zijavudina-magomedova-i-pochemu-magomedov-proigral.html

72. Чаблин А. Дагестан: расколотое общество. // Замполит. 2016. 7 апреля. – URL: http://zampolit.com/analytics/dagestan-raskolotoe-obshchestvo/

73. Чаблин А. Что нам делать с Кавказом? // Голос ислама. 2012. 22 апреля. – URL: https://golosislama.com/news.php?id=7920

74. Что даст Абдулатипов Дагестану? // REGNUM. 2013. 28 января. – URL: https://regnum.ru/news/1618258.html

75. Энвер Кисриев: “Дагестан возвращается к бюрократической форме правления”. // Кавказский узел. 2007. 3 мая. – URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/113289/

76. Этнодискриминация лезгин и кумыков // ФЛНКА. 2015.14 ноября – URL: http://kavpolit.com/blogs/flnca/20747

77. Юдина Т. Н. О социологическом анализе миграционных процессов . Глобалтека http://globalteka.ru/referat/doc_details/4704-----.

78. Юсупов А. «Дагестан я люблю, но вернуться туда не вижу смысла» // Кавказ. Реалии. 2017. 14 октября. – URL: https://www.kavkazr.com/a/dagestan-ya-lyublyu-no-vernutsya-tuda-ne-vizhu-smysla/28794608.html

79. Ярлыкапов: земельные конфликты перерастают в политические и усугубляются бездействием чиновников. // Кавказский узел. 2011. 20 декабря. – URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/197969/

Научная литература

1. Абдулагатов З.М. Особенности социализации современной молодежи и социальные деформации в молодежной среде (на примере Республики Дагестан): монография. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2011. – 206 с.
2. Адиев А.З. Национальные движения Ногайцев в Дагестане их деятельность и причины возрождения. Труды политологической школы “Каспий” / под. ред. проф. А.-Н.З. Дибирова. – Махачкала, 2014. – 360 с.
3. Алешковский И.А Внутренняя миграция в современной России: тенденции, детерминанты, политика. – М.: ТЕИС, 2007. – 112 с.

4. Алиев Б. Г. “Горные общества Дагестана в политике России в конце XVIII - первой четверти XIX в. и вступление их в подданство Российской империи”. – Махачкала, 2017. – 256 с.
5. Ахизер А.С Диалетика урбанизации и миграции в России // Общественные науки и современность. 2000. – № 1. – С.78-90
6. Барыгин И.Н. Актуальные проблемы международного регионоведения. – С-Пб.: Издательский дом С-ПбГУ, 2010. – 303 с.
7. Баранов А.В. Акторы региональных политических процессов в постсоветской России: система взаимодействий: автореф. дис. … д-ра полит. наук: 23.00.02 / Баранов Андрей Владимирович. – Волгоград. – 2007.
8. Барзилов С.И. Политическая структура современной российской провинции / С.И. Барзилов, А. Г. Чернышов. – М.: Магистр, 1997. – 32 с.
9. Блантер С., Нагайцева Е. Социологические подходы к изучению миграции // Методология и методы изучения миграционных процессов : междисциплинарное учеб. пособие / под ред. Ж. А. Зайончковской, И. Н. Молодиковой, В.И. Мукомеля. – М.: Центр миграционных исследований, 2007. – С.267 – 268 с.
10. Бойме К. Теория трансформации - новая междисциплинарная отрасль знания ? // Государство и право. – 1994. – № 7. – С.14 – 21
11. Борисова Н.В. Институционализация региональных политических систем: теоретические аспекты // Политический альманах Прикамья. Пермь. 2002. – № 2. – С.41-46
12. Бритвина И.Б. Гендерная детерминация адаптации вынужденных мигрантов: социологический анализ. – Екатеринбург, 2006.
13. Булатов Б.Б., Рамазанова Д.Ш. Деятельность органов государственной власти Республики Дагестан в области межнациональных отношений (80-90-е гг. XX в.). – Махачкала: Издательство Юпитер, 2000. – 192 с.
14. Бусыгина И.М. Политическая регионалистика. – М.: МГИМО (Университет), 2006. – 280 с.

15. Валентей Д. И., Зверева Н.В. Система знаний о народонаселении. – М.: Высшая школа, 1991. – 255 с.
16. Вартумян А.А. Региональный политический процесс: динамика, особенности, проблемы: Монография. –180 с.
17. Василенко П.В. Зарубежные теории миграции населения // Псковский регионологический журнал. – 2013. – №16. – С.36-42
18. Голосов Г.В. Российская партийная система и региональная политика, 1993–2003. – Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006. – 300 с.
19. Дагестан. Кумыкский этнос / под ред. Ю.Г.Кульчика. – М.:Веста,1993. – 105 с.
20. Дахин А.В., Распопов Н.П. Проблема региональной стратификации в современной России // Полис. – 1998. – № 4. – С.132-144
21. Дахин А.В. Региональная стратификация политического пространства России: новые подходы и тенденции // Политическая наука. – 2003. – № 3. – С.89–90
22. Демографический понятийный словарь / под ред. А.А. Рыбаковского. – М.: Центр социального прогнозирования, 2003. – С. 173-176
23. Демография / под ред. Д. И. Валентея. – М.: Высшая школа, 1997. – 272 с.
24. Денисенко М.Б. Детерминанты межрегиональной миграции в России // Новейшие изменения во внутренней и внешней миграции населения в России и их экономическое значение. – СПб., 1994.
25. Денисова Е.О., Денисова Е.Г., Мищенко Д.В. Миграция как экономическая категория // Вестник УлГТУ. – 2016. – №2. – С.54-57
26. Денисова Г.С. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса / Г. С. Денисова, В. П. Уланов. – Ростов-н/Д: Из-во РГПУ, 2003. – 352 с.
27. Джандарова А.И. Духовная культура лакцев во второй половине XIX - начале XX в.: автореф. дисс. …канд. ист.наук: 07.00.02/ Джандарова Аида иса Кызы. Махачкала, 2006. – 28 с.

28.Джеймс Л., Мартин Д. Все возможные миры. М.: Наука, 1988. – 672 с.
29.Дружинин В.В., Конторов Д.С. Системотехника. – М.: Радио и связь, 1985. – 200 с.
30. Дятлов В.И. Мигранты и принимающее общество: стратегии и практики адаптации (на примере Иркутска) // Байкальский регион в глобальном мире: Экспертные семинары 2005–2007 гг. – Иркутск, 2007. – С.65-70
31.Егоров В.К., Ибрагимов М.-Р. А. Этносоциальные и правовые аспекты положения на Северном Кавказе // Труды Института государства и права РАН. – 2016. – №1. – С.150 –163
32.Ерохин А.М. Социальные последствия миграционных процессов и изменение этноструктуры Ставропольского края // Вестник государственного ставропольского университета. Социологические науки. – 2004. – № 36. – С.157 – 162
33.Ефимов Ю.Г. Миграция в современном политическом процессе. автореф. дис. д-ра. …полит. наук: 23.00.02 / Ефимов Юрий Германович. – Ставрополь, 2007.
34.Ефимова И.А. Влияние этнических миграций на политические процессы в российских регионах: На материалах Приволжского федерального округа: автореф. канд. …полит. наук: 23.00.02 / Ефимова Ирина Александровна. – Саратов, 2006.
35.Зазнаев О.И. Вторая молодость «долгожителя»: концепт «политический институт» в современной науке / О.И. Зазнаев // Проблемы политической науки / науч. ред. М. Х. Фарукшин. – Казань: Центр инновац. технологий, 2005. – С. 3 – 29
36.Зеленко Б.И. Регион как субъект политики (Взгляд с позиций национальной безопасности) // Безопасность Евразии. – 2004. – № 1. – 687-695
37.Зелетдинова Э. А. Трансформация этноструктуры Астраханской области // Полис. Политические исследования. – 2015. – № 6. – С. 144 – 156
38.Ибрагимов М.-Р.А. Миграционные процессы в Дагестане в контексте формирования современного этнокультурного ландшафта // Этнокультур-

ные ландшафты на постсоветском пространстве: проблемы и особенности формирования дагестанского компонента : Коллективная монография. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2014. – С.6 – 30

39. Игнатов В.Г. Южная Россия и ее регионы / В.Г. Игнатов, В.И. Бутов. – М.: ИКЦ «МарТ», 2006. – 304 с.

40. Ионцев В.А. Международная миграция: молодёжный выпуск: сборник статей. – М.: Макс-пресс, 2005. – 100 с.

41. Ионцев В.А Международная миграция населения: теория и история изучения. – М.: Диалог МГУ. – 1999.

42. Итоги всесоюзной переписи населения 1959 года. (РСФСР). – Москва: Госстатиздат, 1963. – 456 с.

43. Ишигеев В.С., Авдеев М.Е. Миграция и национальная безопасность России // Вестник восточно-сибирского института МВД России. – 2015. – № 4. – С.40-42

44. Казенин К.И. Миграция дагестанцев внутри региона: некоторые демографические загадки // Этнокультурные ландшафты на постсоветском пространстве: проблемы и особенности формирования дагестанского компонента. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2014. – 236 с.

45. Казенин К.И., Стародубровская И.В. Северокавказские города: территория конфликтов // Общественные науки и современность. 2014. № 6. С. 70-82.

46. Карпов Ю.Ю. Этносоциальные трансформации в условиях миграционных процессов (на примере Дагестана) // Северный Кавказ в национальной стратегии России. – М., 2008. – 360 с.

47. Карпов Ю.Ю., Капустина Е.Л. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX - начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. СПб., 2011.

48. Качкин А.В. Этническая мобилизация и процесс регионализации: формы и механизмы // Мир России. – 2000. – № 4. – С.135 – 148

49. Кваша А.Я. Что такое демография? – М.: Мысль, 1985. – 126 с.

50. Кисриев Э.Ф. Этнополитическая ситуация в Республике Дагестан / РАН. Ин-т этнологии и антропологии. Махачкала: Юпитер, 1994.
51. Классика новой экономической социологии / сост. В. В. Радаев, Г. Б. Юдин; пер. с англ. и с фр.; поднауч. ред. В. В. Радаева, Г. Б. Юдина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 381 с.
52. Клемешев А.П. Регион в условиях глобализации // Вестник ВГУ. Сер. Гуманитарные науки. – 2005. – № 2. – С.26-38
53. Коваленко Е. Региональная экономика. – СПб.: Питер, 2005. – 288 с.
54. Косолапов Н.А. Политико-психологический анализ социально-территориальных систем. Основные теории и методологии (на примере России). М., 1994.
55. Костенко, Ю.В Конфликты миграций в южном федеральном округе как угроза национальной безопасности Российской федерации // Вестник южного научного центра. – 2013. – Том 9. – № 3. – С. 76–81
56. Коуз Р. Фирма, рынок и право / Пер. с англ. – М.: Новое издательство, 2007. – 224 с.
57. Кто есть кто в Дагестане. Информационно-телефонный справочник. Махачкала: Редакционно-издательское предприятие Мининформпечати РД. – 1994. – 56 с.
58. Кулматов К.Н., Митрофанова А.В., Панов А.Н. Региональные аспекты международных отношений М.: Восток – Запад, 2010. – 536 с.
59. Курбанов Р.В. Факторы политической интеграции многоэтнического региона: на примере Республик Северо-Восточного Кавказа: автореф. дис. …канд. полит. наук: 23.00.02/Курбанов Руслан Вячеславович. – СПб, 2003.
60. Лебедева Н.М. Социальная психология этнических миграций. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1993.
61. Магомедов А.К. Мистерия регионализма. Научные доклады № 114. – Москва: МОНФ, 2000.

62. Магомедов А.К. Региональные элиты и региональные идеологии в современной России: Сравнительный анализ; на примере республик и областей Поволжья: автореф. дис. д-ра. …полит. наук: 23.00.02 / Магомедов Арбахан Курбанович. Казань, 1999. – 40 с.
63. Макаров Д.В. Официальный и неофициальный Ислам в Дагестане. – М.: ЦСиПИ, 2000. – 84 с.
64. Малахов В.С. Интеграция мигрантов: концепции и практики М., Фонд “Либеральная Миссия”, 2015. – 272 с.
65. Мальцева Е.С.Региональная трудовая миграция: современное состояние и проблемы регулирования: Монография. – Орел: Изд-во ОФ РАНХиГС, 2013 – 256 с.
66. Маслова И.С. Экономические функции и факторы миграции населения // Миграция населения и перспективы демографического развития. М.: ГУ ИМЭИ, 2003.
67. Мейер Дж., Роуэн Б. Институционализированные организации: формальная структура как миф и церемониал // Экономическая социология. – 2011. – т.12.– №1. – С.43–68
68. Мельвиль А.Ю. Категории политической науки. – М.: МГИМО, РОССПЭН, 2002. – 656 с.
69. Метелев С.Е. Международная трудовая мграция и развитие российской экономики: моногорафия / С.Е. Метелев. – М.:ЮНИТИ ДАНА: закон и право, 2006. – 271 с.
70. Метелев И.С. Миграция цивилизация адаптация (концептуальная связь понятий): монография / И.С. Метелев. – Омск: ИП Скорнякова Е.В., 2012. –165 с.
71. Молодежь и социально-демографические проблемы СССР/отв.ред. В.Н. Шубкин. – М.:Наука,1990. – 152 с.
72. Морозова Е.В. Региональная политическая культура. – Краснодар, 1998.

73. Мудуев Ш. С. Географические особенности трансформации расселения и хозяйства Дагестана в 1990-е гг.: автореф дис. док-ра ... геогр. наук: 25.00.24 / Мудуев Шахмардан Ситикович. – М. 2004.
74. Народы Дагестана / отв. ред. С.А. Арутюнов и др. М.: «Наука», 2002.
75. Некрасов, Н.Н. Региональная экономика. Теория, проблемы, методы / Н.Н. Некрасов. – М.: Экономика, 1978. – 340 с.
76. Нечаев В.Д. Региональные политические системы в постсоветской России // Pro et Contra. – 2000. – Т.5. – № 1. – С.80-95
77. Никулина И. Е., Хоменко И. В. Системообразующие факторы в развитии регионального социально-экономического климата // Региональная экономика: теория и практика. – 2009. – № 20. – С. 20 – 25
78. Новиков Г.Г. Политический процесс: Социально-философские аспекты исследования : автореферат дис. ... канд. философ. наук: автореф. дис. …канд. филос. наук: 09.00.11 / Новиков Григорий Григорьевич. – М., 1994
79. Нуреев Р.М. Джеймс Бьюкенен и теория общественного выбора. – М.: Таурус альфа, 1997. – 531 с.
80. О некоторых итогах Всероссийской переписи населения 2010 года в Республике Дагестан //Статистический сборник / Дагестанстандарт РД. – Махачкала, 2012. – 45 с.
81. Олех Л.Г. Философия регионализма // Гуманитарные науки в Сибири. СО РАН. 1997. № 1.
82. Осмаев А.Д., Лысенко Ю.М., Халилова А.С. Национальные партии и движения в социально-политическом развитии Дагестана. 1989–1992 гг. // Фундаментальные исследования. Сер. “Политика и политические науки” 2013. – № 2. – С. 734-738
83. Османов А.И. Аграрные преобразования в Дагестане и переселение горцев на равнину (20-70-е годы XX в.). – Махачкала, Ин-т истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, 2000. – 333 с.

84. Панов П.В., Фадеева Л.А. Региональная полития: институционализация, трансформация, традиции // Мировая политика: проблемы теоретической идентификации и современного развития. – М., 2006. – С. 321–348
85. Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический Проект, 2000. – 880 с.
86. Полосин А.В. Политический регион: опыт операционализации и концептуализации понятия. – М.: Издательство Московского государственного университета, 2010. – 200 с.
87. Полосин А.В. Региональное измерение национальной безопасности российской федерации // Вестник Военного университета. – 2009. – № 4. – С. 42 – 47
88. Политический процесс в регионах России (Заочный «круглый стол») // Полис. – 1998. – № 2. – С.88-107
89. Политический процесс: основные аспекты и способы анализа / Под ред. Е.Ю. Мелешкиной. – М.: Издательский Дом «Инфра-М» 2001. – 302 с.
90. Региональные особенности воспроизводства и миграции населения в СССР. М. –1981. – 267 с.
91. Регионы России. Социально-экономические показатели 2011. Стат. сб. / Росстат. – М., 2011. – 990 с.
92. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения // Социальная политика Энциклопедический словарь / под общ. ред. Н.А. Волгина. – М.: Издательство «Экзамен», 2003. –736 с.
93. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения (вопросы теории): монография. – М.: ИСПИ РАН, 2003. – 238 с.
94. Рязанцев С.В. Влияние миграционных процессов на социально-экономическое развитие региона (На материале Ставропол. края) : автореф. дис. …канд. экон. наук: 08.00.18/ Рязанцев Сергей Васильевич. – Ставрополь, 1998 .

95. Сердюков К.Н. Основные парадигмы социологического подхода к исследованию миграционных процессов Изв. Сарат. ун-та. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 3 С. 295-299.
96. Современный словарь по общественным наукам / под общ. ред. О.Г. Данильяна. – М.: НИЦ Инфра-М, 2013. – 314 с.
97. Сови А. Общая теория населения. В 2 т. Т.1 – Экономика и рост населения: пер. с франц. М.: «Прогресс», 1977.
98. Соколов Д.В. Северокавказский фронтир: Гагатль в образах современной миграции // Этнокультурные ландшафты на постсоветском пространстве: проблемы и особенности формирования дагестанского компонента. Коллективная монография. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2014. – 236 с.
99. Соловьев В.А О связи доходов населения миграционного прироста в субъектах РФ Прибалтийские исследования в России: материалы международной научной конференции/ под.ред. А.П.Клемешева, Н.М. Межевич, Г.М. Федорова. – Калининград: Изд. БФУ им. Канта, 2016. – С. 77– 82.
100. Социальная энциклопедия (ред. кол. А.П. Горкин) Г.Н. Карелова, Е.Д. Катульский и др. – М.: Большая российская энциклопедия, 2000. – 438 с.
101. Социально-экономическое положение в РД. – Махачкала: Комитет государственной статистики РД, 2003. – 205 с.
102. Социально-экономическое положение в Республике Дагестан. – Махачкала: Комитет РД по государственной статистике, 1997. – 287 с.
103. Социологический словарь / отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. – М.: Норма, 2008. –608 с.
104. Староверов В.И. Город или деревня. Наше общество сегодня и завтра. М.: Политиздат, 1972. – 86 с.
105. Стародубровская И.В., Казенин К.И. Северокавказские города: территория конфликтов // Общественные науки и современность. – 2014. – № 6. – С.70-82.

106. Стародубровская И.В. Северный Кавказ: модернизационный вызов / И.В. Стародубровская и др. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014
107. Струмилин С. Г. Проблемы экономики труда. – М.: «Наука», 1982.
108. Терещенко Ж.А. Факторы миграционных процессов в современной России // Общество: социология, психология, педагогика. – 2011. – № 1–2. –С.28-30
109. Тишков В. А. Множественные идентичности между теорией и политикой (пример Дагестана) / В. А. Тишков, Э. Ф. Кисриев // Этнографическое обозрение. – 2007. – № 5. – С. 96–115
110. Туровский Р.Ф. Политическая регионалистика. – М.:ГУ ВШЭ, 2006. – 792 с.
111. Третий электоральный цикл в России // Полис. Политические исследования. – 2004. – № 1. – С. 6–50.
112. Уайтхед Л. Сравнительная политология: исследования по демократизации // Политическая наука: новые направления. – М. 1999.
113. Усягин А.В. Территориальное управление в политической системе Российской Федерации: автореф. дис. … д-ра полит. наук: 23.00.02 / Усягин Андрей Владимирович. Н. Новгород, 2006. – 55 с.
114. Федоров Г.М. Регион как территориальная система // Вестник Российского государственного университета им.И.Канта. Сер.7, География. 2010. – №1. – С.20-27.
115. Философский словарь / под ред. Кемерова В.Е. – М.: «ПАНПРИНТ», 2010. – 786 с.
116. Хантингтон С. Третья волна: Демократизация в конце XX века. – М.: АСТ, 2003. – 386 с.
117. Чернышев А.Г. Пространство власти: Исторический опыт России и вызовы современности // Региональное политическое пространство и вызовы глобализации. – М.: Московский общественный научный фонд, 2001. – 513с.

118. Чернышев А.Г. Регион как субъект политики. Саратов, 1999. – 252 с.
119. Шахбанова М.М. Дагестанские русские: историко-социологическое исследование / М. М. Шахбанова, Ю.М. Лысенко, Р.М. Мамараев. – Махачкала: АЛЕФ, 2015. – 320 с.
120. Шеховцева Л. С. Методологические подходы к исследованию региона: формирование стратегических целей // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта 2014. – №3. – С.26 –31
121. Шихахмедов Г.Г. Экономика Дагестана: история, потенциал, перспективы. – М.: Дельта-Гранд, 2007. – 324 с.
122. Шмиттер Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии // Полис. Политические исследования. –1996. – № 5. – С. 16 – 27.
123. Шутов А.Ю. Политический процесс (теоретико-методологические аспекты): автореф. дисс. …канд. полит. наук: 23.00.02/ Шутов Андрей Юрьевич. – М., 1993.
124. Щипков В.А. Регионализм как идеология глобализма: монография / В.А. Щипков. – М.: МГИМО – Университет, 2017. – 88 с.
125. Экономика Дагестана. - Махачкала: Даг. кн. Изд-во, 1983. - 164 с.
126. Этнокультурный облик России. Перепись 2002 года. – М.: Наука, 2007. – 516 с.
127. Юдина Т.Н. Социология миграции. – М.: Академический Проект, 2006. – 272 с.
128. Easton D. A systems analysis of political life. Enskede: TPB, 2001.
129. Huff R. Human capital. – URL: https://www.britannica.com/topic/human-capital
130. Huntington S.P. Political order in changing societies New Haven, Conn. ; London: Yale Univ. Press, 2006.
131. Ishiyama T. Historical institutionalism – URL: https://www.britannica.com/topic/neoinstitutionalism

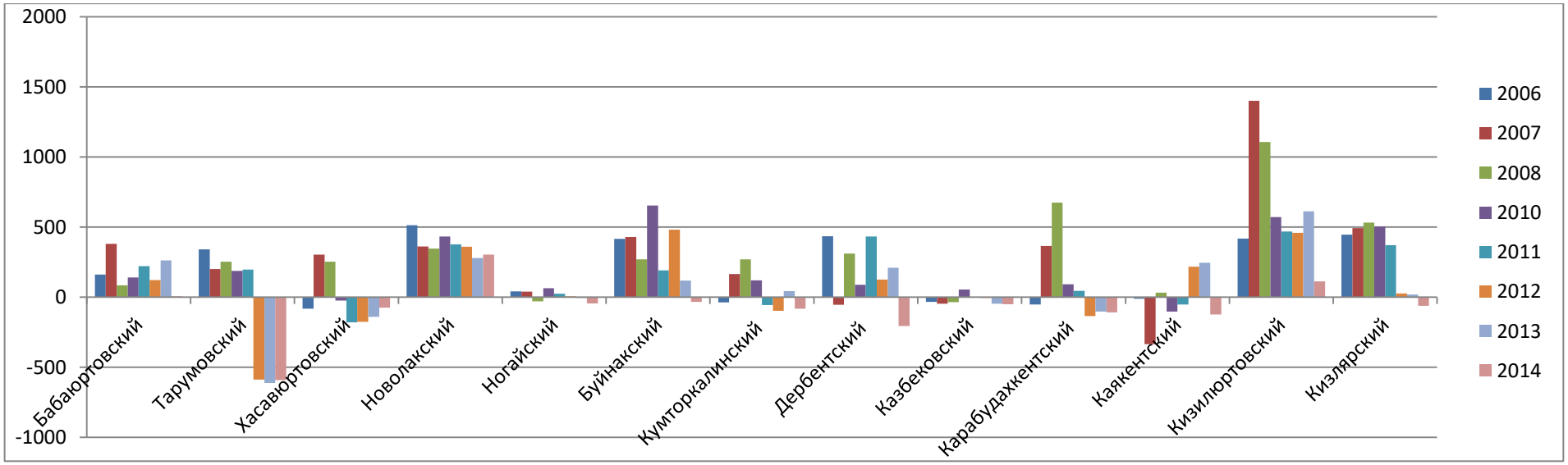
132. Janelle D., Corbett J. Ravenstein E.G. The Laws of Migration, 1885. CSISS Classics, University of California 2003-01-01
133. LaPalombara J. Political Order in Changing Societies by Samuel P. Huntington Review: The Yale Law Journal, Vol. 78, No. 7 (Jun., 1969), pp. 1253-1275
134. Markusen A.R. The Economics of Politics of Territory // Agricultural History, 1989. Vol. 63. No. 3. pp. 98-100
135. North D.C. Institutions, institutional change and economic performance. New York: Cambridge University Press, 2017.
136. Parsons T. An analysis of social systems using Pareto's approach. New Orleans, LA: Quid Pro Books, 2012.
137. Redfield R. American anthropologist. The Editors of Encyclopaedia Britannica – URL: https://www.britannica.com/biography/Robert-Redfield
138. Schmitt-Egner P. The Concept of 'Region': Theoretical and Methodological Notes on its Reconstruction // Journal of European Integration. Vol. 24. № 3, 2002. P.179-200
139. Vullnetari J. Albania on the Move. Links between Internal and International Migration. Amsterdam University Press. 2012.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1.

Сальдо внутренней миграции по территориям со смешанным этническим расселением за 2006-2014 гг. (равнина, предгорье)

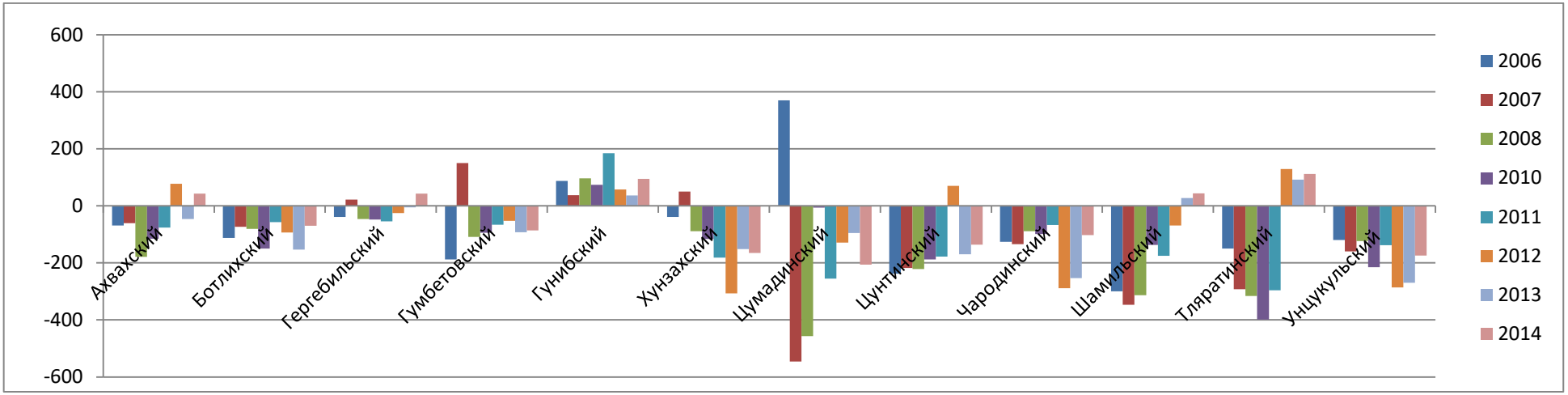
	2006	2007	2008	2010	2011	2012	2013	2014
Бабаюртовский	161	381	84	141	221	122	262	6
Тарумовский	341	**200**	252	188	197	-588	-613	-592
Хасавюртовский	-82	304	253	-25	-179	-176	-140	-75
Новолакский	513	**362**	347	432	377	359	279	303
Ногайский	42	40	-29	64	25	6	-5	-45
Буйнакский	416	429	269	653	192	481	118	-34
Кумторкалинский	-37	165	270	120	-57	-98	44	-83
Дербентский	434	**-55**	310	88	433	125	209	-206
Казбековский	-34	**-47**	-36	54	0	-6	-46	-50
Карабудахкентский	-53	**365**	675	91	45	-135	-102	-109
Каякентский	-12	-335	31	-102	-52	218	246	-124
Кизилюртовский	418	**1400**	1106	572	468	458	612	113
Кизлярский	446	492	531	504	371	26	19	-61


2000
1500
1000
500
0
-500
-1000
Бабаюртовский
Тарумовский
Хасавюртовский
Новолакский
Ногайский
Буйнакский
Кумторкалинский
Дербентский
Казбековский
Карабудахкентский
Каякентский
Кизилюртовский
Кизлярский
2006
2007
2008
2010
2011
2012
2013
2014

Приложение 2.

Сальдо внутренней миграции по территориям компактного проживания аварцев за 2006-2014 г.г.(горная зона).

	2006	2007	2008	2010	2011	2012	2013	2014
Ахвахский	-69	-61	-179	-115	-76	78	-46	43
Ботлихский	-112	**-73**	-81	-150	-57	-93	-153	-70
Гергебильский	-39	**22**	-46	-48	-54	-25	-5	43
Гумбетовский	-188	150	-109	-94	-66	-52	-92	-86
Гунибский	88	**38**	97	74	185	58	37	95
Хунзахский	-39	50	-89	-116	-181	-307	-151	-165
Цумадинский	370	**-546**	-457	-6	-255	-129	-95	-206
Цунтинский	-238	-218	-221	-188	-178	70	-170	-136
Чародинский	-126	**-134**	-89	-99	-67	-289	-253	-102
Шамильский	-300	-347	-313	-137	-175	-69	28	44
Тляратинский	-150	-292	-316	-399	-296	129	92	112
Унцукульский	-120	**-160**	-123	-215	-138	-286	-270	-174


600
400
200
0
-200
-400
-600
Ахвахский
Ботлихский
Гергебильский
Гумбетовский
Гунибский
Хунзахский
Цумадинский
Цунтинский
Чародинский
Шамильский
Тляратинский
Унцукульский
2006
2007
2008
2010
2011
2012
2013
2014

Приложение 3.

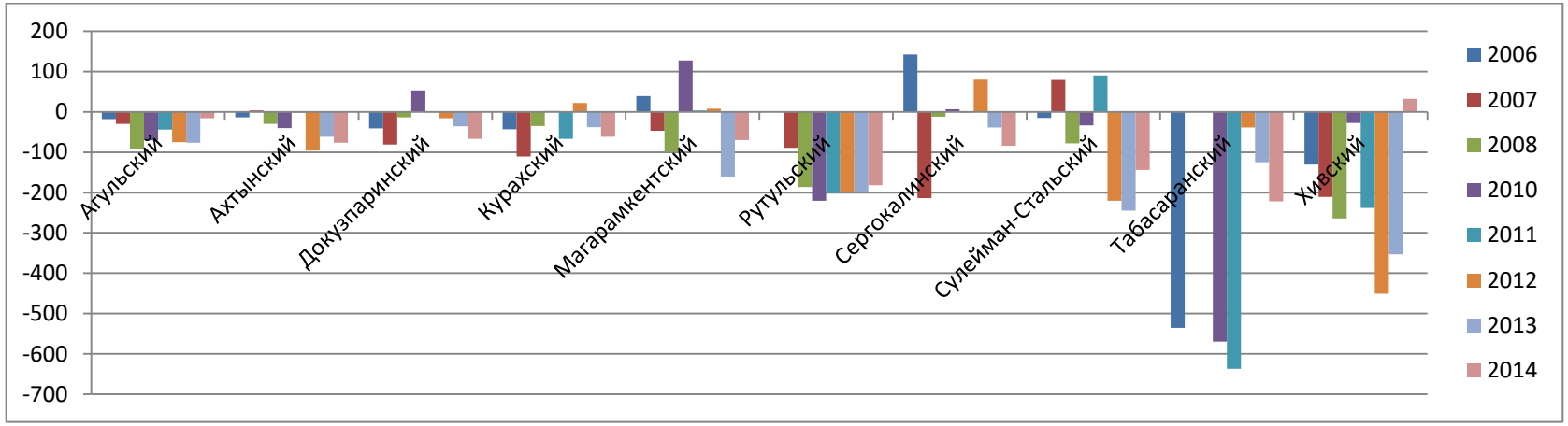
Сальдо внутренней миграции по территориям компактного проживания даргинцев за 2006-2014 г.г.(горная зона).

	2006	2007	2008	2010	2011	2012	2013	2014
Левашинский	-243	**-369**	-63	47	-68	91	45	-124
Акушинский	-274	**-373**	-241	-370	-278	-211	-311	-66
Дахадаевский	-323	-594	-159	-329	-305	-276	-176	-195
Кайтагский	-23	25	22	226	33	137	10	2

Приложение 4.

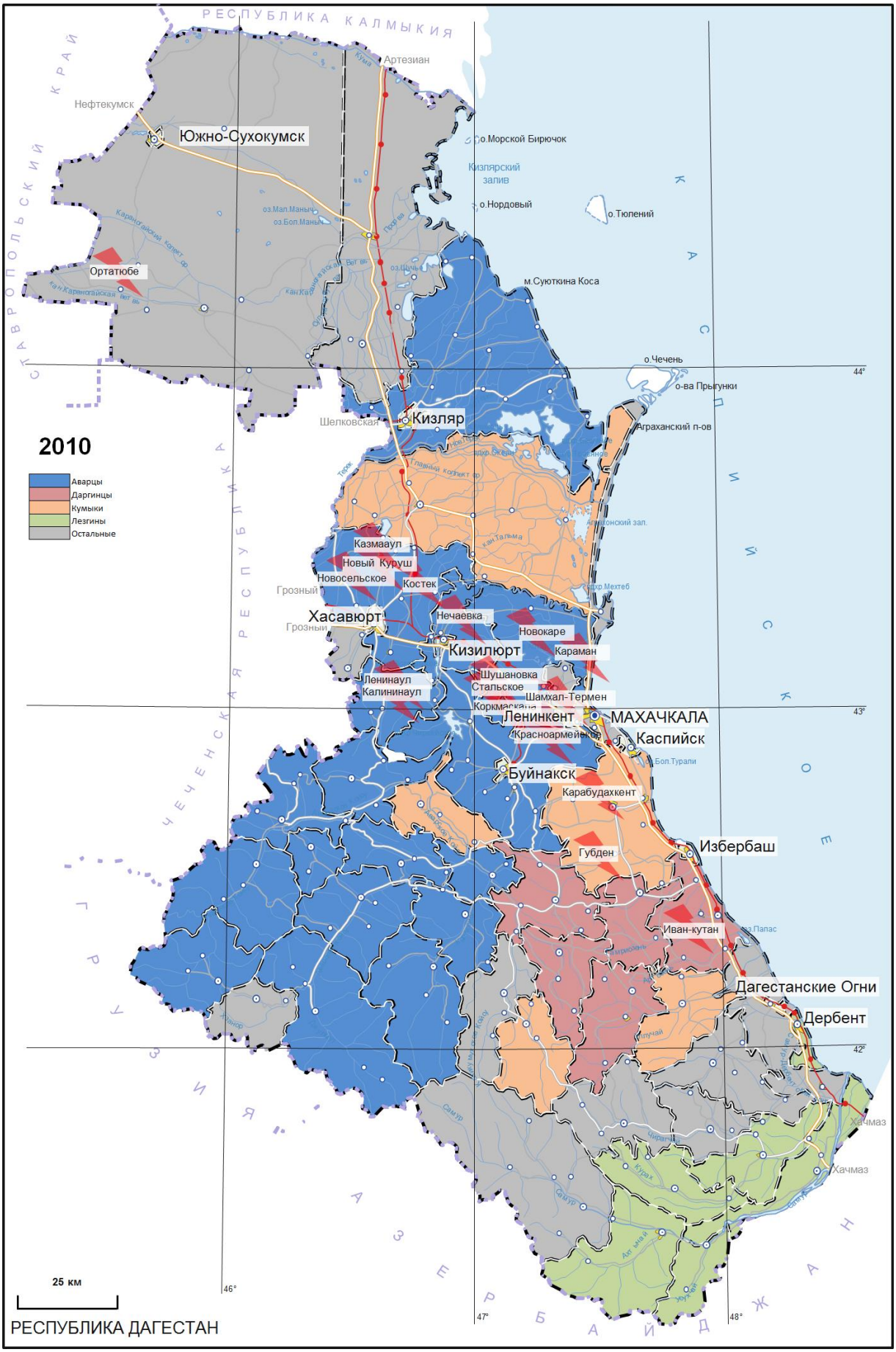
Сальдо внутренней миграции по территориям компактного проживания лезгин, за 2006-2014 г.г.(горы, предгорье).

	2006	2007	2008	2010	2011	2012	2013	2014
Агульский	-18	-30	-92	-71	-44	-75	-77	-16
Ахтынский	-14	**3**	-30	-40	-2	-96	-62	-77
Докузпаринский	-41	-81	-14	53	-1	-16	-36	-67
Курахский	-43	**-111**	-35	2	-67	22	-38	-62
Магарамкентский	39	-47	-99	127	3	8	-160	-70
Рутульский		**-89**	-186	-220	-201	-198	-198	-182
Сергокалинский	142	-214	-12	6	-2	80	-39	-84
Сулейман-Стальский	-15	**79**	-78	-34	90	-220	-245	-144
Табасаранский	-535			-569	-637	-39	-125	-222
Хивский	-131	**-211**	-264	-28	-238	-451	-353	32



Приложение № 5

Территориальное распределение наиболее многочисленных этнических общностей региона



Приложение № 6

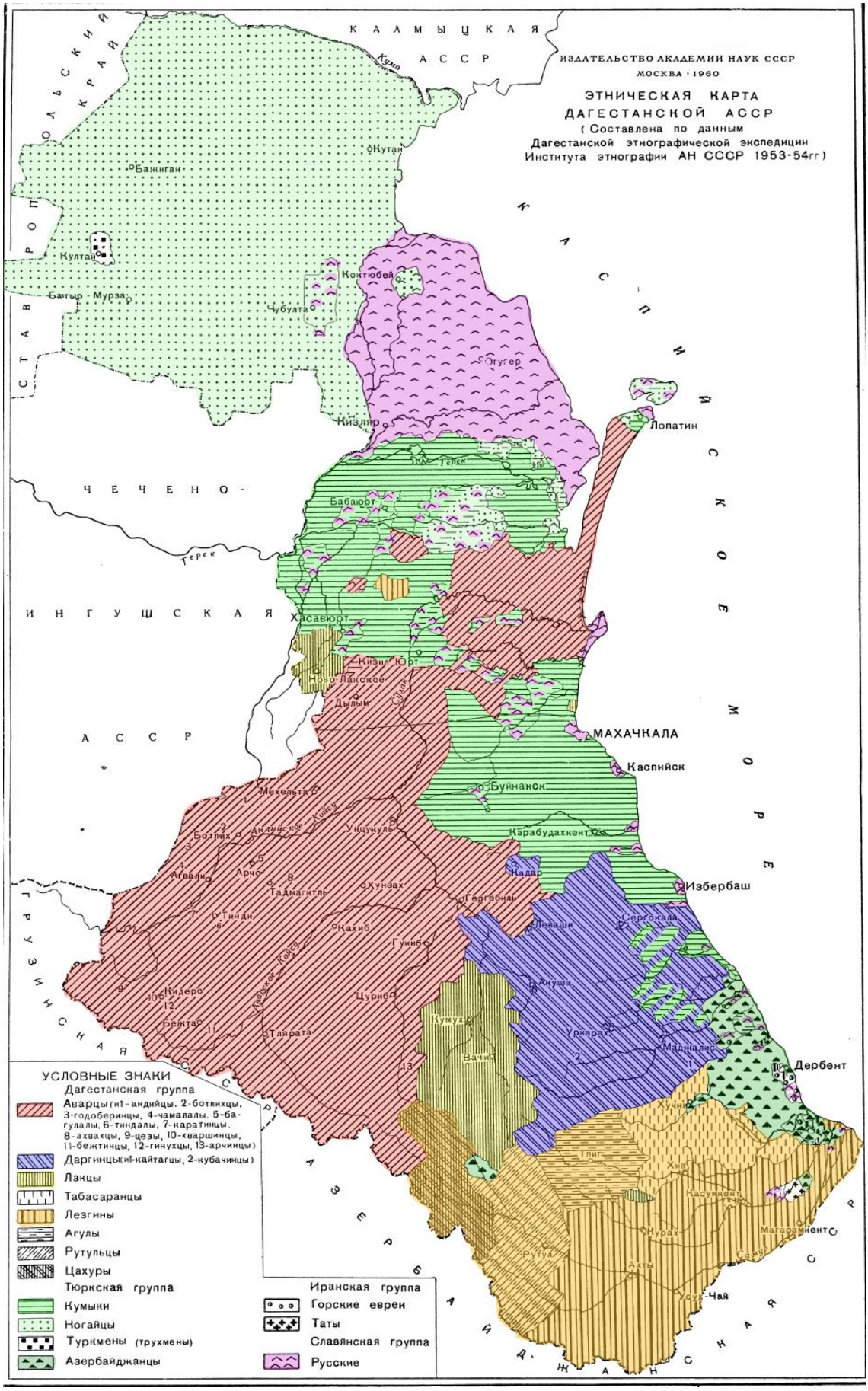
Расположение наиболее многочисленных населенных пунктов в регионе вдоль Р-217 «Кавказ»

Приложение № 7

Соотношение городов, городских поселений с сельскими населенными пунктами в регионе

Приложение № 8

Территориальное распределение этнических общностей региона в середине 20 века



УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ

Дагестанская группа

Аварцы (1-андийцы, 2-ботлихцы, 3-годоберинцы, 4-чамалалы, 5-багулалы, 6-тиндалы, 7-каратинцы, 8-ахвахцы, 9-цезы, 10-хваршинцы, 11-бежтинцы, 12-гинухцы, 13-арчинцы)

Даргинцы (1-кайтагцы, 2-кубачинцы)

Лакцы

Табасаранцы

Лезгины

Агулы

Рутульцы

Цахуры

Тюркская группа

Кумыки

Ногайцы

Туркмены (трухмены)

Азербайджанцы

Иранская группа

Горские евреи

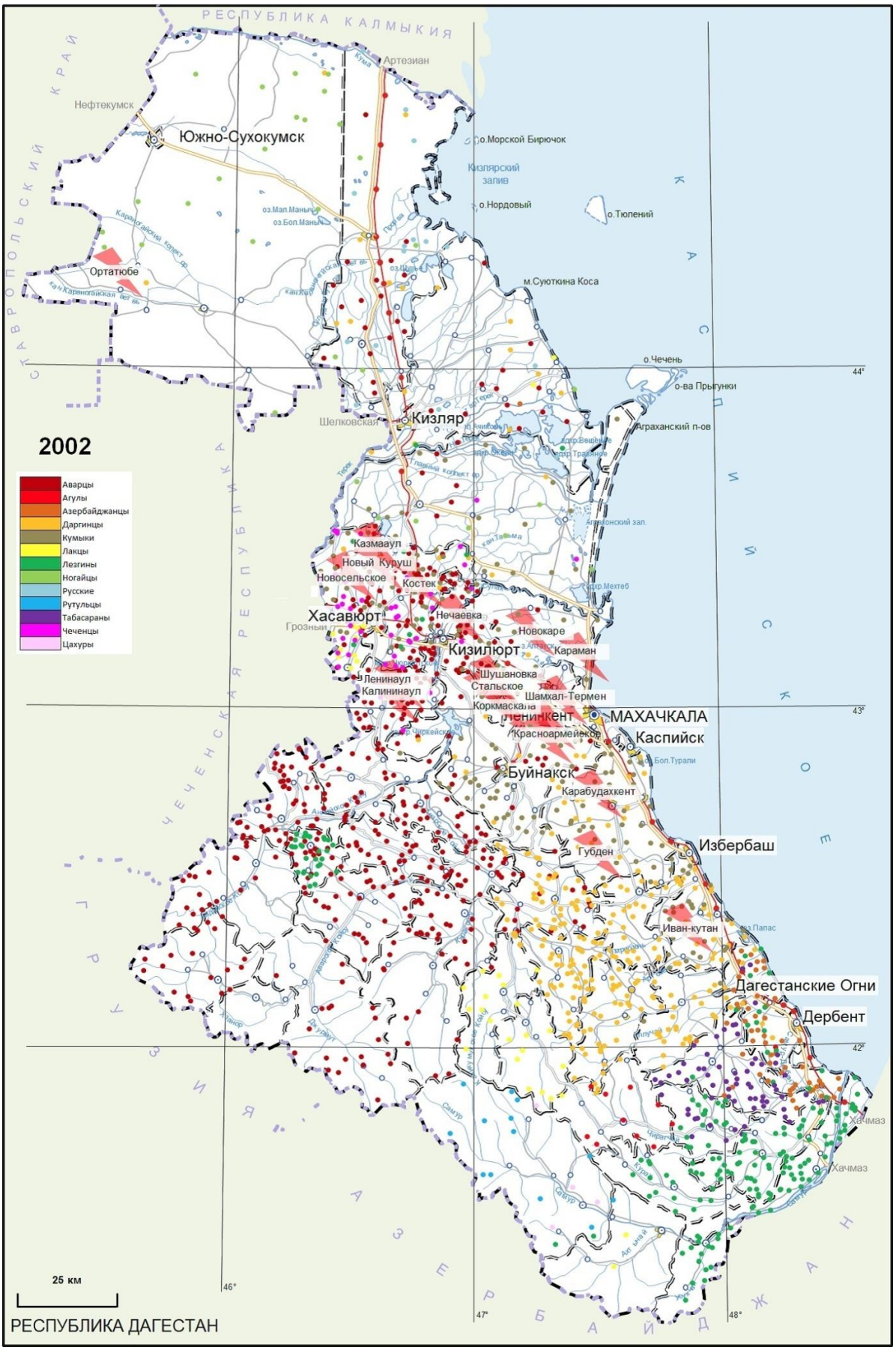
Таты

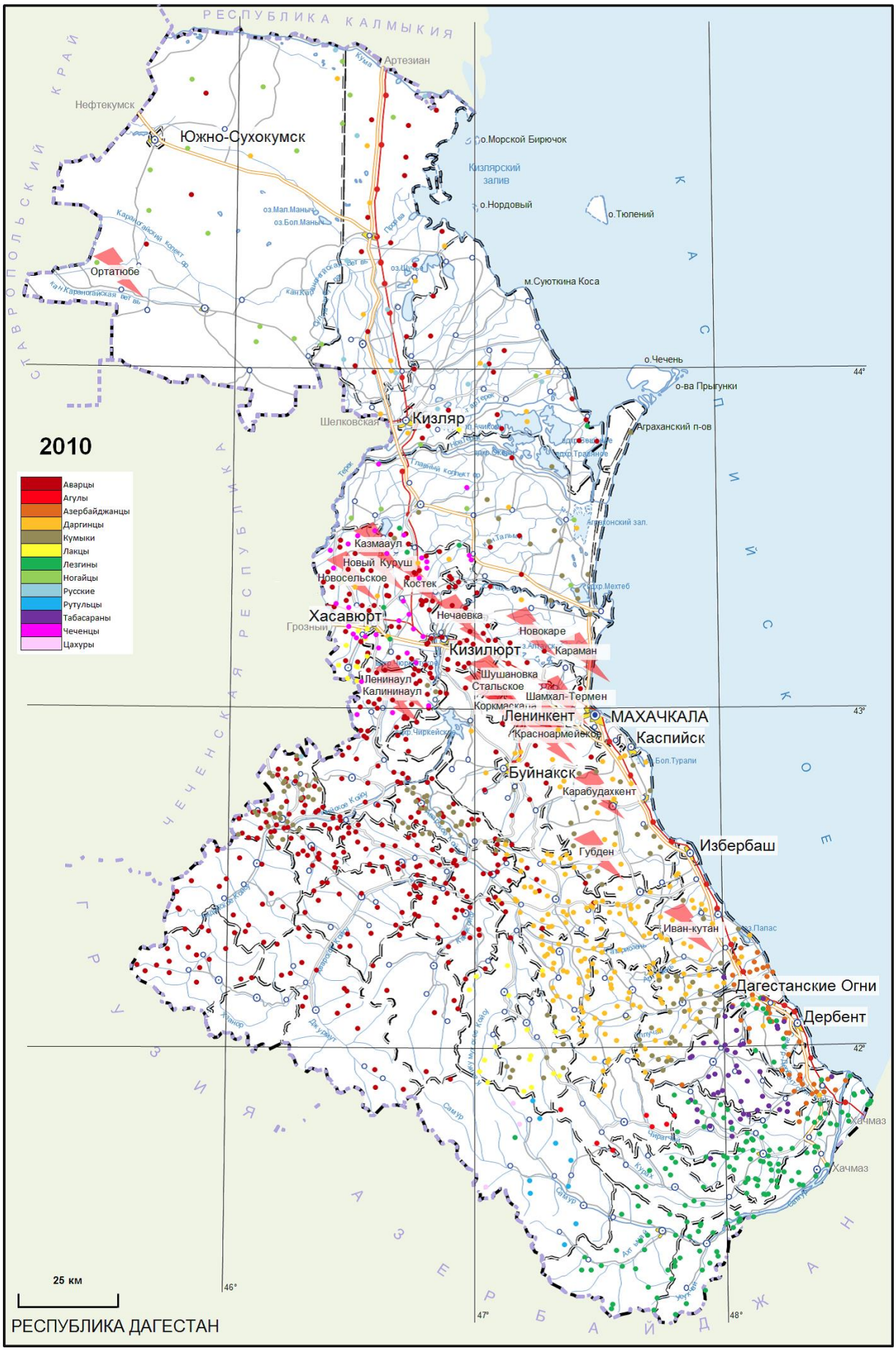
Славянская группа

Русские

Приложение № 9

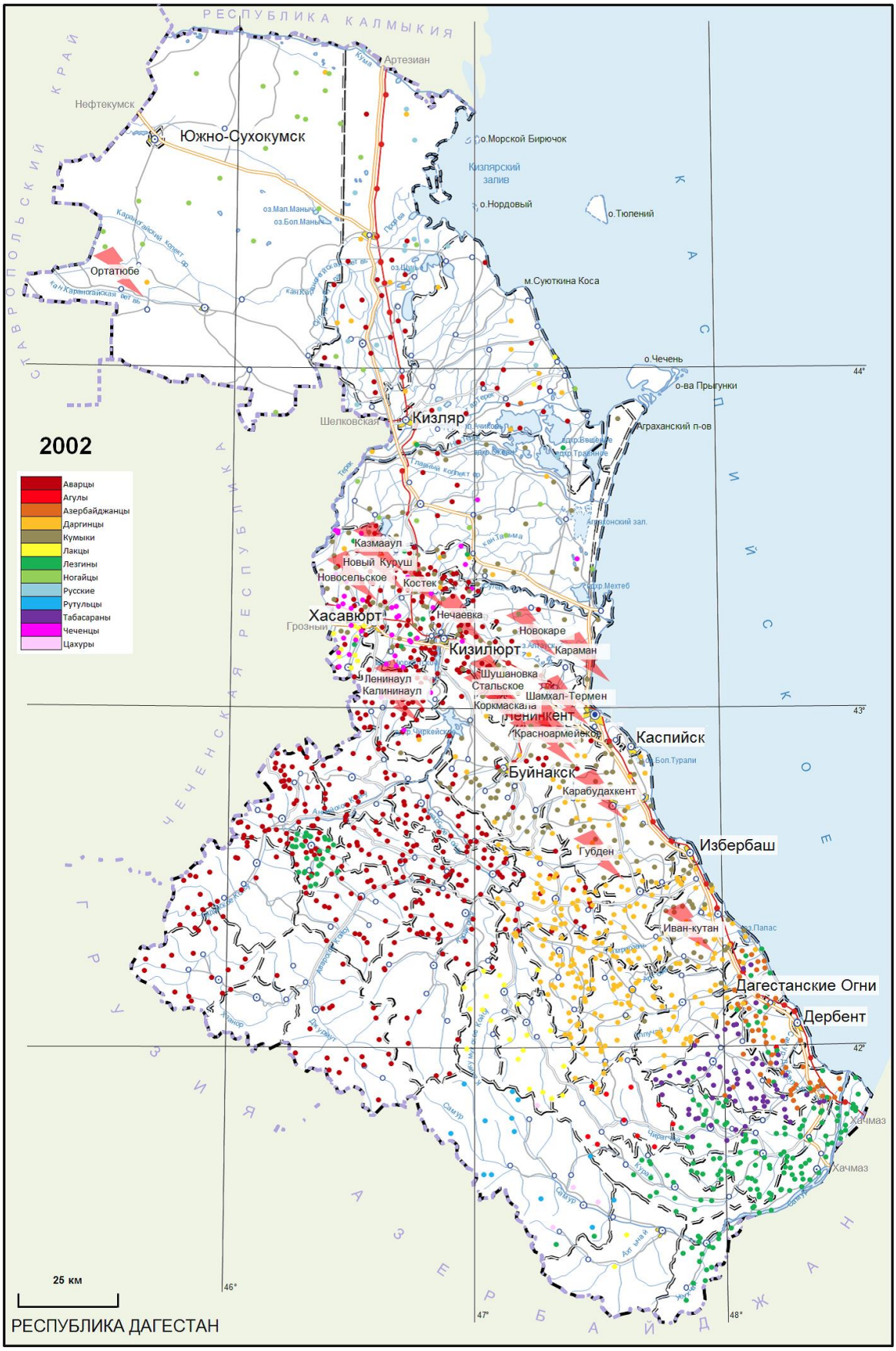
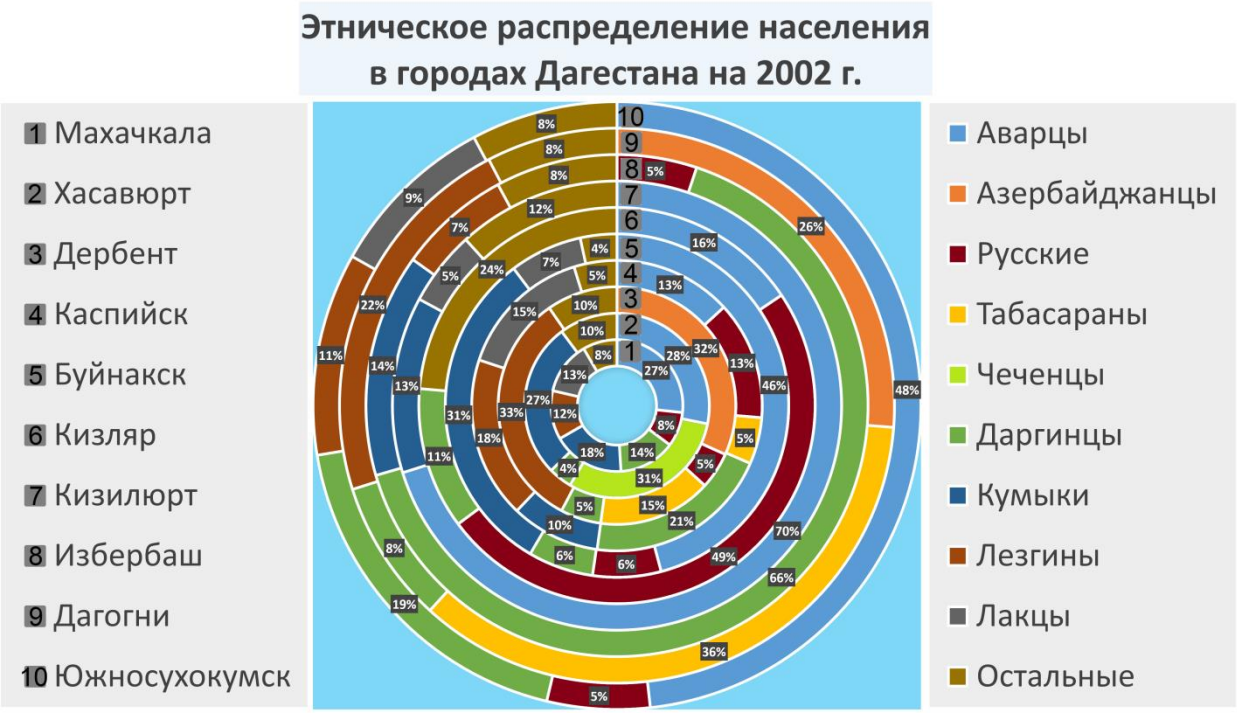
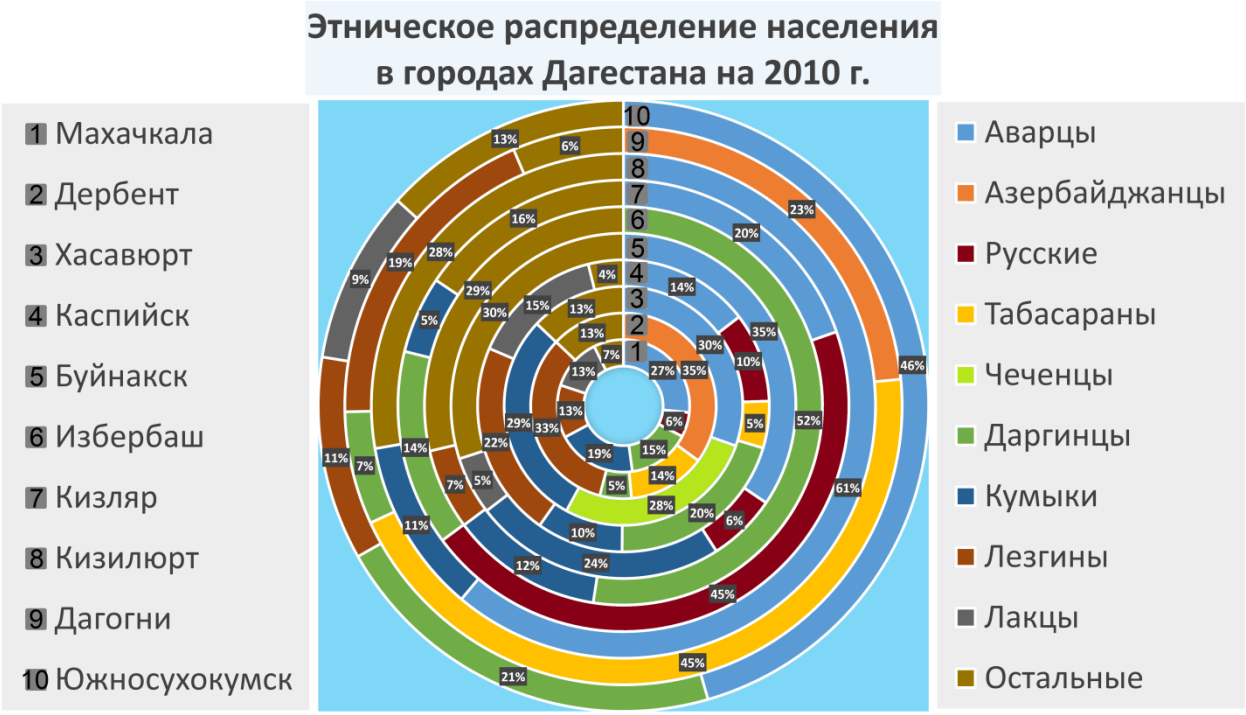
Этнические территории, на которых фиксируется воспроизводство политической конфликтогенности




РЕСПУБЛИКА КАЛМЫКИЯ
СТАВРОПОЛЬСКИЙ КРАЙ
Нефтекумск
Южно-Сухокумск
Артезиан
о.Морской Бирючок
Кизлярский залив
о.Нордовый
о.Тюлений
оз.Мал.Маныч
оз.Бол.Маныч
Ортатюбе
м.Суюткина Коса
о.Чечень
о-ва Прыгунки
Шелковская
Кизляр
Астраханский п-ов
2010
Аварцы
Агулы
Азербайджанцы
Даргинцы
Кумыки
Лакцы
Лезгины
Ногайцы
Русские
Рутульцы
Табасараны
Чеченцы
Цахуры
Казмааул
Новый Куруш
Новосельское
Костек
Хасавюрт
Грозный
Нечаевка
Новокаре
Кизилюрт
Караман
Шушановка
Ленинаул
Калининаул
Стальское
Шамхал-Термен
Коркмаскала
Ленинкент
МАХАЧКАЛА
Красноармейское
Каспийск
Буйнакск
Карабудахкент
Избербаш
Губден
Иван-кутан
Дагестанские Огни
Дербент
Хачмаз
РЕСПУБЛИКА ЧЕЧЕНСКАЯ
ГРУЗИЯ
АЗЕРБАЙДЖАН
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
44°
43°
42°
46°
47°
48°
25 км
РЕСПУБЛИКА ДАГЕСТАН

Приложение № 10

Этническая определенность миграционных потоков в города региона (за исключением столичной агломерации)



Приложение № 11